

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**ВОЙНА
КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ
ИДЕНТИЧНОСТЬ**

**ТОМ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
2020**

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ВОЙНА. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.
ИДЕНТИЧНОСТЬ

ТОМ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Под общей редакцией
С.П. Брюна

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
президент «Руниверс»
- С.П. Брюн**
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Goldman**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX—XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жангиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- М.С. Мейер**
доктор исторических наук, профессор кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока, президент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра «Кремль-9» РГГУ
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Ангтила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
President of «Runivers»
- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section “History of Social Reforms, Movements and Revolutions” of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John’s College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Mikhail S. Meyer
D. Sc. (History), Professor at the Department of Middle and Near East History, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Stepan V. Orlov
Ph.D. in Economics, Docent, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov
Ph.D. in History, Director of the ‘Kremlin-9’ Centre for Studies and Research at Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Первый том «Исторического вестника» за 2020 г. посвящен истории Крестовых походов. Эпоха крестовых походов — одна из самых противоречивых и сложных страниц в истории человечества. Эта страница человеческой истории до сих пор используется различными политическими и религиозными группами для построения враждебного образа «исторического противника» или цементирувания в общественном сознании «исторической обиды/травмы/долга». В популярной культуре образ крестоносца балансирует между политической карикатурой и мещанской конспирологией (свидетельство последнего — обилие низкопробных текстов и фильмов о «тайнах» ордена тамплиеров).

Между тем историческая наука прошла долгий и сложный путь, раскрывая неоднозначность, многосложность, боль и красоту этой эпохи. Со второй половины XIX в. и по сей день в свет выходят фундаментальные работы, касающиеся социополитической и военной истории, религиозной жизни, археологии, архитектуры и искусства, нумизматики и литературы эпохи крестовых походов. Исследования этой страницы человеческой историей сохраняют колоссальный потенциал — как с точки зрения фундаментальной науки, так и просветительской, социальной значимости.

На протяжении последних лет «Исторический вестник» — усилиями редколлегии и авторских коллективов — уделяет все большее внимание исследованиям межцивилизационного пространства: государствам, феноменам и процессам, так или иначе объединявшим различные культуры и народы Востока и Запада. В этой плеяде коллективных исследований — тома, посвященные генезису Монгольской и Османской империй (под редакцией А.А. Горского и Т.Ю. Кобищанова соответственно), христианству на Ближнем Востоке (под общей редакцией К.А. Панченко), двусторонним связям России и Османской империи (XXX том журнала под редакцией Т.Ю. Кобищанова). На данном этапе планируется создание тематического номера, посвященного норманнской экспансии в Западную Европу, на Русь и в Средиземноморье.

Очередным шагом в направлении этих исследований становится и нынешний номер под редакцией С.П. Брюна. Название нашего XXXI тома:

«Война. Крестовые походы. Идентичность». Господствующей темой номера является тема межкультурных контактов и факторов идентичности различных этноконфессиональных групп, непосредственным образом вовлеченных в войны крестовых походов. В номере тщательно рассматриваются различные темы: от нумизматики и археологии до истории латино-византийских контактов в Средиземноморье, от мамлюкского разорения Триполи до интервенции арагонской короны в защиту восточных христиан в Мамлюкском султанате, от темы джихада в исламской поэзии X—XIII вв. Особую ценность номеру придает публикация источников. В данном случае это послание Фридриха I Барбароссы императору Мануилу I Комнину, перевод и комментарии к которому предоставлены к.и.н. П.В. Кузенковым, и выдержки из восточнохристианских и исламских текстов о разорении и уничтожении Триполи (1289 г.), приведенные и прокомментированные д.и.н. К.А. Панченко.

Каждый новый том нашего журнала превращается по сути дела в тщательно рецензируемую коллективную монографию, с международным авторским коллективом. В данном томе представлены статьи авторов из пяти стран — Англии, Шотландии, Франции, Греции и России — и более чем девяти организаций. В их числе Университет Эдинбурга (К. Хилленбранд), Университет Лондона (К.С. Паркер), Московский государственный университет (С.В. Близнюк, П.В. Кузенков, К.А. Панченко), ИВИ РАН (Д.Э. Харитонович), Военная академия Афин (Н. Каннелопулос), Университет Св. Павла в Монпелье (С. Григорян), Музеи Московского Кремля (С.П. Брюн).

От лица всех членов редакционного совета хотел бы выразить благодарность всему авторскому коллективу. Выражаем надежду, что этот номер внесет свою лепту в отечественную и мировую научную жизнь и откроет путь дальнейшим исследованиям и публикациям, в том числе к следующим международным проектам нашего журнала.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

The Historical Reporter's first issue of 2020 is dedicated to the history of the Crusades. The Crusades are undoubtedly among the most controversial and complex chapters in human history. This historical period is still used by various political and religious entities in order to construct an appalling image of a «historical enemy» or to cement the «historic trauma/historic debt» imprint in society's collective conscious. In popular literature the image of the crusader balances between a political caricature and conspiracy theories: the latter are attested to by a plethora of low-class text, almost annually published, about the «secrets» of the Knights Templar).

Meanwhile, historical sciences have come a long and hard way, uncovering the complexity, pain and beauty of that era. Since the middle of the 19th century and up to this day we witness the publication of fundamental studies pertaining to socio-political and military history, religious life, archaeology, architecture and art, numismatics and literature of the Crusades. The study of this chapter of our history retain colossal potential, from the point of view of both — fundamental science, as well as its educational and social significance. Throughout the past years, *The Historical Reporter* — through the efforts of its editorial board and authors — devotes more and more attention to the research of inter-civilizational contact zones: to states, regions, phenomena and processes that — in one way or another — brought together various cultures and peoples of the East and the West. So far, we have been able to produce several — highly notable — collective research projects, namely our issues dedicated to the genesis of the Mongol and Ottoman Empires (edited by A.A. Gorsky and T.Y. Kobischanov respectively), to Christianity in the Middle East (edited by K.A. Panchenko), to the bilateral relations of Russia and the Ottoman Empire (Issue 30 of *The Historical Reporter*, supervised and edited by T.Y. Kobischanov). Currently we are working on a issue, dedicated to the Norman Expansion into Western Europe, Russia and the Mediterranean.

Another important milestone in our research is the current issue, supervised and edited by S.P. Brun. Issue 31 of *The Historical Reporter* is

titled «War. Crusades. Identity». The dominant theme of the issue is the history of intercultural contacts between and the identity factors of various ethnoreligious groups that were directly involved in the Crusades. The issue examines in detail various themes pertaining to this subject: from numismatics and archaeology to the history of Latin-Byzantine contacts, the Mameluke conquest and destruction of Tripoli, Aragonese intervention into the Mameluke sultanate, the theme of the jihad in Arabic poetry in the 11th–13th centuries. Special value to our issue is added by the publication of original sources. The first one is the letter of Frederick I Barbarossa to Emperor Manuel I Komnenos, the translation and commentary to which were provided by P.V. Kuzenkov, as well as excerpts from Eastern Christian and Islamic texts on the fall and destruction of Tripoli (1289), brought together, translated and commented on by K.A. Panchenko.

Each new issue of our journal can actually be seen as a meticulously edited collective monography with an international group of authors. In the given issue you will find the articles, provided by authors from 5 countries — England, Scotland, France, Greece and Russia. These include articles provided by C. Hillenbrand (University of Edinburgh), K.S. Parker (University of London), S.V. Blizniuk, P.V. Kuzenkov, K.A. Panchenko (all of the Moscow State University), D.E. Kharitonovich (the Institute of World History of the Russian Academy of Science), N. Kannelopoulos (of the Hellenic Military Academy, Greece), S.L. Grigoryan (Université Paul-Valéry Montpellier 3, France), S.P. Brun (the Moscow Kremlin Museums).

On behalf of the editorial board I would like to offer my sincere gratitude to the entire collective of authors. We hope that this issue will be of value to the global academic community, and will be an important step in the continuing collaboration of *The Historical Reporter* with various international institutions and colleagues.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия10

ФАКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Хилленбранд. Поэзия джихада в эпоху крестовых походов16

П.В. Кузенков. Самоидентификация империи:
версия Мануила I Комнина.....36

N. Kanellopoulos. Greeks, Bulgarians and Latins in conflict during
the early 13th century in Thrace and Asia Minor.....60

С.В. Близнюк. Латинский эллинизм и греческий латинизм
в королевстве Кипр XIV–XVI вв.....84

С.П. Брюн. Факторы идентичности и конфликты самоопределения
в войнах Антиохии и Армении..... 104

К.А. Панченко. Падение Триполи 1289 г. в восприятии
христианских общин Ближнего Востока 136

K.S. Parker. Aragon and the East: James II and Diplomatic Intervention
in Mamluk Egypt..... 160

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛАТИНСКОГО ВОСТОКА

С. Григорян. Крепость Левона Отрока: Средневековое название
и период строительства Йиланкале..... 178

В.С. Хомутов. Арабоязычные христианские монеты
Иерусалимского королевства..... 198

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Д.Э. Харитонович. Рецензия на монографию С.И. Лучицкой
«Крестовые походы: идея и реальность»..... 218

Д.А. Бажанов. Призраки измены? Размышления о работе
В.В. Хутарева-Гарнишевского «Призраки измены. Русские спецслужбы
на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова,
1910–1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов» 222

CONTENTS

IDENTITY AND SELF-IDENTIFICATION FACTORS DURING THE CRUSADES

Editor: **Sergei P. Brun**

Foreword.....	10
Carole Hillenbrand. Jihad Poetry in the Age of the Crusades.....	16
Pavel Kuzenkov. The Self-Identification of an Empire: the Version of Manuel I Komnenos	36
Nikolaos Kanellopoulos. Greeks, Bulgarians and Latins in conflict during the early 13 th century in Thrace and Asia Minor.....	60
Svetlana Blizniuk. Latin Hellenism and Greek Latinism in the Kingdom of Cyprus in the 13 th –16 th centuries	84
Sergei P. Brun. Factors and Conflicts of Identity in the Antioch-Armenia Wars.....	104
Konstantin Panchenko. The Fall of Tripoli in 1289 in the Perception of Christian Communities of the Middle East.....	136
Kenneth Scott Parker. Aragon and the East: James II and Diplomatic Intervention in Mamluk Egypt	160

MATERIAL CULTURE OF THE LATIN EAST

Samvel Grigoryan. Named for Lewon the Young. The Medieval Name and the Date of Construction of Yilankale.....	178
Vladimir S. Khomutov. Christian Arabic Coinage during the Seventh Crusade	198

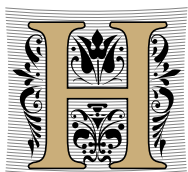
HISTORICAL THOUGHT

Dmitry Kharitonovich. A Review of S.I. Lutchitskaya's book The Crusades: Idea and Reality	218
Denis Bazhanov. Specter of a Treason? Thoughts about Vladimir Hutarev-Garnishevskiy work «Specter of a Treason. Russian Intelligence Services in the Baltic Region as depicted in V.V. Vladimirov' Reminiscences, 1910–1917.....	222

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Наша историческая память продолжает существовать в черно-белом формате. История крестовых походов остается неисчерпаемым источником для исторической науки, не теряя своей актуальности. К сожалению, в общественной, религиозной и этноконфессиональной риторике эпоха крестовых походов воспринимается как тема, которая не только разделяла, но и продолжает разделять народы и религиозные группы, питая весьма агрессивные мифологизированные политические нарративы о ранах, нанесенных «другим», будь этот «другой» — латинянин-католик, разоривший Иерусалим или Константинополь, или сарацин, осквернявший и уничтожавший святыни христианского Востока.

Это прискорбное внимание вновь и вновь подчеркивает необходимость комплексного исследования данной эпохи, а также контекстуального рассмотрения основных событий и военных конфликтов этого времени. И разорение крестоносцами Иерусалима (1099) или Константинополя (1204) порой полностью перечеркивают многочисленные войны единоверцев, бушевавшие в X—XIII вв. (будь это войны православных — от византийско-болгарских войн до междоусобиц Киевской Руси,

от арабо-тюркских и суннито-шиитских столкновений до феодальных войн Западной Европы).

Что оказывалось определяющим при решении этноконфессиональной общности, населения города, сословия или личности вступить в военный конфликт, в стремлении поставить свою жизнь на кон и выступить против того, кто в силу традиционной, унаследованной антипатии или по мановению руки фортуны становился «врагом»? Когда речь заходит о крестоносном движении, о взаимодействии латинян с восточным населением, и о самой идентичности и этнической принадлежности «крестоносцев» Заморской земли (Outremer), огромное значение имеет недавно раскрытое массовое захоронение XIII в. близ Сайды/Сидона. Генетическая экспертиза, проведенная сотрудниками Института Сангера¹, позволила точно распознать генетическую принадлежность нескольких погребенных: из девяти исследуемых, трое оказались выходцами из Европы (в частности, из северной части Иберийского полуострова), четверо — чистокровными уроженцами сиро-ливанского региона, а двое — полукровками, рожденными от смешанных браков франкских переселенцев и левантийцев. Экспертиза сидонского захоронения стала важнейшим материальным подтверждением выдвигавшегося на протяжении многих лет утверждения о вовлеченности восточных христиан и левантийских полукровок в жизнь Латинского Востока, в администрации и войска крестоносцев. При этом, генетические исследования региона показали, что эти потомки смешанных браков франков и левантийцев не оставили никакого следа в геноме современных жителей Ближнего Востока, что в свою очередь дает основание говорить об их тотальном уничтожении или исходе в годы мамлюкских завоеваний².

Основополагающей темой данного тома является именно вопрос самоопределения и идентичности в эпоху крестовых походов. Данный том разделена две смысловые части. Первая часть — «Факторы идентичности и самоопределения в эпоху крестовых походов: материалы и исследования» — включает научно-исследовательские работы, посвященные различным событиям и процессам, связанным с крестовыми

¹ Она была проведена коллективом генетиков, куда входили доктора М. Хабер, К. Думе-Сераль, К.Л. Шейб, Я. Ксю, Р. Микульски, Р. Мартиньяно, Б. Фишер-Генц, Х. Шутовски, Т. Кивисильд, К. Тайлер-Смит.

² Haber M., Doumet-Serhal C., Scheib C.L., Xue Y., Mikulski R., Martiniano R., Fischer-Genz B., Schutkowski H., Kivisild T., Tyler-Smith C. A Transient Pulse of Genetic Admixture from the Crusaders in the Near East Identified from Ancient Genome Sequences // American Journal of Human Genetics. 2019. Vol. 104. Issue 5. P. 977—984.

походами и Латинским Востоком. Вторая — «Памятники материальной культуры Латинского Востока» — включает статьи по археологии и нумизматике.

Том открывает работа снискавшего общемировую славу исследователя, профессора Эдинбургского университета Кэрол Хилленбранд «Поэзия джихада в эпоху крестовых походов», посвященная воспеванию и пониманию войны с неверными в исламских источниках X—XIV вв. Автор, широко известный своей монументальной и выдающейся монографией «Крестовые походы: взгляд с Востока», в указанной статье подробно рассматривает эволюцию понимания и поэтического восприятия джихада — со времен ромейской реконкисты (X—XI вв.) и вплоть до мамлюкских кампаний XIII столетия.

Вопросы о самоопределении, о понимании собственной «богоизбранности», а также о связи христианского Востока и Запада в эпоху крестовых походов раскрываются в статье доцента Исторического факультета МГУ П.В. Кузенкова «Самоидентификация империи: версия Мануила I Комнина». Статья посвящена самовосприятию Ромейской империи в правление императора Мануила I Комнина, а также взаимоотношениям этого василевса с государями Запада, в частности со священно-римским императором Фридрихом I Барбароссой. Мы очень рады, что в рамках данной публикации в научный обиход вводится первая в отечественной литературе публикация уникального источника — послания Фридриха I Барбароссы императору Мануилу I Комнину, перевод которого и комментарий к которому приводит П.В. Кузенков.

Тема взаимоотношений ромеев и крестоносцев продолжена в статье профессора Военной академии Афин Николаса Каннелопулоса «Греки, болгары и латиняне в борьбе за Фракию и Малую Азию на заре XIII века». Статья затрагивает один из самых болезненных этапов в истории византийской цивилизации: время возрождения ромейской государственности после разорения Константинополя крестоносцами. Под властью новой династии — Ласкарисов, опиравшихся на Никею и западные земли Малой Азии, стекавшиеся на восточный континент ромеи смогли воссоздать жизнеспособное государство, завоевав первенство в борьбе как с латинянами, так и с другими ромейскими претендентами: деспотами/василевсами Эпира — Дуками, и правившими в Трапезунде императорами династии Великих Комнинов. Пытаясь закрепиться на европейском континенте, Ласкарисы в качестве своих непосредственных противников воспринимали как Латинскую Рома-

Разорение Константинополя (1204). Худ. Гюстав Доре

нию, так и православные государства: Второе Болгарское царство и ромейский Эпирский деспотат. При этом они проявляли готовность как воевать, так и заключать союзы и с латинянами, и со своими единоверцами — ромеями и болгарами.

Статья доцента Исторического факультета МГУ, известного российского специалиста по эпохе крестовых походов и истории Кипрского королевства С.В. Близнюк «Латинский эллинизм и греческий латинизм в королевстве Кипр XIV–XVI вв.» посвящена иному аспекту латино-византийского соприкосновения: взаимопроникновению латинской и византийской культур в пределах островного Кипрского королевства, остававшегося центром христианского господства и оплотом христиан в восточном Средиземноморье на протяжении более чем трех веков (1191–1598 гг.).

Факторам межкультурного соприкосновения, самоопределения и идентичности посвящена и статья «Факторы идентичности и конфликты самоопределения в войнах Антиохии и Армении» (автор С.П. Брюн). В статье подробно рассмотрены основные факторы и общая динамика формирования альянсов и самоидентификации различных политиче-

ских, региональных и этноконфессиональных группировок в ходе более чем четвертьвековой череды войн между государями Антиохии и Киликийской Армении. Этот конфликт самым парадоксальным образом связал франков, мусульман, армян и православных Леванта, а его истоки, датировка, основополагающие события, последствия и историческая значимость до сих пор вызывают вопросы.

Статья профессора ИСАА МГУ К.А. Панченко «Падение Триполи 1289 г. в восприятии христианских общин Ближнего Востока» предоставляет читателю оригинальные, первые в истории отечественной науки переводы и уникальный аналитический разбор ряда восточнохристианских текстов, посвященных одному из поворотных событий и великих катастроф в истории восточнохристианского мира: мамлюкскому завоеванию и уничтожению Триполи в 1289 г. Среди рассмотренных и приведенных текстов выдержки из сочинений сиро-яковитского хрониста Бар Саумы Сафи, мелькита Сулеймана аль-Ашлухи, маронитского автора Джибраила Ибн аль-Кила'и, а также исламских авторов.

Наконец, статья английского ученого-медиевиста К.С. Паркера — «Арагон и Восток: Иаков II и дипломатическая интервенция в Мамлюкский Египет» посвящена положению восточнохристианских общин под властью мамлюков после падения господства мамлюков в континентальном Леванте и интервенции латинских государей Средиземноморья, в частности Арагонской короны и непосредственно короля Иакова II на Ближнем Востоке.

Вторая часть тома — «Памятники материальной культуры Латинского Востока» — открывается статьей профессора Университета Св. Павла в Монпелье (Франция) Самвела Григоряна: она посвящена одному из наиболее сохранных и при этом малоизученных замков Киликии — «Левонкале», истории его строительства и наименования.

Известный российский нумизмат и коллекционер В.С. Хомутов в статье «Арабоязычные христианские монеты Иерусалимского королевства» анализирует историю появления христианской арабоязычной чеканки монет крестоносцев в Акре и других монетных дворах Заморской земли в годы Седьмого крестового похода, сменившей традиционные фатимидские и айюбидские имитации. В завершении раздела приведена рецензия выдающегося отечественного медиевиста Д.Э. Харитоновича на вышедшую в свет в 2019 г. монографию С.И. Лучицкой «Крестовые походы: идея и реальность». Монография С.И. Лучицкой, бесспорно, является одним из наиболее значимых, фундаментальных

исследований — не только в масштабах отечественной, но общемировой науки.

Данное издание объединило целый ряд тематических исследований, связанных с феноменом крестовых походов или с историей Латинского Востока, вобрав в том числе и работы общепризнанных светил мировой медиевистики и востоковедения; при этом в научный обиход были введены первые публикации оригинальных источников, а также намечен целый ряд перспективных направлений для дальнейших исследований. Выражаем надежду на то, что тема соприкосновения различных культур Востока и Запада в средневековом мире, тема крестовых походов, а также тема нормандской экспансии на Восток найдут новое воплощение в грядущих научных проектах и новых тематических томах журнала «Исторический вестник».

С.П. Брюн

ответственный редактор

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.001

Кэрол Хилленбранд

ПОЭЗИЯ ДЖИХАДА В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Вступительные комментарии

Средневековая арабская поэзия, охватывающая период между 500 и 1800 гг., редко вызывала добрые чувства у западноевропейцев. Ее критиковали за отсутствие «спонтанности», личного отношения, за предпочтение формы над содержанием, чрезмерное увлечение «вербальной пиротехникой» — антитезами, синонимами, игрой слов и прочими уловками, не говоря уже о сознательно педантичном вокабулярии. Действительно, неописуемо богатый словарный запас классического арабского, в котором буквально сотни слов, обозначающих, к примеру, верблюда, верблюжью упряжь и красоту пустыни, не поддается легкому переводу на другие языки. Раздраженный и бессильный переводчик вынужден остановиться на пересказе в прозе, который, будучи плодом ремесленника, остается плоским и безжизненным в сравнении с резонансом и силой оригинала.

В доисламский период поэзия — устно передаваемая внутри племени — служила целям сохранения генеалогии древних арабов и восхваления их героических свершений. После утверждения ислама и создания мировой империи халифы и наместники призывали придворных поэтов

к сочинению панегириков для прославления собственного правления и престижа. Никто не думал, что написание поэзии было делом легким: поэзия представляла собой неподатливый материал, приручить который можно только после долгих и приносящих боль усилий. Слова возможно было уложить только после долгого перераспределения. Поэмы приходилось тщательнейшим образом выстраивать. Тем не менее вдохновение и природный талант оставались неотъемлемыми факторами: никакие усилия не привели бы к успеху, если бы у автора не было врожденной predisposition к поэзии¹.

Концепция джихада и ее манифестация в поэзии до начала крестовых походов

Читающий Коран несколько раз сталкивается с темой джихада, и действительно это явление порой называют шестым столпом ислама. С самого раннего времени идея джихада (борьбы) как духовная концепция, предназначенная для каждого отдельного мусульманина, имела первостепенное значение. Однако джихад разделялся на два вида: большой джихад и малый джихад. Большой джихад — это борьба, которую человек обязан вести с низшими проявлениями своего естества, и эта борьба более похвальна, нежели малый джихад, то есть борьба против неверных, направленная на защиту или экспансию исламского мира.

Конфликты крестовых походов не привели к зарождению арабской поэзии джихада. Доисламская поэтическая традиция, как оружие прославления племени и сатирического осмеяния врага, стала использоваться для превозношения новой веры и поругания многобожников и неверных.

Аббасидский поэт Абу Таммам (ок. 805–845 гг.) заложил основы для дальнейшего развития поэзии джихада, в своих творениях прославляющих ежегодные кампании против Византии, которые вел халиф аль-Мутасим в IX столетии, в частности — победу мусульман при Амориуме в 836 г. Эта поэма представляет собой литературный *tour de force*, в котором каждая строчка заканчивается на букву «б»:

¹ Существует целый ряд работ, вводящих в историю арабской литературы. Две работы, которые до сих пор не потеряли своей актуальности, это: *Hamori A. On the art of medieval Arabic literature. Princeton, 1974* и *Gibb H.A.R. Arabic literature. Oxford, 1974.*

Сейф ад-Даула, эмир Алепский.

Миниатюра Мадридской рукописи Хроники Иоанна Скилицы. XII в.

«О, день битвы при Аммурии, надежды вернулись, переливаясь
молоком, сладким как мед,
Ты оставила удачу сыновей Ислама вознесенными,
А многобожники и удел многобожников пребывают в упадке»².

Итак, мы видим, что одна победа возводится в масштаб грандиозной борьбы ислама и многобожия. Любимым арабским поэтом всех времен бесспорно является сириец аль-Мутанабби (ум. в 965 г.), профессиональный панегирист, который, вооружившись своим поэтическим даром, путешествовал в поисках покровителя³. Религиозный флер его имени — аль-Мутанабби (что означает «жаждущий стать пророком») — прямо указывает на политические и религиозные деяния его юности, которые привели к его заключению в темнице. Позднее он провел более 9 лет на службе у Сейф ад-Даулы, знаменитого правителя Алеппо из династии Хамданидов, который выдержал более 40 битв с византийцами. Прикованный к постели с 962 г., Сейф ад-Даула требовал возить себя на носилках на полях сражений; когда он умер, он был погребен в мавзолее как мученик. Под его щекой покоился кирпич, покрытый пылью, поднятой во время одного из его походов. Он стал настоящим кумиром для последующих воинов джихада.

Время, проведенное рядом с Сейф ад-Даулой, даровало аль-Мутанабби наибольшее удовлетворение; именно в это время он написал луч-

² Cook D. Understanding Jihad. Berkeley, 2005; Hillenbrand C. The Crusades: Islamic perspectives. Edinburgh, 1999. P. 89–92.

³ Blachère R. Un poète arabe du IVe siècle de l'Hégire (Xe siècle de J.-C): About-Tayyib ul Motanabbi. Paris, 1935.

шие свои поэтические произведения, в том числе описания яростных схваток, слова которых поэт вкладывает в уста простых воинов:

«Я столкнулся с войной, я пойду до конца.
Я оставляю коней в замешательстве, пред горящей битвой.
Они стоят, пронзенные ударами, испуганные криками.
Кажется, что они одержимы безумием...
Вкуснее щедрости вина,
Нежнее звона бокалов,
Для меня — звуки сабель и копий,
И столкновение — по моему приказу — одного войска с другим.
Подставить себя под удар смерти в бою — такова моя жизнь.
Для меня жить — значит распространять смерть.
Я исчерпал меру своего терпения до самого дна, я...
Брошусь с головой в опасность войны...
Завтра встреча меж тонкими клинками»⁴.

Захват Сейф ад-Даулой византийской пограничной крепости аль-Хадат в 954 г. позволил аль-Мутанабби создать наиболее запоминающийся поэтический *tour de force*, насыщенный риторическими приемами и яркими образами:

«Исход зависит от решительных людей,
От меры благородных прибывают благородные деяния
И малым людям великими кажутся лишь малые дела,
Великим же — великие деяния кажутся малыми»⁵.

Здесь мы видим симметричное противопоставление, прием, который обожали классические арабские поэты. Но здесь мы видим и слышим и нечто большее — гипнотическое ритмическое нарастание потока слов со схожим звучанием — параномазию, в которой слова соответствуют друг другу в сложнообъяснимых сплетениях. Джихад, воспеваемый в поэзии аль-Мутанабби, не сводится к походам его повелителя: поэт взирает его с гораздо более широкой перспективы:

«Ты не царь, обративший в бегство равного,
Но единобожие, обратившее в бегство многобожие.
Мы полагаем надежды на Тебя и Твое прибежище, Ислам!
Почему бы Богу не оберегать его, если чрез тебя Он
Рассек пополам неверного?»

⁴ Ibid. 76, apud *Dermenghem E.* Les plus beaux textes arabes. Paris, 1951. P. 105.

⁵ 'ala qadr-i ahl al-'azm-i ta'ti al-'aza'imu / wa-ta'ti 'ala qadr-i al-kiram al-makarimu3wa-ta'zumu fi 'ayni al-saghir sigharuhum/wa-tasghuru fi 'ayn-i al-'azim al-'aza'imu. Arberry. Op. cit. P. 84.

Ан-Нами, поэт гораздо менее известный, нежели аль-Мутанабби, некогда публично соревновавшийся со своим великим соперником, оставил полноценное⁶ восхваление своего покровителя — Сейф ад-Даулы, намекая при этом на прямую связь джихада и мученичества, в случае если его патрон обречен будет пасть на поле боя во время джихада:

«Славный эмир! Твои копья добывают тебе славу в этом мире
и в грядущем Раю!

Каждый год проходящий застает тебя с мечом, вонзенным
в горло врагов.

Твой жеребец оседлан и запряжен.

Время проходит, но деяния Твои преисполнены славы».

Но такие войны джихада, как кампании Сейф ад-Даулы на византийских границах, или походы мусульман против язычников тюрок в среднеазиатских степях, или кампании в мусульманской Испании против христиан севера, не должны искажать превалирующий контекст в мусульманском мире до начала крестовых походов.

Превалирующая этика войны, после первых арабских завоеваний VII в., отнюдь не являлась джихадом: скорее она была связана с пониманием твердых границ и, в целом, прагматичной толерантности по отношению к христианам и евреям. Нарастающая интенсивность духа исламского джихада вернулась благодаря появлению крестоносцев.

Обзор и анализ поэзии джихада, написанной в период конфликта мусульман и крестоносцев

Сохранился значительный корпус поэтических текстов XII—XIII вв., посвященных джихаду. Именно поэтому достаточно удивительно, что эти тексты до сих пор не обсуждались и не рассматривались ни в одной научной работе по классической арабской литературе, ни в категории религиозной, ни в категории политической поэзии. Обратимся к примеру знаменитого друга и биографа Салах ад-Дина — Имад аль-Дина аль-Исфакхани (ум. в 1201 г.), чьи работы, написанные в пугающе-изысканной манере, упоминаются в исследованиях по арабской литературе лишь в качестве образцов, которые предпочтительно избегать⁷. Однако его поэ-

⁶ *Ibn Khallikan. Wafayat al-a'yan*, trans. W.M. de Slane as *Ibn Khallikan's Biographical Dictionary*. Paris, 1843. I. P. 111.

⁷ Один из ранних биографов Салах ад-Дина — Лейн-Пул крайне критически относится к риторическому многоцветию Имад аль-Дина. См.: *Gibb H.A.R. «The Arabic sources for*

Медресе и усыпальница Нур-ад-Дина Зенги. Дамаск. Современное фото

тическое творчество практически полностью игнорируется, несмотря на ее ценность как источник сведений о биографии Салах ад-Дина. Подобное пренебрежение простирается и на весь корпус поэтических текстов, посвященных джихаду: тексты эти рассеяны по мусульманским хроникам, биографическим словарям и средневековым антологиям.

Хорошо известно, что когда войска Первого крестового похода обрушились на мусульманский мир в 1098 г., дух джихада был далеко не на первом плане исламского сознания: потребовалось добрых полвека, чтобы жители Сирии и Палестины смогли оставить политические и религиозные распри и объединиться под властью сильного вождя и знаменем возрожденного джихада. Пребывание Иерусалима под властью крестоносцев ощутимо пришпоривало мусульман в их борьбе.

В период, фактически лишенный собственных мусульманских хроник, сохранившаяся поэзия раннего XII в. предоставляет ценные сведения о мусульманском горе и отчаянии от потери Иерусалима и постепенном пробуждении духа джихада. Эти стихотворения, сочиненные такими поэтами, как аль-Абиварди и Ибн аль-Хайят⁸, отражают отчаяние и позор этой утраты⁹. Франки изображаются там как язычники и осквернители всего, что свято мусульманам, всего, что служило как общественным, так

the life of Saladin». In: *Gibb H.A.R. Studies in Islamic history*, ed. Y. Ibish. Beirut, 1972. P. 35, 54. Эту точку зрения разделяет Габриели, жалуясь на «изматывающую неясность» Имад аль-Дина. См.: *Gabrieli F. Arab historians of the Crusades*. London, 1969. P. 114.

⁸ Ссылки на указанные сочинения см.: *Sivan E. L'Islam et la Croisade*. Paris, 1968. P. 18, 24, 32, 36.

⁹ Подробное рассмотрение этих стихотворений см.: *Hillenbrand. Islamic perspectives*. P. 70–71.

Христиане Святого Града перед Саладином. Художник Альфонс де Невиль

и частным достоянием, поскольку они представляли угрозу как святости мечетей, так и неприкосновенности их женщин. К сожалению для мусульман, предостережения, содержащиеся в этих стихотворениях, останутся неслышанными еще несколько десятилетий, однако их тематика будет воспринята и продолжена поэтами XII и последующих столетий.

Великий мусульманский вождь, который добьется значительного перелома в борьбе против франков, Нур ад-Дин (ум. в 1174 г.) часто изображается как исконный прототип воина джихада. В идеале, личный и общественный джихад должны найти соединение в фигуре правителя; именно в таком образе и предстает Нур ад-Дин в мусульманских источниках. В период его правления книги джихада, проповеди джихада и творения, прославляющие Святой Град (жанр *Достоинств Иерусалима*), выходят на первый план. Но наиболее ярким литературным проводником джихада стала поэзия, написанная для и о Нур ад-Дине. Эта поэзия подчеркивает духовное измерение его джихада, в гораздо большей мере, чем привычные, общественные его проявления. Будущий биограф Салах ад-Дина — Имад ад-Дин аль-Исфাহани — поступил на службу к Нур ад-Дину и писал стихотворения, прославляющие стремление своего господина к джихаду, вкладывая в его уста следующие строки:

«Нет у меня желанья иного, кроме джихада,
И нет покоя ни в чем, кроме как в его претворении в жизнь,
И поиск без усилий ни к чему не приведет,

Жизнь без стремления к джихаду — праздное времяпрепровождение»¹⁰.

Преемник Нур ад-Дина — Салах ад-Дин — также предстает как великий моджахед в исламских источниках. Как и во времена Нур ад-Дина, поэты свиты Салах ад-Дина подчеркивали его исполнение джихада и его образ как идеального суннитского правителя. Хорошо известное описание путешествия (*рихла*) испанского мусульманина Ибн Джубайра, который описал свое паломничество в Святую землю (которую он посетил в 1184 г.), в правление Салах ад-Дина, многократно переводилось историками. Тем не менее никто не обратил внимания на его стихотворение, адресованное Салах ад-Дину. Это стихотворение можно найти в классическом арабском издании «Рихлы» и обычно издается среди выдержек из позднесредневековых арабских писателей, которые опирались на работы Ибн Джубайра¹¹. Одним из таких «заимствовавших» авторов был писатель и путешественник из Валенсии, Мухаммад аль-Абдари, который совершил паломничество в Мекку в 1289 г.¹² В силу того, что стихотворение содержит упоминания о том, что Салах ад-Дин очистил Иерусалим от неверных, оно явно было написано после 1187 г.¹³

Рассматриваемое стихотворение достаточно длинное; оно содержит 53 строки. Его можно, условно, разделить на две части: похвалу Салах ад-Дину, покорившему Сирию, и описание незаконного обращения таможенных чиновников Александрии с паломниками-хаджами, направляющимися в Мекку, за которым следует обращение к Салах ад-Дину с просьбой восстановить справедливость, и наконец — завершающая стихотворение элегия султану¹⁴. Приведем несколько ключевых строк из этого стихотворения:

«Как долго ты рыскал среди них (т.е. франков),
Лев, рыщущий в чаше?
Ты силой сокрушил их крест,

¹⁰ *Abu Shama*. *Kitab al-rawdatayn*, ed. M.H.M. Ahmad, I. Cairo, 1954. P. 625.

¹¹ *Ibn Jubayr*. *Rihla*, ed. W. Wright. Leiden, 1907. P. 28–31.

¹² *Al-'Abdari*. *Al-rihla al-maghribiyya*, ed. M. El-Fasi. Rabat, 1968. См.: *Encyclopedia of Islam*, second edition (E12), s.v. *Misrata* (T. Lewicki).

¹³ Ибн Джубайр совершил еще два путешествия на Восток, один между 1189 и 1191 гг. и второй в 1217 г. Он умер в том же году в Александрии. См.: E12, s.v. *Ibn Djubayr* (C. Pellat).

¹⁴ В связи с тем, что Бродхерст, английский переводчик Ибн Джубайра, пишет о том, что «высокая литературная репутация» Ибн Джубайра среди арабов была «отчасти обоснована его поэтическими сочинениями», достойно сожаления, что он не перевел ни одной строки, посвященной Салах ад-Дину, см.: *Ibn Jubayr*. *The travels of Ibn Jubayr*, trans. R.J.C. Broadhurst. London, 1952. P. 20.

Искусный ты сокрушитель!
 Их царство отступило в Сирии
 И обернулось вспять, словно его и не бывало.
 И месть за правящую веру ты обрушил на своих врагов.
 Бог избрал тебя своим мстителем».

Следует отметить, что Ибн Джубайр, пусть он был лишь странником, проходящим через Левант, говорит о Салах ад-Дине как льве, как Божьем орудии на земле; он часто использует хорошо знакомый образ «разрушителя крестов», встречаемый в других антихристианских поэтических текстах джихада.

Среди преемников Салах ад-Дина, в частности среди правителей его родной династии Айюбидов, традиция поэзии джихада оставалась востребованной, однако некоторые заявления арабских поэтов звучали несколько пусто в свете относительной политики *détente* в отношениях с франками. Тем не менее здесь нельзя не упомянуть стихотворение профессионального поэта Ибн Унайна, воспевающее победу потомка Салах ад-Дина — аль-Камиля — над франками при Дамиетте в 1221 г.¹⁵:

«Утром мы встретили у Дамиетты мощное войско румов,
 исчислить которое было невозможно даже наугад.
 Они были едины во взглядах, и решимости, и веры, пусть
 и разделены меж разными народностями.
 Они призвали спутников креста, и их войска все шли вперед,
 словно их волны обратились в корабли».

Это стихотворение с первых строк обозначает направление дальнейшей мысли: оно пропитано ярой иронией, поэтический *топос* которой был разработан еще аббасидским поэтом Абу Таммамом, писавшим о мусульманском триумфе над другим христианским противником — византийцами. Действительно, в рассматриваемом стихотворении крестоносцы названы «мощным войском румов» (т.е. византийцев. — *Прим. пер.*); это исторически неточно, но явно резонирует с темой продолжающегося конфликта между христианским миром и исламом. Тем не менее упоминание Дамиетты позволяет нам четко определить, что речь идет именно об обращении в бегство войск Пятого крестового похода.

В ритмической симметрии третьей строки поэтический прием, известный как *тыбак* (использование в единой строке двух слов с противоположным значением) — «они были едины... пусть и разделены...», призван подчеркнуть общую идеологическую цель европейской армии,

¹⁵ *Arberry. Arabic poetry. P. 122–125.*

Захват Дамьетты войсками Пятого крестового похода.
Худ. Корнелис Клас ван Виринген

невзирая на языковое многообразие крестоносцев. Европа — как единое целое — обрушилась на силы ислама. В четвертой строке мы встречаем одно из наиболее частых именовании крестоносцев в средневековых исламских текстах — они названы *ансар ас-салиб* (сторонники, помощники, защитники Креста). Также мы встречаем скорее всего преднамеренно введенный отголосок арабского именовании христиан — *насрани*, слово однокоренное с арабским словом *ансар*. Стоит признать, что символ Креста стал объектом враждебности мусульман в эпоху крестовых походов. Он стал символом завоеваний и оккупации со стороны чужеземных завоевателей, франков. Преломление крестов на поле боя стало символическим актом, подчеркивающим поражение христианства и триумф ислама.

В четвертой строке также содержится аллюзия к прославленным навыкам франков как мореплавателей — навыкам, которые их мусульманские соперники в указанный период отнюдь не разделяли. Согласно описаниям поэта, войска франков действовали так, словно волны их боевых рядов обратились в корабли, скользящие по волнам моря. Но несмотря на грозный рев наступающего потока крестоносных армий — подчеркнутая попытка поэта приумножить силы соперников-христиан — исламской армии предначертана победа.

В кульминации стихотворения поэт обращается непосредственно к победителю, мусульманскому султану аль-Камилю:

«Нас веден благородный отпрыск Дома Айюба,
Чья решимость отвергает стремление остановиться в местах,
дарующих покой.

Благородный в восхвалении, лишенный позора, доблестный,
прекрасный в своем спокойствии, идеальный в красоте
и щедрости».

Эти строки восхваляют султана аль-Камиля и прямо, и иносказательно. В первой строке он именовал его благородным отпрыском Дома Айюба, отца Салах ад-Дина, что подчеркивает его безупречную родословную как человека, ведущего войну против франков. В следующей строке он преподнесен автором как пример физических и моральных качеств «совершенный в красоте и милосердии» («*камилль аль-хусни ва'ль-хусна*») — намеренная игра слов, связанная с именем султана — аль-Камиль — «совершенный». Далее идет новая строка:

«Клянусь твоей жизнью, великие деяния Исы отныне не сокрыты,
Он сияют с яркостью солнца, освещая и самых дальних, и самых ближних».

Выбор поэтом имени Иса среди множества имен аль-Камиля также, скорее всего, преднамеренно: это открытая насмешка над христианскими врагами, поскольку Иса — это арабский вариант имени Иисус. Поэт продолжает:

«Он прошел к Дамиетте с каждым высокородным ратоборцем,
Взирая на погружение в сражение как на самое благотворное из погружений,
И он удалил безбожников Рума,
И сердца некоторых людей наполнились радостью, позднее смешавшейся с печалью,
По мере того как он очистил ее [Дамиетту. — *Прим. пер.*]
от скверны своим мечом, герой —
Считающий, что похвала — благороднейшая из наград».

Первое полустишие последней строки имеет особое значение и по-арабски звучит еще резче:

«По мере того как он очистил ее от скверны своим мечом».

Слово «грязь» (*риджс*) здесь обозначает ритуальную нечистоту. Действительно, литература исламского джихада эпохи крестовых походов изобилует образами загрязнения и очищения. При этом поэзия отражала реальные события: к примеру, в 1187 г., отвоевав Святой Град у крестоносцев, Салах ад-Дин велел омыть иерусалимский Купол Скалы розовой водой.

Ибн Унайн достигает кульминации своей прославляющей оды триумфальной угрозой и торжественным предупреждением:

«Его мечи сделали бессмертными приснопамятные славные деяния,
Сказания о которых не исчезнут даже когда исчезнет само время.
Наши мечи и их шеи познали место встречи...»

Последние слова оды звучат действительно мрачно:

«И если они вернутся, чтобы снова напасть, мы также
вернемся!»

Общие наблюдения

Следует помнить, что литература джихада — во всем своем разнообразии — врывается в бытие во времена правления Нур ад-Дина и Салах ад-Дина, оставаясь важнейшим инструментом в пропаганде войны против франков; она принимала форму посланий, прославляющих победы, проповедей, направленных на духовный подъем среди верных, книг, прославляющих джихад и непосредственно джихад, целью которого станет возвращение Иерусалима. Так, поэзия джихада была лишь одним из нескольких процветающих и переплетающихся литературных жанров, но совершенно очевидно, что поэзия оставалась жанром, наиболее тесно и даже интимно связанным с фигурой правителя и его двором; этот жанр укреплял публичный престиж и способствовал личному прославлению государя. Монументальные надписи и даже монеты содержали отсылки к джихаду.

Кто выступал в роли автора поэзии джихада? Естественно, основную массу авторов составляли поэты-перипатетики, путешествовавшие от одного небольшого двора к другому в поисках славы, богатства и — прежде всего — патронажа государя, провинциального наместника или военачальника. Жизнь профессионального поэта была не лишена угроз. Ибн Унайн (ум. в 1233 г.), автор вышеприведенного стихотворения о Дамiette, в свое время написал столь резкую сатиру о Салах ад-Дине, что оказался в ссылке. Он получил право вернуться лишь после смерти султана, зарекомендовав себя при дворе одного из преемников Салах ад-Дина в Дамаске и позднее даже став его первым министром¹⁶.

Поэзия тем не менее не оставалась уделом профессиональных поэтов. Крайний интерес представляет развитие нового явления в XII—XIII вв. — все большее вовлечение бюрократических элит в составлении данных поэтических произведений, что было обусловлено возрождением суннитского ислама, в особенности под тюркским правлением. Ведь на самом деле лишь небольшой и легко преодолимый шаг отделял высокую, рифмованную, льющую поэзию (*садж*), любимую чиновными элитами

¹⁶ Arberry. Arabic poetry. P. 174.

Сирии и Египта эпохи крестовых походов, от сочинений, прославляющих их военачальников в джихаде. Так, писцы, советники и министры, путешествовавшие в свите тюркских или курдских правителей, включая Нур ад-Дина, Салах ад-Дина и Бейбарса, с энтузиазмом брались за стилосы, составляя массивный корпус поэтических текстов. Биограф Бейбарса — Ибн Абд аз-Захир составил обширные поэтические труды, посвященные своему господину: стихотворения, прославляющие его победы, элегию для прочтения над гробницей султана и множество других произведений¹⁷. Еще один чиновник — Ибн Маммати, занимавшийся сбором налогов, написал рифмованную историю Салах ад-Дина и целый ряд других стихотворений¹⁸. Интригующим примером государственного деятеля со склонностью к поэзии был знаменитый первый министр Сельджукского султаната в Ираке и Иране, известный полимат ат-Тутрай (ум. в 1121 г.), который описан своим биографом как человек, превосходивший «всех его современников в искусстве сочинений стихов и прозы». Самым знаменитым его произведением является ода, написанная в 1111 г. и содержащая 60 строк, каждая из которых заканчивается на букву «И»¹⁹. Имад ад-Дин аль-Исфахани, вышеупомянутый биограф Салах ад-Дина, автор высокой, ритмической прозы, собрал — с присущей ему удивительной энергией — 20-томную антологию поэзии XII в. (*Харидат аль-каср*), в числе авторов которой было более тысячи поэтов. По всеобщему мнению, сам он был посредственным поэтом.

По какому поводу и когда писались поэтические произведения, посвященные джихаду? Часто они составлялись после завоеваний — больших или малых: захват небольшой цитадели мог стать столь же плодотворной почвой для создания поэтических произведений, как крупнейшие победы, такие как падение Эдессы под натиском Имад ад-Дина Зенги в 1144 г.²⁰ или битва при Хаттине в 1187 г. Множество стихотворных произведений действительно сочинялось ради восхваления джихада Зенги. Также была составлена ода, поздравляющая сына Зенги — Нур ад-Дина — с пленением одного из государей крестоносцев, Жослена²¹.

Вполне оправдан вопрос — насколько тюркские и курдские правители Сирии, Египта и Палестины были способны понять столь цветастую арабскую поэзию джихада? В конце концов, эта поэзия была частью

¹⁷ *Ibn 'Abd al-Zahir*. Al-rawd al-zahir, ed. A. A. Al-Khuwaytir. Riyadh, 1976.

¹⁸ *Ibn Khallikan*. Wafayat, de Slane, I. P. 192.

¹⁹ Ibid. P. 462.

²⁰ *Imad al-Din*. Kharidat al-qasr: qismshu'ara' al-Sham, pt. 1. Damascus, 1955. P. 110.

²¹ *Imad al-Din*. Kharidat al-qasr. P. 157.

придворной литературы, авторы которой наслаждались риторическими приемами и тщательно отобранным, изысканным словарным запасом, которые едва ли были понятны многим арабам, тем более тюркам или курдам, которые лишь недавно присоединились к арабоязычному миру и которые по-прежнему, в пределах своих домов, продолжали говорить на родных языках. Современная событиям арабская проза также была по своей природе крайне изысканна и явно предпочитала форму содержания. По сей день неясно, понимали ли эту литературу государи и военачальники неарабского происхождения, но данные произведения явно зачитывали в их присутствии во время придворных церемоний. Возможно, требовался переводчик для того, чтобы помочь государям понять тонкости зачитываемого произведения. И сейчас уже невозможно понять, кем была публика, для которой — вне двора — предназначались данные поэтические произведения; к слову «публика» здесь стоит относиться с осторожностью, однако невозможно отрицать, что рассматриваемая поэзия предназначалась для публичного прочтения. Нет сомнений в том, что исламская элита — проповедники, судьи и учителя медресе (богословских школ) одобряли религиозную этику данной поэзии и по достоинству оценили бы высокий уровень арабского языка, на котором она составлялась. Но приходится сильно сомневаться, что войска, набранные из самых различных этнических групп, во время смотров, перед сражением или в преддверии празднования победы могли в полной мере проникнуться подобным, крайне стилизованным арабским литературным материалом. Тем не менее публичная декламация подобных текстов, несомненно, оказывала влияние на чуждых арабскому языку воинов. Сходное возбуждающее влияние на них оказывало и чтение Корана: пусть они и не могли в полной мере понять арабского языка и самого содержания текста, но подобное чтение трогало их, иногда до слез. Поэзия — как квинтэссенция арабских литературных жанров — оказывала глубокое, подспудное, эмоциональное влияние на слушателей.

Основные темы, образы и общие места (*topoi*) поэзии джихада были во многом унаследованы из военного прошлого, связанного с борьбой против Византии. Концепция, пусть и не прямой образ, завоевания как явления, подобного дефлорации девственницы, является излюбленным образом поэта IX в. Абу Таммамом, который говорит о «мечах, сотрясаемых вне ножен», завоевывавших «множество ветвей, трясущихся в страхе на песчаных холмах»²²; эта образность была с легкостью воспринята поэта-

²² Hamori. P. 127, 129.

ми ранних 1100-х гг., которые описывают «юных дев... почти умерших от страха»²³ во время наступления франков. Абу Таммам прославляет победу мусульман над Византией в битве при Амории следующими строками:

«Дни победы заставили побелеть лица желтых (ромеев)
и пролили свет на лица арабов»²⁴.

Желтый — цвет бегства и трусости — мусульманские авторы на протяжении многих лет ассоциировали с византийцами, и этот эпитет с легкостью перешел к крестоносцам, которые были прозваны Желтым Племенем (Бану'ль-Асфар)²⁵.

Как и в предшествующие эпохи, поэты джихада XII–XIII вв. придают религиозное измерение военным кампаниям исламских государей и военачальников. Победы мусульман представлены в этих текстах как богоизбранные. Поэт Ибн аль-Кайсарани, восхваляя Зенги за завоевание Эдессы, предполагает, что тому помогало Божественное провидение:

«Сонм ангелов предоставил тебе полки, окруженные полками.
Для того, чье войско составлено из небесных ангелов,
Есть ли страна, по которой не могут пройти его кони?»²⁶

Часто мусульманские авторы сравнивали великие победы, такие как битву у Хаттина, с теми, что фигурируют в жизнеописании Пророка Мухаммеда.

Среди новых тем, фигурирующих в поэтических произведениях рассматриваемого периода, нельзя не отметить взаимосвязанные темы христианской скверны и мусульманского очищения, которые наполняют поэзию джихада. Отождествление франков со свиньей — животным, которое в Коране, наряду с обезьяной, получает божественную анафему, является ключевым образом. Айюбидский поэт Ибн ан-Набих восхваляет брата Салах ад-Дина — аль-Адила — следующим образом:

«Ты очистил Иерусалим от их (франкской) скверны,
После того как город был пристанищем свиней»²⁷.

Несмотря на использование этой хорошо знакомой, стереотипной образности, связанной с христианами, очевидно, что она получила новое и актуальное звучание в XII в., когда исламские памятники Иерусалима — Купол Скалы и мечеть Аль-Акса — были заняты франками и, с точки зрения мусульман, осквернены их присутствием. Символом этой

²³ *Ibn al-Khayyat*. Diwan, editor unidentified. Damascus, 1958. P. 185.

²⁴ *Arberry*. Arabic poetry. P. 62.

²⁵ См. обсуждение: *Hillenbrand*. Islamic perspectives. P. 240, 255.

²⁶ *Imad al-Din*. Kharidat al-qasr. P. 110.

²⁷ *Ibn al-Nabih*. Diwan, editor unidentified. Beirut, 1881. P.121.

оккупации был гигантский крест, воздвигнутый над Золотым Куполом и видимый на мили вокруг.

В XII в. желаемое завоевание одной из великих столиц христианского мира сменяется стремлением к возвращению под власть мусульман города, бывшего эпицентром самого христианства — Иерусалима. В распоряжении поэтов был щедрый запас «общих мест» и риторических приемов, готовый в любой момент соскользнуть с их стилусов. Тем не менее появлялись новые аспекты, на которых поэты вынуждены были сосредоточиться. Переход внимания от Константинополя к Иерусалиму привнес значимые изменения: в конце концов, Константинополь оставался гордо непокоренным христианским городом, в котором к тому же не было значимых святых мест ислама. Следовательно, внимание поэтов сосредоточивается на униженном мусульманском Иерусалиме; эта тема, естественно, была совершенно неизвестна в поэзии джихада предшествующего периода.

Необходимо отметить, что поэзия джихада, большая часть которой вышла из-под пера сословия чиновников/писцов Сирии и Египта, не нашла своего места в антологиях лучших произведений арабской литературы. Подобная поэзия отнюдь не фокусируется на изяществе самого литературного произведения, свойственного придворным поэтам предшествующей эпохи: она в гораздо большей мере назидательная и дидактическая по своей природе, являя собой естественное дополнение проповедям джихада, книгам джихада и жанру «Достоинств Иерусалима». Поэзия джихада является одновременно функциональной и во многом вторичной в вопросах формы и образности. Однако отнюдь не стоит эту поэзию считать посредственной. Ее зачитывали в ключевые исторические моменты: и впоследствии мусульманские хронисты подчеркнуто и стратегически размещали эти произведения в ключевых — наиболее эмоционально напряженных и значимых — местах своего нарратива. Так, на страницах исторических сочинений, составившихся как для современников, так и для потомков, поэзия джихада служила торжественным, пусть несколько высокопарным напоминанием о более широкой канве — о титанической борьбе между исламом и христианством, на фоне которой разворачивались описываемые события. Эта поэзия вполне отвечала указанным целям и периодически, когда за нее брались по-настоящему профессиональные поэты, такие как Ибн аль-Хайят, оплакивавший падение Иерусалима, или Ибн Унайн, прославлявший победу у Дамьетты, она обретала совершенно иную художественную высоту.

Насколько полезна поэзия джихада как источник по истории военной и религиозной обстановки среди мусульман в Сирии XII—XIII вв.? Значительная часть этой поэзии следует давно установившейся традиции, чей ре-

пертуар подразумевал определенные образы и темы. Эти же образы и темы присутствовали в родственных религиозных жанрах, таких как проповеди джихада, авторы которых использовали сходные риторические приемы, но подчеркнута — в гораздо большей степени — опирались на Коран и изречения Пророка. Та же тенденция прослеживается в монументальных надписях и официальных посланиях, составляемых мусульманскими писцами от имени их владык. Весь указанный материал отражает среду, предрасположенную к джихаду, даже если мусульманские правители не всегда изъявляли готовность следовать этому пути. В столь стилизованном литературном жанре, коим является панегирическая поэзия, крайне сложно найти крупницы того, что можно назвать «фактом». Конечно же, в этих стихотворных произведениях содержатся упоминания цитаделей, городов, отдельных воинов и правителей. Однако выстроить на основании этих упоминаний конкретный нарратив крайне сложно. Рассматриваемые произведения передают скорее атмосферу, нежели факты.

Тем не менее избыток подобных текстов, посвященных джихаду, служит явным свидетельством природы того религиозного круга, в котором вращались тюркские предводители «контр-крестового похода». Тематика Иерусалима, к примеру, становится все более напряженной и безотлагательной в стихотворениях советника Салах ад-Дина — Имад ад-Дина аль-Исфাহани: его настояния на необходимости вернуть Святой Град достигают мощного крещендо в его пространной поэме, датированной 1180–1187 гг. Возможно, они действительно повлияли на финальное решение Салах ад-Дина сосредоточить усилия на борьбе с франками.

Заключение

Данное обсуждение продемонстрировало, как доисламская ода, с присущими ей языческими, племенными свойствами, смогла трансформироваться и стать одной из ключевых составляющих арабо-мусульманской религиозной литературы. Действительно, она показала себя достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к реалиям огромной исламской империи. Более того, эта традиционная форма средневекового арабского панегирика стала использоваться как политическое и религиозное орудие в монументальной борьбе между западнохристианским и исламским мирами в эпоху крестовых походов. Пусть это и очевидно, но нельзя четко не отметить, что поэзия джихада — это поэзия, поставленная на службу религии. Функция этой поэзии значила для современников больше, нежели ее художественные качества.

Поэзия джихада отнюдь не являлась креатурой мусульманских поэтов, созданной в качестве ответа на беспрецедентное столкновение с западнохристианским миром в эпоху крестовых походов. В поэзии джихада XII—XIII вв. мы видим легкий и естественный переход от предшествующего инвектива, направленного против христианской Византии: в рассматриваемый период мусульманские авторы обрели новую христианскую мишень — крестоносцев. Мусульманские поэты XII—XIII вв. составляли свои творения, отталкиваясь от традиции великого аль-Мутанабби, создававшего грандиозные и резонирующие произведения, посвящая их сравнительно малой войне-джихаду, которую его патрон — Сейф ад-Даула — вел против Византии. Мусульманские поэты, прославлявшие достоинства Нур ад-Дина, Салах ад-Дина и их преемников в деле джихада, не принадлежат к пантеону величайших имен в истории средневековой арабской поэзии. Но их стихотворения явно пронизаны духом эпохи, которая изменит отношения между христианским и мусульманским миром, ужесточая идеологическое противостояние между ними. Поэзия джихада дает нам возможность посмотреть на христиан глазами мусульман той эпохи, через преисполненную стереотипами линзу на образ «другого». Распространение этой поэзии в ключевые исторические моменты, в особенности в период, предшествующий битве у Хаттина и завоевания Иерусалима, является крайне значимым историческим фактором. Более того, подобные строки и насыщенный стереотипами язык вновь вышел на первый план в османский период — как в прозе, так и в поэзии: от анонимного османского описания турецкой победы над венграми в битве у Никополя в 1396 г. до преувеличенной и хвастливой оды, составленной аль-Будайром в честь победы Джаззар-паши над Наполеоном у Акры в 1799 г.²⁸ Эти формулы просуществовали фактически без изменений на протяжении почти тысячи лет, и их дни еще не закончены.

²⁸ Hillenbrand C. Turkish myth and Muslim symbol: the Battle of Manzikert. Edinburgh, 2007. P. 169–170, 182–184.

REFERENCES

1. *‘Imad al-Din*. Kharidat al-qasr: qism shu‘ara’ al-Sham, pt. 1. Damascus, 1955.
2. *Abu Shama*. Kitab al-rawdatayn, ed. M.H.M. Ahmad, I. Cairo, 1954.
3. *Al-‘Abdari*. Al-rihla al-maghribiyya, ed. M. El-Fasi. Rabat, 1968.
4. *Arberry A.J.* Arabic poetry: A Primer for Students. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
5. *Blachère R.* Un poète arabe du IVe siècle de l’Hégire (Xe siècle de J.-C): About-Tayyib ul Motanabbi. Paris, 1935.
6. *Cook D.* Understanding Jihad. Berkeley, 2005.
7. *Dermenghem E.* Les plus beaux textes arabes. Paris, 1951.
8. Encyclopedia of Islam / Edited by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W P. Heinrichs et al. 2nd Edition. 12 vols. Leiden: E. J. Brill, 1960–2005.
9. *Gabrieli F.* Arab historians of the Crusades. London, 1969.
10. *Gibb H.A.R.* «The Arabic sources for the life of Saladin». In: *Gibb H.A.R.* Studies in Islamic history, ed. Y. Ibish. Beirut, 1972.
11. *Gibb H.A.R.* Arabic literature. Oxford, 1974.
12. *Hamori A.* On the art of medieval Arabic literature. Princeton, 1974.
13. *Hillenbrand C.* The Crusades: Islamic perspectives. Edinburgh, 1999.
14. *Hillenbrand C.* Turkish myth and Muslim symbol: the Battle of Manzikert. Edinburgh, 2007.
15. *Ibn ‘Abd al-Zahir*. Al-rawd al-zahir, ed. A. A. Al-Khuwaytir. Riyadh, 1976.
16. *Ibn al-Khayyat*. Diwan, editor unidentified. Damascus, 1958.
17. *Ibn al-Nabih*. Diwan, editor unidentified. Beirut, 1881.
18. *Ibn Jubayr*. Rihla, ed. W. Wright. Leiden, 1907.
19. *Ibn Jubayr*. The travels of Ibn Jubayr, trans. R.J.C. Broadhurst. London, 1952.
20. *Ibn Khallikan*. Wafayat al-a‘yan, trans. W.M. de Slane as Ibn Khallikan’s Biographical Dictionary. Paris, 1843.
21. *Sivan E.* L’Islam et la Croisade. Paris, 1968.

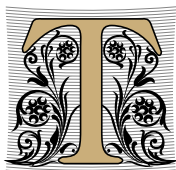

Ключевые слова:

Крестовые походы, джихад, поэзия джихада, арабская поэзия, аль-Мутанабби,
Нур ад-Дин, Салах ад-Дин, аль-Камиль.

Carole Hillenbrand

JIHAD POETRY IN THE AGE OF THE CRUSADES

The article examines how pre-Islamic poetry with its pagan tribal character could be transformed into a core component in Arabic Muslim religious literature. Indeed, it proved to be elastic enough to adapt itself to the realities of running a vast Muslim empire. Moreover, this conventional form of medieval Arab panegyric poetry came to be deployed as a political and religious tool in the monumental struggle between Western Christendom and the Muslim world at the time of the Crusades. To state the obvious, jihad poetry is poetry in the service of religion. Its function mattered more at the time than its intrinsic quality.

Jihad poetry was not the creation of Muslim poets as a response to their unprecedented contact with Western Christendom at the time of the Crusades. What we see in the twelfth and thirteenth century jihad poetry is in fact the easy and seamless transfer of earlier invective against Christian Byzantium to a new Christian target, the Crusaders. The Muslim poets who extolled the virtues of Nur al-Din, Saladin and their successors in the jihad do not belong in the pantheon of the greatest names of medieval Arabic poetry. But their verses resonate with the spirit of a period which would change the relationship between Christendom and the Muslim world and would harden the ideological battle lines between them. The jihad poetry gives us insights into the stereotypical way in which the Muslims viewed the Christian «other».

Key words: Crusades, jihad, jihad poetry, Arabic poetry, al-Mutanabbi, Nur al-Din, Saladin, Al-Kamil.

Carole Hillenbrand — Emerita Professor in Islamic History at the University of Edinburgh and Professor of Islamic History at the University of St. Andrews, Fellow of the British Academy, Corresponding Fellow of the Medieval Academy of America, Fellow of the Royal Society of Edinburgh.

Хилленбранд Кэрол

профессор Эдинбургского и Сент-Эндрюсского университетов,
действительный член Британской академии,
член-корреспондент Американской академии медиевистики,
член Королевского Эдинбургского общества

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.002

П.В. Кузенков

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ИМПЕРИИ: ВЕРСИЯ МАНУИЛА I КОМНИНА

толетнее правление династии Комнинов (1081–1185) стало во многих отношениях переломной эпохой в многовековой истории Восточной Римской империи, или Византии. Апокалиптические события конца XI в., когда после разгрома имперской армии сельджуками при Манцикерте (1071 г.) государству ромеев, изнуряемому гражданскими войнами, пришлось выдерживать смертоносные удары с востока, севера и запада, привели к глубокой трансформации византийской социально-политической структуры¹. Получив агонизирующее государство в момент критического обострения всех внутренних и внешних проблем, Комнины, казалось, сумели возродить былую славу и мощь Империи, которая вновь отодвинула свои границы далеко на север и восток и вернулась на ключевые роли в мировой политике. Эпоха Комнинов стала периодом несомненного культурного и экономического расцвета Византии, влияние которой простиралось далеко за пределы Средиземноморья. Доста-

¹ Об эпохе в целом см.: *Angold M. Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Cambridge, 1995; Chalandon F. Les Comnène: Études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. II: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). New York, 1971 (repr.).*

точно вспомнить о византийских писателях XII в. (среди которых блистает женщина-историк Анна Комнина); об удивительных произведениях зодчества и иконописи (именно из комниновской Византии прибыла на Русь наша главная святыня, Богоматерь Владимирская); об эрудитах-правоведах комниновского времени и тонких богословских вопросах, волновавших умы не только церковных деятелей, но и светских интеллектуалов. Экономика Империи также была на подъеме, и западные наблюдатели с нескрываемой завистью (а скорее всего, и с преувеличением) описывают сказочные богатства Константинополя².

Но стабильность возрожденного государства оказалась зыбкой. Уже через 5 лет после кончины самого деятельного и знаменитого из Комнинов, Мануила I (1143–1180 гг.), государство вновь погрузилось в гражданские смуты, династия пресеклась, Империя начала слабеть, а еще через четверть века развалилась на части, не выдержав удара втянутых самими византийцами во внутридинастические распри рыцарей 4-го крестового похода. При этом катастрофа 1204 г. была столь же неожиданной, сколь и предсказуемой. Парадоксальные и во многих отношениях нелепые обстоятельства, которые привели к гибели еще недавно казавшееся могущественным государство, не должны скрывать тот факт, что к началу XIII в. Византия уже была во многом глубоко поражена системными недугами. Взятие Константинополя, крупнейшего и богатейшего города Европы, отрядами крестоносцев, нанятых Венецией, было бы невыносимо, если бы Империя к этому времени сама не была сгнившим изнутри политическим организмом. И остается удивляться, скорее, не тому, что великий Царьград столь легко стал жертвой горстки алчных авантюристов, а тому, как последовательно сменявшие друг друга императоры подводили вверенное им государство к гибельной черте³.

Проблемы, стоявшие перед византийским обществом комниновской и посткомниновской эпохи, многообразны. Это и внутриполитический кризис, вызванный интенсивной феодализацией и «приватизацией» государственной власти ограниченным кругом военно-аристократических кланов; и экономический кризис, вызванный засильем иностранцев во внешней торговле; и злокачественные процессы разложения национальной армии,

² Напр., Вениамин Тудельский, проехавший в 60-е гг. XI в. от Испании до Персии, называет в своих записках Константинополь вторым по размеру городом мира (после Багдада), а его красоту и богатства считает не имеющими равных. См.: Три еврейских путешественника. М.: Иерусалим: Мосты культуры, 2004. С. 88–90.

³ См., в частности: *Каждан А.П.* Загадка Комнинов (опыт историографии) // Византийский временник. Т. 25 (50). 1964. С. 53–98.

протекавшие бок о бок с превращением свободного крестьянства в зависимое от магнатов сословие *пáриков*; и многие другие явления. Но едва ли не главным элементом всех этих болезненных процессов, вызвавших глубокую трансформацию византийского общества, стали, на наш взгляд, утрата внутренней целостности государственной идеологии, ценностная дезориентация элиты и, как следствие, ее фатальное отчуждение от собственного народа.

Характерная для средневизантийского периода государственная модель, опиравшаяся на широкие слои свободного крестьянства и жесткую вертикаль военно-административной иерархии, после драматичной борьбы уступила место новому типу социума, в котором господствующие позиции заняла аристократическая верхушка, сплотившаяся вокруг династии Комнинов. Такой тип политической системы можно назвать феодальным — с той существенной оговоркой, что в Византии распад государственных структур никогда не доходил до тех стадий, которые характерны для классического западноевропейского феодализма.

Причиной данного явления стала неспособность византийской интеллектуальной и политической традиции, сформировавшейся в условиях относительной культурной изоляции, дать убедительные ответы на те вызовы, с которыми Империя столкнулась после начала крестовых походов. И едва ли не самым значимым из этих вызовов был вопрос о цивилизационной идентичности Византии. Ниже мы остановимся на данном аспекте, опираясь на сведения источников, преимущественно относящихся к правлению самого «прозападного» и в то же время наиболее амбициозно настроенного в отношении Запада представителя династии Комнинов, Мануила I⁴.

Родившийся в 1118 г. Мануил Комнин, четвертый сын Иоанна II Комнина и венгерской принцессы Ирины-Пирошки, стал первым византийским императором (и притом порфирородным⁵), в жилах которого текла «латинская» кровь⁶. К западной владетельной знати принадлежали

⁴ Главная работа о нем: *Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180.* Cambridge, 1993. См. также электронную базу данных «Prosopography of the Byzantine World»: <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/person/107722/> (обращение 24.10.2019).

⁵ «Порфирородными» (порфиρογέννητος) именовались дети, родившиеся во время пребывания их отца на императорском троне. Учитывая, что к власти приходили обычно уже зрелые люди, порфирородных императоров было в Византии не так уж много, и этот титул считался очень почетным. В частности, он указывался в легенде на монетах Мануила Комнина: + ΜΑΝΟΥΗΛ ΔΕΣΠΟΤΗ ΤΩ] ΠΟΡΦΥΡΟΓΕΝΝΗΤ[Ω].

⁶ Единственный прецедент женитьбы императора на представительнице западноевропейской аристократии относится к 944 г., когда сын и наследник Константина VII взял в жены Евдокию-Берту, дочь итальянского короля Гуго. Но этот брак остался бездетным.

Мануил I Комнин и Мария Антиохийская.
Миниатюра *Codex Graecus* 1176 г. Библиотека Ватикана

и обе его супруги, Ирина (Берта фон Зульцбах, сестра жены германского короля Конрада III Гогенштауфена) и Мария (дочь Раймунда де Пуатье и Констанции Антиохийской). Более того: свою родную дочь Мануил уже во младенчестве просватал за венгерского королевича Белу-Алексея, который некоторое время (до рождения Алексея II, сына Мануила) даже считался наследником престола ромейских василевсов.

Мануил Комнин был ярким представителем того симбиоза, который наметился в византийской элите в эпоху крестовых походов. Характеризуя его правление, Г.А. Острогорский писал: «Мануил был настоящим византийцем, проникнутым идеей об универсальной Империи и одержимым страстью к богословским диспутам. Одновременно он по своему складу был рыцарем в западном смысле слова... На его примере можно видеть, насколько глубоким было воздействие крестоносцев на византийский мир»⁷. Не будет преувеличением сказать, что Мануил Комнин, с детства окруженный людьми, укорененными в западноевропейской культурной и политической традиции, став императором, ощущал себя полноправным членом (если не лидером) разветвленной семьи европейских владетельных домов⁸.

⁷ Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. С. 467.

⁸ Ср.: Magdalino P. The Phenomenon of Manuel I Komnenos // *Byzantinische Forschungen*. Bd. 13: Byzantium and the West, c.850–1200: Proceedings of the XVIIIth Spring Symposium of Byzantine Studies (Oxford 30th March — 1st April 1984) / Edited by J. D. Howard-Johnston. Amsterdam, 1988. P. 171–199.

Этому ощущению единства христианского мира отнюдь не мешал длившийся более века церковный разрыв между Римом и Константинополем. Скандал 1054 г., обычно считающийся началом окончательного раскола европейского христианства на «католический» Запад и «православный» Восток, на деле был лишь звеном — не первым и далеко не последним — в цепи событий, отдалявших друг от друга греческий и латинский мир. Любопытно, что византийцы (а вслед за ними и русские книжники) мало что знали о событиях 1054 г., а начало разногласий с «латинами» возводили ко временам Каролингов. Более того, свои отношения с «франками» ромеи были склонны рассматривать не столько через призму догматических разногласий, сколько в рамках противостояния цивилизации и «варварства». Так называемые списки «латинских вин» (т.е. заблуждений западных христиан), имевшие широкое хождение в средние века во всём православном ареале, поражают тем, сколь малое место в них занимают собственно церковные разногласия и как много внимания уделено вопросам, которые мы назвали бы сейчас спецификой культуры: форма имен, бритье бороды, вопросы гигиены и прочие бытовые особенности раздражали византийцев не менее, а даже более, чем тонкости догматики⁹.

Вплоть до трагических событий 1204 г. разногласия между греческим и латинским христианством не казались непреодолимым антагонизмом, и тема церковного примирения с Римом не сходила с повестки дня византийской дипломатии — равно как и кажущаяся нам сейчас утопичной идея «воссоединения Империи», некогда разделившейся по воле пап на Западную («Священную Римскую») и Восточную («Ромейскую» с центром в Константинополе). В XII в. эта идея переживала свой подлинный ренессанс.

Правление Мануила I Комнина стало последним взлётом Византии как великой державы, претендовавшей на геополитическое наследие Империи Цезаря и Августа. Сближение Византии и западного мира, квинт-эссенцией которого традиционно считалась Франция (не случайно всех европейцев греки, да и другие народы Востока именовали «франками»), проходило в условиях резкой интенсификации контактов между греческим (ромейским) и латинским мирами после начала массовых международных военных экспедиций на мусульманский Восток, которые принято

⁹ Напр., в полемических сочинениях XI–XII вв. и их славянских версиях отпадение римских пап и западных христиан возводится ко времени после VII Вселенского Собора. См.: Monumenta Graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia / Ed. J. Hergenroether. Westmead; Farnborough: Gregg, 1969 (repr.); *Понов А.Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.

называть крестовыми походами. До этого в течение пяти веков западная и восточная половины христианского мира, потерявшие политическое единство после распада Римской империи, существовали, по сути, изолированно. Более того, в 800 г. в Риме, усилиями папства, была возрождена «своя» империя, возглавлявшаяся сначала франкскими, а затем германскими королями¹⁰. Константинопольские императоры потеряли в глазах западного мира свою «римскую» легитимность и стали титуловаться «императорами греков». Сами ромеи этой узурпации имперского наследия, разумеется, не признали, но были вынуждены смириться с существованием на Западе «василевса», которого, впрочем, официально никогда не называли «римским». Активизация контактов между правящими элитами после начала крестовых походов, естественно, вызвала обострение проблемы «двух империй»¹¹. Втянутый в борьбу за Италию, где затянулся тугой узел противоречий между папством, сицилийскими «норманнами»¹², германскими королями и богатыми городами-государствами, Мануил соперничал не столько с западными императорами, сколько с римскими папами, и именно с последними вел многообещающие переговоры. Следуя позднеимперской политической традиции, Мануил стремился выстраивать отношения с папством в духе императора Юстиниана, который рассматривал «царство» (βασιλεία) как абсолютный центр универсальной политической власти, а за папством был готов признавать лишь верховный авторитет (при этом не единоличный и не уникальный) в церковных вопросах¹³. Однако в условиях политической системы западноевропейского Средневековья, складывавшейся под сильным воздействием «Константинова дара» (фальсификата VIII в., который постулировал не только церков-

¹⁰ Закрепившееся за ней в науке название — «Священная Римская империя» (иногда добавляется: «германской нации») — воспроизводит самоназвание (Sacrum Imperium Romanum), но может ввести в заблуждение: ведь Империя считалась «священной» и в позднеантичной, и в византийской традиции. См.: Величко А.М. Священная империя и святой император. М., 2012.

¹¹ См.: Lilie R.-J. Das «Zweikaiserproblem» und sein Einfluß auf die Außenpolitik der Komnenen // Byzantinische Forschungen. 1985. Bd. 9. S. 219–243.

¹² Захватившие власть в Южной Италии потомки французского рыцаря из Нормандии были, скорее, нормандами, чем норманнами. Но в русской литературе устоялось именно такое название этой династии.

¹³ См.: Hofmann G. Papst und Patriarch unter Kaiser Manuel I. Komnenos // Ἐπιτηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Τ. 23. Κανίσκιον Φ. Ι. Κουκούλε. 1953. Σ. 74–82. О церковной политике Юстиниана см.: Геростергиос А. Юстиниан Великий — император и святой. М., 2010; Грацианский М.В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М., 2016. См. также: Кузенков П.В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I. 2014. Вып. 3 (53). С. 25–51.

ное, но и политическое первенство римских пап как наследников Империи Константина на Западе)¹⁴, папство могло предложить Византии лишь некую форму «ограниченного суверенитета», с признанием безусловного церковного и условного политического первенства Престола Святого Петра. Неудивительно, что переговоры кончились ничем¹⁵. В отличие от Лионской и Флорентийской уний, заключавшихся Империей с вполне конкретными (хотя, как оказалось, недостижимыми) военно-политическими резонами обороны государства, Мануил не просто преследовал прагматические цели, но стремился отстоять полноценный статус императорской власти. И такие претензии Константинополя, опиравшиеся не только на государственно-правовую традицию, но и на мощный военно-политический и экономический ресурс, представляли для папства опасность куда более грозную, чем амбиции Гогенштауфенов.

При изучении вопросов политической идеологии особенно важно внимательно проследить за терминологией первоисточников, особенно тех, которые выходили из-под пера августейших особ. В нашем распоряжении не так уж много текстов, в которых выражается саморепрезентация Мануила I Комнина. Но, к счастью, такие тексты есть. Во-первых, это сочинения историков комниновской эпохи. Во-вторых, официальные акты. В-третьих, латинские переводы дипломатической переписки. Все они требуют пристального анализа, выходящего за рамки одной статьи. Здесь мы сосредоточимся лишь на некоторых аспектах.

Среди византийских историков XII в. особое место занимает Иоанн Киннам, императорский секретарь, лично знавший многих высших сановников. Разумеется, речи и письма у Киннама (который был большим поклонником Фукидида, мастера вымышленных монологов) не могут считаться вполне надежным источником. Но в целом он считается человеком, хорошо осведомленным не только о событиях, но и о взглядах и идеях, имевших хождение при византийском дворе¹⁶.

¹⁴ См.: *Fried J.* «Donation of Constantine» and «Constitutum Constantini»: The Misinterpretation of a Fiction and Its Original Meaning. Berlin; New York, 2007.

¹⁵ О церковных переговорах Комнинов см.: *Гроссу Н.С.* Отношения византийских императоров Иоанна II (1118–1143) и Мануила I (1143–1180) Комнинов к вопросу об унии с Западом // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 53. 1912. Т. III. № 12. С. 621–649; *Джусоев К.М.* Эпоха Мануила I Комнина в контексте развития религиозного антагонизма между Византией и Европой (IV–XII вв.): Дисс. канд. богословия. СПб., 2018.

¹⁶ См.: *Бибиков М.В.* Византийские исторические сочинения. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М.: Ладомир, 1997 (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы). С. 16–48; *Любарский Я.Н.* Мануил I глазами Киннама и Хониата // Византийский временник. Т. 64 (89). 2005. С. 99–109.

Любопытны ссылки на «римское наследие», влагаемые Киннамом в уста Мануила. Так, в письме Конраду III, стоявшему в 1147 г. со своими крестоносцами недалеко от Константинополя и дерзко требовавшему царский дромон для переправы в Азию, Мануил напоминает немецкому королю, что тот находится в чужой стране, и притом принадлежащей «тем, чьи предки с оружием в руках прошли всю землю и овладели и вами самими, и прочими народами под солнцем»¹⁷.

Тема римской военной славы поднимается Мануилом и в обращении к собственной армии накануне решающего сражения с «персами» (как византийцы нередко называли турок-сельджуков)¹⁸ в 1146 г. Его Мануил начинает у Киннама такими словами: «Храбрые мужи! Не потому, что замечал я в вас трусость или какое-то малодушие, призываю я вас к смелости. Римлянам¹⁹ ли опускаться до такой низости и посрамлять славу отцов?»²⁰ Несколько неожиданно тема древней Римской империи звучит в послании Вильгельма Сицилийского, которое предваряет мирное соглашение 1158 г. Склоняя Мануила к миру, сицилийские сановники (а не сам король, что можно считать деталью, подтверждающей осведомленность Киннама) сравнивают успехи Мануила в Италии с успехами Юстиниана и пишут: «Обратись мыслью к прежним императорам и взгляни на древнейшие подвиги римлян — разве тогда никто не напал на державу (ἀρχή) римлян? Конечно же, много было таких народов — и персы, и гунны»²¹.

¹⁷ *Ioannis Cinnami. Epitome rerum ab Ioanne et Alexio [lege: Manuële] Comnenis gestarum / Recensuit A. Meineke. Bonnæ: Weber, 1836. P. 79; ср.: Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180), труд Иоанна Киннама / Пер. под ред. В.Н. Карпова. СПб., 1859. С. 85.*

¹⁸ И это была не просто дань литературной архаизации. Культура Сельджукидов в целом опиралась именно на персидскую традицию, о чём говорят, в частности, «кеянидские» имена султанов Рума. См.: *Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М., 1941 (Труды Института востоковедения; 39).*

¹⁹ Здесь в очередной раз проявляется сложность передачи византийского самоназвания Ῥωμαῖοι: принятый в старых книгах буквальный перевод «римляне», точно воспроизводя суть римско-византийского политонимического континуитета, сбивает с толку современного читателя и в современных изданиях заменяется на искусственный термин «византийцы» или на транслитерацию «ромей», которая, при всей своей корректности, утрачивает непосредственную связь с названием Рима (сохраняющуюся в греческом: Ῥωμαῖοι от Ῥώμη)

²⁰ *Ioannis Cinnami. Epitome rerum ab Ioanne et Alexio [lege: Manuële] Comnenis gestarum / Recensuit A. Meineke. Bonnæ: Weber, 1836. P. 57; ср.: Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180), труд Иоанна Киннама / Пер. под ред. В.Н. Карпова. СПб., 1859. С. 60.*

²¹ *Ioannis Cinnami. Epitome... P. 68; ср.: Краткое обозрение... С. 75.*

Статус западного императора Киннам сперва определяет витиевато: с одной стороны, Конрад III именуется у него просто «королём (ῥήξ) аламанов»; с другой стороны, он называет его «получившим жребий старшинства (τὰ πρεσβεῖα λαχόντος) над народами западной части света», что означает именно императорские полномочия²². Здесь обращает на себя внимание термин «πρεσβεῖα»: именно он по традиции использовался в греческих текстах для указания на особый церковный статус римского папы (латинский эквивалент — *primatus*). Наконец, пользуясь довольно случайным поводом (возведением Конрадом III в королевское достоинство князя Чехии), Иоанн Киннам пускается в пространное рассуждение об императорской власти на Западе²³. Приведём этот важный пассаж:

«Ибо много уже прошло времени, как имя василевса исчезло в Риме. После Августа, которого, намекая на принятие им власти в юном возрасте, называли Августулом, правление перешло к Одоакру, а затем к готскому вождю Теудериху, которые оба были тиранами. Причем Теудерих, как повествует Прокопий, всю жизнь именовался уже королём, а не василевсом²⁴.

Таким образом, Рим с Теудериха, и даже несколько прежде, до нынешних времён оказался в состоянии мятежа; многократно возвращавшийся ромеям Велисарием и Нарсесом, ромейскими полководцами при Юстиниане, он снова служил ничуть не меньшим тиранам-варварам, которые, подражая Теудериху, первому королю и вместе с тем тирану, назывались королями.

Те же, кто не имеет высоты царственности, разве могут нести такие должности, которые, как я уже говорил, отделяются и проистекают от царской державы? Но им недостаточно просто посягать на вовсе не принадлежащую им высоту царской власти, налагая на себя власть *империя* (ἰμπερίον): что в переводе означает «неограниченное»; они даже дерзают царство в Византии объявлять иным от того, что в Риме!

Размышляя об этом, я нередко начинал рыдать. Как же это, в самом деле, как власть Рима стала предметом торга для варваров и низких рабов?! И нет с тех пор там ни архиерея, ни тем более правителя. Ведь в нём тот, кто вступает на высоту царства, вопреки своему достоинству, идёт пешком впереди едущего верхом архиерея и исполняет обя-

²² *Ioannis Cinnami. Eritome...* P. 174; ср.: Краткое обозрение... С. 190.

²³ *Ioannis Cinnami. Eritome...* P. 241–244; ср.: Краткое обозрение... С. 218–219.

²⁴ Киннам демонстрирует довольно глубокие познания в истории падения Западной Римской империи, почерпнутые у знаменитого писателя VI в. Прокопия Кесарийского.

Фридрих I Барбаросса с сыновьями — Фридрихом Швабским и Генрихом VI.
 Миниатюра «Хроники гвельфов» (Аббатство Вейнгартен, 1179—1191)

занности его конюшего; а тот называет его *императором* (ἰμπεράτωρ), считая это тем же, что и *василевс*²⁵. Как и откуда, уважаемый, пришло тебе в голову использовать ромейских василевсов вместо конюших? Если же ниоткуда, то и в тебе ложно архиерейство, и в нём унижен василевс. Если ты не допускаешь, что царский престол Византия есть одновременно и престол Рима, то откуда ты сам унаследовал достоинство папы? Один человек определил это, Константин, первый христианский василевс²⁶. Как же ты одно — то есть престол и величие сана — охотно принимаешь, а другое отвергаешь? Или принимай то и другое, или отступись от того и другого.

Но мне, скажешь ты, дано право возводить на престол царей. Да, поскольку возложение рук и освящение есть дело духовное; но ты не имеешь права дарить царства и измышлять подобные новшества. Ведь если в вашей власти было передавать царства, то отчего не переместили вы того, которое находилось в Риме? Но, когда это сделал другой, тогдашний правитель вашей Церкви поневоле принял его распоряжения.

²⁵ Киннам с возмущением описывает церемонию провозглашения папой в Риме императора так называемой Священной Римской империи.

²⁶ Киннам противопоставляет претензиям папы на верховную власть тот самый подложный «Константинов дар», которым на Западе папство обосновывало своё право назначать императоров.

Ты спотыкаешься о собственные дела и не замечаешь, что делаешь противоположное. Ибо тех самых, которых ещё недавно, не вникая их просьбам, ты не брал в василевсы (и хорошо сделал, потому что не следовало), их же теперь, причислив к конюхам, не знаю отчего, принимаешь в василевсы, — хотя того, от кого и через кого и при ком достался тебе престол, почитаешь, конечно, не наравне с варваром, тираном, рабом.

Но, — говорит он, — меня неволят, заставляют силой. Такой предлог в отношении к тебе неуместен, ибо ещё вчера и совсем недавно ты вносил это в условия с василевсом Мануилом. А если сам ты это отрицаешь, об этом оповещают книги, которые содержат письма с твоей подписью. Поистине это какое-то шутовство, дело неблагоприятное и низкое, всегда, подобно котурну, приспособливаться к обстоятельствам».

Из приведённого пассажа Иоанна Киннама (а также из других текстов XII в.²⁷) становится понятно, что в комниновской Византии даже знатоки истории и канонического права не сомневались в подлинности знаменитого подложного документа, известного как «Константинов дар». Согласно этому фальсификату, составленному на варварской латыни во времена первых Каролингов, император Константин в благодарность за излечение от проказы передал папе Сильвестру «дворец, и город Рим, а также все провинции, местности и города Италии и западных областей», а сам удаляется «в восточные области», чтобы построить Константинополь²⁸. Но если для западных правителей подобный акт (а «Дар» оформлен именно как императорский указ) означал формальное наделение папы верховной политической властью, то византийцы тонко подметили, что источником этой власти в данном случае оказывается именно император. Более того, согласно «Дару», Константин удаляется из Рима на восток, поскольку «где первый из священников и глава христианской религии поставлен Императором небесным, там не подобает иметь власть императору земному». Но ведь это означает, что там, куда перешёл Константин, то есть в восточной части Римской империи, императорская власть не только не претерпела никакого умаления: наоборот, отныне она перешла из Рима

²⁷ См., напр., толкование Феодора Вальсамона на 2-е правило III Вселенского Собора. — *Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων, τῶν τε ἀγίων καὶ πανευφύμων Ἀποστόλων καὶ τῶν ἱερῶν Οἰκουμενικῶν καὶ Τοπικῶν Συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος Πατέρων* / Εκδ. Γ. Α. Ράλλης, Μ. Ποτλῆς. Τ. 2. Ἀθήναι, 1852. Σ. 174–176.

²⁸ *Corpus Iuris Canonici* / Ed. Ae. Friedberg, Leipzig, 1879. Vol. I. P. 342; Антология мировой правовой мысли. Т. 2. М., 1999. С. 173–176.

в Константинополь — и её «возвращение» в Рим при Карле Великом входит в вопиющее противоречие с буквой и духом «Константинова дара»²⁹.

При этом характерно, что в дипломатической переписке у Иоанна Киннама мы встречаем указание не только на семейное, но и на духовное родство императора и его западных корреспондентов. В письме германскому королю Конраду III, возвращавшемуся из Сирии после неудачи Второго крестового похода, Мануил (в несколько снисходительном тоне) пишет: «Люди, которые хоть немного могут мыслить, обычно смотрят на то или иное не в сочетании со случаем, а на вещи сами по себе, вне какой-либо перипетии. Посему и когда ты преуспевал, мы не считали нужным относиться к тебе сверх достойного, и ныне, когда тебе немного не повезло, мы опять же отнюдь не отказываемся радушно принять тебя и, как и ранее мы старались почитать тебя как родственника³⁰ и правителя столь великих народов, подать совет в сложившихся обстоятельствах — как по указанным причинам, так и потому, что мы друг с другом единоверцы (ἔνεκα τοῦ ὁμοθρήσκους ἡμᾶς ἀλλήλοις εἶναι)»³¹.

Идея «единой веры» западных и восточных христиан выражается и самим Киннамом в пассаже, посвящённом наводнению, затопившему лагерь немецких крестоносцев во Фракии, когда они после грабежей и стычек с императорскими войсками направлялись к Константинополю с враждебными целями. Описывая потери «аламанов» от стихийного бедствия, Киннам заключает, что «Сам Бог наказывал их за нарушение клятвы и бесчеловечное отношение к людям единоверным и не сделавшим им никакого зла»³².

²⁹ Еще радикальнее в том же направлении рассуждает Анна Комнина: «И это — о праведность! — сделал архиерей, и первый архиерей, тот, кто является предстоятелем всей вселенной. Так, во всяком случае, думают латиняне — и это ещё одно проявление их наглости. Ведь когда скипетр был перенесён отсюда к нам в наш царственный город, а с ним и сенат вместе со всем чином, перенесён был и архиерейский чин престолов. И с тех пор императоры дали преимущества Константинопольскому престолу, а Халкидонский Собор, возведя Константинопольского на самое первое место, подчинил ему все диоцезы вселенной» (Alexias, I 13.4: *Annae Comnenae Alexias. Pars 1* / Ed. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin; New York: De Gruyter, 2001. P. 44; *Анна Комнина. Алексиада* / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 82).

³⁰ Конрад и Мануил были женаты на родных сестрах.

³¹ *Ioannis Cinnami. Epitome rerum ab Ioanne et Alexio [lege: Manuële] Comnenis gestarum* / Recensuit A. Meineke. Bonn: Weber, 1836. P. 85; ср.: Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180), труд Иоанна Киннама / Пер. под ред. В.Н. Карпова. СПб., 1859. С. 93.

³² *Ioannis Cinnami. Epitome...* P. 74; ср.: Краткое обозрение... С. 79.

Но куда большее значение, чем тексты историков, имеют официальные тексты. Из аутентичных актов Мануила Комнина особого внимания заслуживает известный Эдикт о вере 1166 г., который уцелел на каменных скрижалях, выставявшихся в соборе Святой Софии, а также в виде роскошного ватиканского манускрипта *Vaticanus graecus 1176*³³. Императорский титул представлен в этом документе беспрецедентно пространством образом:

«Μανουῆλ ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς, πορφυρογέννητος, Ῥωμαίων αὐτοκράτωρ, εὐσεβέστατος, ἀεισέβαστος αὐγουστος, Ἰσαυρικός, Κιλικικός, Ἀρμενικός, Δαλματικός, Οὐγγρικός, Βοσθνικός, Χροβατικός, Λαζικός, Ἰβηρικός, Βουλγαρικός, Σερβικός, Ζηκχικός, Χαζαρικός, Γοτθικός, θεοκυβέρνητος κληρονόμος τοῦ στέμματος τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου καὶ ψυχῇ νεμόμενος πάντα τὰ τοῦτου δίκαια ὡς τινῶν ἀποστατησάντων τοῦ κράτους ἡμῶν»³⁴.

«Мануил, во Христе Боге верный василевс, порфирородный, император римлян, благочестивейший, вечный август, Исаврийский, Киликийский, Армянский, Далматский, Венгерский, Боснийский, Хорватский, Лазский, Грузинский, Болгарский, Сербский, Зикхийский, Хазарский, Готский, боговодимый наследник венца Великого Константина, и душою пользующийся всеми его правами, даже если некоторые [народы] и отступились от нашей державы».

Данный титул является уникальным по своей ясности выражением притязаний византийских императоров на всю полноту римского имперского наследия, олицетворением которого служит фигура первого христианского императора Константина Великого. В определении Мануила как «боговодимого наследника венца Константина» важно обратить внимание на то, что упомянутый «венец» играет важнейшую роль в «Константиновом даре»: ведь именно упомянутая там процедура (мнимая) передачи императором своей короны папе Сильвестру и последующего возвращения её Константину служила обоснованием полномочий папы римского на вручение короны императорам Священной Римской империи. В данном случае не обязательно воспринимать слова Мануила как полемику с «Константиновым даром»: напротив, этот «документ» никоим образом не умалял власть константинопольского императора, поскольку «передача короны» касалась именно старого Рима, тогда как

³³ *Mango C.* The Conciliar Edict of 1166 // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 17. 1963. P. 315–330.

³⁴ *Classen P.* Die Komnenen und die Kaiserkrone des Westens // *Journal of Medieval History*. Vol. 3. 1977. P. 214.

в Риме Новом (в то время ещё не построенном) императорская власть Константина воссияла во всей своей ничем не ограниченной полноте.

Следующим важным источником, проливающим свет на саморепрезентацию Мануила Комнина, служит его переписка с иностранными правителями. Нам известны (правда, только в латинской версии) два письма, датируемые 1176 г. Одно, направленное английскому королю Генриху II Плантагенету, сохранил для нас английский хронист Роджер Ховеденский³⁵. Другое, представляющее собой ответное письмо Мануилу римско-германского императора Фридриха I Барбароссы, случайно уцелело в одной венской рукописи³⁶.

В первом письме Мануил всячески демонстрирует свою враждебность мусульманскому Востоку и, напротив, акцентирует связи с западными правителями. Он пишет английскому королю о своей всегдашней «ненависти к врагам Божиим персам, которых мы видели торжествующими над христианами, похваляющимися над именем Божиим и господствовавшими над христианскими землями». А в конце, после довольно подробного рассказа о роковой битве с тюрками при Мириокефале в 1076 г., император, поблагодарив короля за то, что «вместе с нами оказались некоторые князья (principes) твоего благородства», пишет, что счёл необходимым рассказать о происшедшем «возлюбленному другу, тесно связанному с нашей царственностью через кровное родство наших сыновей»³⁷.

В том же году Мануил отправил письмо и в Германию, своему «злейшему другу», германскому королю и императору Священной Римской империи Фридриху I Гогенштауфену (1152–1190). Оно не дошло до нас, но зато сохранился ответ Барбароссы³⁸. Отношения двух императоров складывались далеко не лучшим образом³⁹. Мануил Комнин не жалел де-

³⁵ *Chronica Magistri Rogeri de Hovedene* / Ed. W. Stubbs. Vol. II. London, 1869. P. 102–104 (Rolls series; vol. 51/2); английский перевод с введением и комментарием: *Vasiliev A.A. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet // Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 29. 1929–30. P. 233–244.

³⁶ *Kap-Herr H. von. Die abendländische Politik Kaiser Manuels*. Strassburg, 1881. S. 156–157.

³⁷ Вторая жена Мануила, Мария Антиохийская, была дочерью Раймунда де Пуатье, который приходился дядей жене Генриха II, Элеоноре Аквитанской. Таким образом, сыновья Мануила и Генриха были троюродными братьями.

³⁸ Анализ переписки см.: *Kresten O. Der «Anredestreit» zwischen Manuel I. Komnenos und Friedrich I. Barbarossa nach der Schlacht von Myriokephalon // Römische historische Mitteilungen*. Bd. 34–35. 1992–93. S. 65–110.

³⁹ См.: *Lamma P. Comneni e Staufer: Ricerche sui rapporti fra bisanzio e Occidente nel secolo XII*. Roma, 1957.

нег и дипломатических усилий, чтобы ослабить позиции своего западного «коллеги», погрязшего в войне против Ломбардской лиги и папы римского⁴⁰. Правда, все надежды византийского императора рухнули в 1077 г., когда в Венеции Фридрих Барбаросса примирился с папой Александром III, Ломбардской лигой и Сицилийским королевством⁴¹. Именно в это время и написано дошедшее до нас письмо. Проанализируем его⁴².

Уже в самом начале обращает на себя внимание один из элементов титула Фридриха, «*Gregorum moderator*» — «управитель греков». При этом Барбаросса не ограничивается простой манифестацией, но раскрывает основания своей претензии на верховенство над «королем и императором греков», как он титулует Мануила. Фридрих пишет:

«По божественному попечению счастливая победа создала монархию наших предков, божественной памяти императоров града Рима, и успешной и ещё более сильной передала её нам до сего времени, дабы не только Римская империя находилась под нашим правлением (*moderamine*), но и даже королевство Греции долженствовало быть управляемым по нашему повелению (*ad nutum nostrum regi*) и руководимым нашей императорской властью (*sub nostro imperio gubernari*)».

Далее германский император обосновывает эту свою претензию не чем иным, как теорией «двух мечей», согласно которой высшая духовная власть на земле принадлежит папе римскому, а высшая политическая власть — поставляемому им римскому императору:

«Так же как Сам Царь Царей, от Которого всякая власть, установил Римскую империю главою всего мира, так и престол Римской Церкви назначил Он единственной матерью, госпожой и учительницей всех Церквей, что Сам автор веры христианской открыто предобозначил через число двух мечей, которые посчитал довольным (Лк. 22:35–36)».

И далее Фридрих Барбаросса призывает признать как своё собственное верховенство в качестве римского императора, так и церковное первенство папы римского:

«Посему по причине братской любви, каковую мы питаем к твоему превосходительству, мы сочли достойным обратиться к твоей мудрости с настоящими письменами, чтобы ты признал подобающую честь нашу и

⁴⁰ См.: *Zellinger K. Friedrich I. Barbarossa, Manuel I. Komnenos und Süditalien in den Jahren 1155/1156 // RömHM. Bd. 27. 1985. S. 53–83.*

⁴¹ См.: *Фурцев Р.В. Фридрих I Барбаросса и его политика в отношении норманнского государства в Италии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 2. С. 90–96.*

⁴² Текст и перевод письма приводится в Приложении.

Римской империи, и к великому понтифику, которого номинально называешь святым, уважительно проявил послушание».

Для того чтобы правильно понять смысл этих притязаний Фридриха Барбароссы, необходимо сравнить его титул с тем, который фигурирует в письме Мануила Генриху Английскому — и, по всей видимости, в той же протокольной латинской форме фигурировал и в его же послании к самому Фридриху.

Титул Мануила:

Manuel in Christo Deo fidelis imperator, porfirogenitus, divinitus coronatus, sublimis, potens, excelsus, semper Augustus, et moderator Romanorum, Comnenus.

Титул Фридриха:

Fredericus, divina favente clementia imperator, inclitus, triumphator, a Deo coronatus, sublimis, in Christo fidelis, magnus, pacificus, gloriosus, Cesar, Grecorum moderator, semper Augustus.

Как видим, в титулах много общих элементов, и выражение «Grecorum moderator» в титуле западного императора употреблено явно по аналогии с выражением «moderator Romanorum» в титуле императора восточного. Но что значит последнее выражение? Если попытаться сделать обратный перевод латинского титула, опираясь на сохранившиеся аналоги, можно восстановить следующий греческий оригинал:

Μανουήλ ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς, πορφυρογέννητος, θεόστεπτος, ἄναξ, κραταίος, ὑψηλός, ἀειέβαστος Αὔγουστος καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων, ὁ Κομνηνός.

Для сравнения приведем греческий титул Мануила I Комнина и его латинскую версию в письме папе Евгению III от августа 1146 г.:

Μανουήλ ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς, πορφυρογέννητος, ἄναξ, ὑψηλός, κραταίος, Αὔγουστος καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων, ὁ Κομνηνός.

Manuel in Christo Deo fidelis rex, porphyrogennitus, altus, sublimis, fortis, Augustus et imperator Romanorum, ὁ Κομνηνός⁴³.

Латинский переводчик послания папе передал термины βασιλεὺς и ἄναξ как одно латинское слово rex, а αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων — традиционно как imperator Romanorum. Иначе поступил переводчик послания Генриху. Он использовал слово imperator для передачи греческого βασιλεὺς, а αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων передал через несколько неожиданное выражение «moderator Romanorum». С высокой долей вероятности можно предположить, что точно так же был переведен и титул в послании Фридриху —

⁴³ Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden / Hrsg. von F. Dölger. München, 1931. S. 12.

поскольку Барбаросса также решил использовать слово «модератор», но уже в своём собственном титуле.

Трудно сказать, что двигало в данном случае переводчиком (судя по сохранившемуся до нас в Ватиканском архиве подлиннику послания Мануила папе, латинский перевод титула выполнялся в имперской канцелярии в Константинополе)⁴⁴, но реакция Фридриха оказалась, очевидно, болезненной. Он увидел в формуле «moderator Romanorum» не перевод тривиального императорского титула «αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων» (а именно он стоял в этом месте в греческом подлиннике), а претензию на «модерацию», то есть верховное управление над Римом. Для погрязшего в войне с городами Италии и папой римским «римского императора», каковым считал себя Фридрих I Гогенштауфен, это было более чем оскорбительно. Тем более что ему было прекрасно известно о прямом и неоднократном вмешательстве Мануила в итальянские дела. И в своём ответе Барбаросса избирает неожиданный ход: не просто «зеркально» применяет термин «модератор» в отношении греков, вставляя в свой титул формулу «Grecorum moderator», но и раскрывает это как претензию на верховное управление «Греческим королевством», обосновывая это, ни много ни мало, «божественным» определением Римской империи как «главы всего мира». В каком месте Священного Писания нашёл подобную заповедь германский король, остаётся только гадать.

Приведенные выше элементы идеологической полемики, развернувшейся в XII в., показывают не только острую конкуренцию между Византийской и Германской империями за универсальное наследие Рима, но и высокую степень взаимного недоверия между Западом и Востоком христианского мира. Пример с «модератором» показывает нам, что одно неудачно переведённое и неверно понятое слово было способно породить целую политическую программу. В такой атмосфере было весьма трудно и рискованно вести даже политические переговоры — не говоря уже о тонких богословских дискуссиях. Отсутствие единой культурной, религиозной и литературно-филологической базы у представителей латинского Запада и греческого Востока стало, по нашему убеждению, едва ли не главной причиной того факта, что усиление контактов между этими регионами в период крестовых походов привело не к устранению, а к усугублению недоразумений, предрассудков и взаимных претензий, вылившихся в катастрофу 1204 г.

⁴⁴ См. факсимиле: Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden / Hrsg. von F. Dölger. München, 1931. № 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Послание Фридриха I Барбароссы Мануилу I Комнину⁴⁵

F[redericus], divina favente clementia imperator inclitus triumphator a Deo coronatus sublimis in Christo fidelis magnus pacificus gloriosus Cesar Grecorum moderator semper Augustus — nobili et illustri regi Grecorum et inperatori dilecto fratri suo salutem et fraternae dilectionis affectum.

Prodecessorum nostrorum divae memoriae inperatorum urbis Romae monarchiam divino munere et felix obtinuit victoria eamque nobis usque ad haec tempora successive potenterque transmisit, ut non solum Romanum inperium nostro disponatur moderamine, verum etiam regnum Graeciae ad nutum nostrum regi et sub nostro gubernari debeat inperio. Sicut autem ille rex regum, a quo omnis potestas, Romanum inperium caput totius orbis constituit, ita etiam sedem Romanae ecclesiae omnium ecclesiarum matrem unicum dominamque et magistram ordinavit, quod utique duorum gladiatorum numero, quos quidem sufficere perhibuit, ipse auctor fidei Christianae patenter profiguravit. Quapropter fraterni amoris pretextu, quem tuae gerimus excellentiae, prudentiam tuam scriptis presentibus dignum commonere duximus, quatinus nobis et inperio Romano debitum honorem recognoscas et summo pontifici, quem nominatenus sanctum appellas, reverenter obedientiam exhibeas.

Audivit autem nostra maiestas, quod occasio quaedam inter patriarcham sanctae Sophiae tuamque nobilitatem prebuit seminariam discordiae. Cui si reconciliari intendis, pro bono pacis nos cooperatores habere poteris.

Porro successibus tuae nobilitatis, quos, dum contra Soldanum regem Yconiae exercitum duceres, divina gratia desuper tibi contulit, quos gratanter audivimus, aequè congaudemus, prout tuam nobilitatem nostrae maiestatis prosperitati congaudere non diffidimus. Cum autem de quibusdam consiliis, quae Soldanus amicus noster tuae aperuit nobilitati, prudentiam tuam asseras mirari, nescimus, an per haec verba nostram maiestatem notare volueris. Si ergo remota nube verborum mentis tuae intensionem maiestati nostrae aperueris, nos universa consilia, quae cum ipso Soldano tractavimus, evidenter profiteri non erubescimus.

Mirari vero non sufficimus, quod, dum fraternum amorem nobis promittis per nuntios et per pecuniam tuam fideles inperii nostri a nostro servitio et fidelitate avertere niteris. Cum autem boni et stabiles viri in

⁴⁵ Издание (по уникальному списку Vindob. pal. 953 [Salisb. 103], fol. 138b): *Kap-Herr H. von. Die abendländische Politik Kaiser Manuels. Strassburg, 1881. S. 156–157.*

sua fide inmutabiles permaneant, pravi vero ac perfidi tantum ad tuam voluntatem faciles inveniantur, parum nobis obesse poteris, minus autem honori tuo prospicis. Nam et fidem negligis et pecuniam inutiliter expendis. Si et nos et imperium nostrum sincera fide diligeres, equam a maiestate nostra vicissitudinem reciperes.

Фридрих, по божественной благосклонной милости император, превосходный, триумфатор, Богом венчанный, превосходный, верный во Христе, великий, миротворец, славный, Цезарь, правитель греков, вечно Август — благородному и сиятельному королю греков и императору, возлюбленному своему брату, [шлёт] приветствие и чувство братской приязни.

По божественному попечению счастливая победа создала монархию наших предков, божественной памяти императоров града Рима, и успешно и ещё более сильно передала её нам до сего времени, дабы не только Римская империя находилась под нашим правлением, но и даже королевство Греции долженствовало быть управляемым по нашему повелению и руководимым нашей императорской властью. Так же как Сам Царь Царей, от Которого всякая власть, установил Римскую империю главою всего мира, так и престол Римской Церкви назначил Он единственной матерью, госпожой и учительницей всех Церквей, что Сам автор веры христианской открыто предобозначил через число двух мечей, которые посчитал *довольным* (Лк. 22:35–36). Посему по причине братской любви, каковую мы питаем к твоему превосходительству, мы сочли достойным обратиться к твоей мудрости с настоящими письмами, чтобы ты признал подобающую честь нашу и Римской империи, и к великому понтифику, которого номинально называешь святым, уважительно проявил послушание.

Услышало же наше величество, что некое происшествие стало рассадником вражды между патриархом Святой Софии и твоим благородством. Каковую если ты намерен устранить, можешь иметь в нас соратников в деле примирения.

Далее, мы равно сорадуемся успехам твоего благородства, каковые, как мы слышали, щедро предоставила тебе божественная милость, когда ты повёл войско против Султана, короля Иконии, так как охотно верим, что и твоё благородство сорадуется преуспеванию нашего величества. Что же касается неких соглашений (*consiliis*), которые наш друг Султан раскрыл твоему благородству, и, добавляешь, изумили твою мудрость, то мы не знаем, желаешь ли ты этими словами указать

на наше величество. Так что если ты, устранив словесный мрак, разъяснишь нашему величеству намерение твоего ума, мы не постыдимся открыто изложить все соглашения, которые мы заключили с этим самым Султаном.

Мы же не устаём удивляться, что ты, хотя обещаешь нам братскую любовь, через своих посланников и на свои деньги пытаешься отвратить верных нашей империи от нашей службы и верности. И покуда добрые и стойкие мужи остаются непоколебимы в своей вере, а дурные и вероломные всегда легко находятся для твоего желания, ты можешь доставить нам немного вреда, но ещё менее — пользы своей чести. Ибо и верностью пренебрегаешь, и деньги тратишь бесполезно. Если же с искренней верою возлюбишь нас и нашу империю, получишь от нашего величества равное ответное отношение.

REFERENCES

1. A brief review of the reign of John and Manuel Comneni (1118–1180), the work of John Cinnamus. [Kratkoe obozrenie carstvovanija Ioanna i Manuila Komninov (1118–1180), trud Ioanna Kinnama] / Translation: V.N. Karpov. Saint-Petersburg, 1859.
2. *Angold M.* Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Cambridge, 1995.
3. Anna Komnina. Aleksjada / Translation: Ja.N. Ljubarskij. SPb., 1996.
4. Annae Comnenae Alexias. Pars 1 / Ed. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin; New York: De Gruyter, 2001 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; 40).
5. Anthology of world legal thought [Antologija mirovoj pravovoj mysli]. Moscow, 1999. Vol. 2.
6. *Bibikov M.V.* Byzantine historical writings. Byzantine historian John Kinnamos about Rus' and the peoples of Eastern Europe [Vizantijskie istoricheskie sochinenija. Vizantijskij istorik Ioann Kinnam o Rusi i narodah Vostochnoj Evropy]. Moscow, 1997.
7. *Chalandon F.* Les Comnène: Études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. II: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). New York, 1971 (repr.).
8. *Chronica Magistri Rogeri de Hovedene* / Ed. W. Stubbs. Vol. II. London, 1869. P. 102–104 (Rolls series; vol. 51/2).
9. *Classen P.* Die Komnenen und die Kaiserkrone des Westens // *Journal of Medieval History*. Vol. 3. 1977. P. 207–224.
10. *Corpus Iuris Canonici* / Ed. Ae. Friedberg. Vol. I. Leipzig, 1879.
11. *Dzhusoev K.M.* The era of Manuel I Comnenus in the context of the development of religious antagonism between Byzantium and Europe (4th–12th centuries) [Epoha Manuila I Komnina v kontekste razvitija religioznogo antagonizma mezhdou Vizantiej i Evropoj (IV–XII vv.)]: Diss. Cand. of Theology. Saint-Petersburg, 2018.
12. *Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden* / Hrsg. von F. Dölger. München, 1931.
13. *Font M.* Emperor Manuel Comnenos and the Hungarian Kingdom // *Byzantium, New Peoples, New Powers: The Byzantino-Slav contact zone, from the ninth to the fifteenth century* / Ed. M. Kaimakamova, M. Salamon, M. Smorağ Różycka. Cracow: *Historia Iagellonica*, 2007. P. 223–235.

14. *Fried J.* «Donation of Constantine» and «Constitutum Constantini»: The Misinterpretation of a Fiction and Its Original Meaning. Berlin; New York, 2007.
15. *Furcev R.V.* Frederick I Barbarossa and his policy towards the Norman state in Italy // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science [Fridrih I Barbarossa i ego politika v odnoshenii normannskogo gosudarstva v Italii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki]. 2010. No. 2. P. 90–96.
16. *Gentile Messina R.* Manuele Comneno e l'Italia (1157–1158) // Polidoro. Studi offerti ad Antonio Carile / Ed. G. Vespignani. Spoleto, 2013. P. 461–492.
17. *Gerostergios A.* Justinian the Great — emperor and saint. [Justinian Velikij — imperator i svjatoj]. Moscow, 2010.
18. *Gordlevskij V.A.* The State of the Seljukids of Asia Minor [Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloj Azii]. Moscow, 1941.
19. *Gratsianskij M.V.* Emperor Justinian the Great and the legacy of the Council of Chalcedon [Imperator Justinian Velikij i nasledie Halkidonskogo Sobora]. Moscow, 2016.
20. *Grossu N.S.* Relations of the Byzantine emperors John II (1118–1143) and Manuel I (1143–1180) Comneni to the question of a union with the West // Transactions of Kiev Theological Academy [Otnoshenija vizantijskih imperatorov Ioanna II (1118–1143) i Manuila I (1143–1180) Komninov k voprosu ob unii s Zapadom // Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii]. 1912. Vol. 53. T. III. No. 12. P. 621–649.
21. *Hofmann G.* Papst und Patriarch unter Kaiser Manuel I. Komnenos // Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. T. 23. Κανίσκιον Φ. Ι. Κουκουλέ. 1953. Σ. 74–82.
22. *Ioannis Cinnami.* Epitome rerum ab Ioanne et Alexio [lege: Manuële] Comnenis gestarum / Recensuit A. Meineke. Bonnae: Weber, 1836. XXVIII. 410 p.
23. *Kap-Herr H. von.* Die abendländische Politik Kaiser Manuels. Strassburg, 1881.
24. *Kazhdan A.P.* The riddle of Komninov (experience of historiography) // Byzantine Vremennik [Zagadka Komninov (opyt istoriografii) // Vizantijskij vremennik]. 1964. Vol. 25 (50). P. 53–98.
25. *Kresten O.* Der «Anredestreit» zwischen Manuel I. Komnenos und Friedrich I. Barbarossa nach der Schlacht von Myriokephalon // Römische historische Mitteilungen. Bd. 34–35. 1992–93. S. 65–110.
26. *Kuzenkov P.V.* The canonical status of Constantinople and its interpretation in Byzantium // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series I [Kanonicheskij status Konstantinopolja i ego interpretacija v

- Vizantii // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. I]. 2014. No. 3 (53). P. 25–51.
27. *Lamma P.* Comneni e Staufer: Ricerche sui rapporti fra bisanzio e Occidente nel secolo XII. Roma, 1957.
 28. *Lilie R.-J.* Das «Zweikaiserproblem» und sein Einfluß auf die Außenpolitik der Komnenen // Byzantiische Forschungen. 1985. Bd. 9. S. 219–243.
 29. *Loparev H.M.* On the Uniate Policy of Emperor Manuel Comnenus // Byzantine Vremennik [Ob uniatstve imperatora Manuila Komnina // Vizantijskij vremennik]. 1907. Vol. 14. P. 334–357.
 30. *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993.
 31. *Mango C.* The Conciliar Edict of 1166 // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 17. 1963. P. 315–330.
 32. *Monumenta Graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia* / Ed. J. Hergenroether. Westmead; Farnborough, 1969 (repr.).
 33. *Nicetae Choniatae Historia*. Berolini; Novi Eboraci, 1975.
 34. *Ostrogorskij G.A.* History of the Byzantine state [Istorija Vizantijskogo gosudarstva]. Moscow, 2011.
 35. *Popov A.N.* Historical and literary review of ancient Russian polemical writings against the Latins (11th–15th centuries) [Istoriko-literurnyj obzor drevnerusskikh polemicheskikh sochinenij protiv latinjan (XI–XV vv.)]. Moscow, 1875.
 36. *Three Jewish travelers* [Tri evrejskih puteshestvennika]. Moscow; Jerusalem, 2004.
 37. *Vasiliev A. A.* Manuel Comnenus and Henry Plantagenet // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 29/3–4. 1929–30. P. 233–244.
 38. *Velichko A.M.* Holy Empire and holy Emperor [Svjashennaja imperija i svjatoj imperator]. Moscow, 2012.
 39. *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφύμων Ἀποστόλων καὶ τῶν ἱερῶν Οἰκουμενικῶν καὶ Τοπικῶν Συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος Πατέρων* / Έκδ. Γ.Α. Ράλλης, Μ. Ποτλῆς. Τ. 2. Ἀθήναι, 1852.

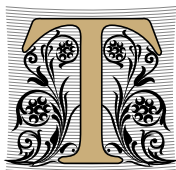

Ключевые слова:

Византия, Мануил I Комнин, крестовые походы, политическая идеология, презентация власти, дихотомия Восток/Запад.

Pavel V. Kuzenkov

SELF-IDENTIFICATION OF THE EMPIRE: VERSION OF MANUEL I COMNENUS

The article traces the main directions along which the ideological self-identification of the Byzantine emperor as a full heir to the Roman universalist idea embodied in the image of Constantine the Great took place in the era of Manuel I Comnenus (1143–1180). The attitude of the Byzantine authors to the «Donation of Constantine» and their successful attempts to adapt this falsification to strengthen their own political ideology is analyzed. The message of Frederick I Barbarossa to Emperor Manuel (1177) is given, for the first time in a Russian translation, as an example showing the inadequate attitude of Western European correspondents to the ideological and political filling of the official Byzantine title. A fundamental discrepancy is postulated in the basic principles, terms, ideological principles and the cultural and religious foundation of Greek and Latin Christianity, which contributed to widening the gap between Byzantium and the West, with fatal affect to the fate of the Eastern Roman Empire.

Key words: Byzantium, Manuel I Komnenos, Crusades, Political Ideology, Presentation of the Power, презентация власти, East-West Dichotomy.

Pavel V. Kuzenkov — Ph.D. (History), associate professor at the Moscow State University Historical Department, director of «The Grand Mediterranean» REC at the Sevastopol State University.

 Кузенков Павел Владимирович

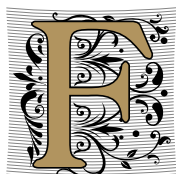
кандидат исторических наук, доцент исторического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
директор НОЦ «Большое Средиземноморье» Севастопольского
государственного университета

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.003

Nikolaos Kanellopoulos

GREEKS, BULGARIANS AND LATINIS IN CONFLICT DURING THE EARLY THIRTEENTH CENTURY IN THRACE AND ASIA MINOR

Following the fall of Constantinople in 1204, the conquest of the Byzantine provinces by the Crusaders was a relatively easy military task. In the Greek mainland and the Peloponnese, the majority of the empire's cities — with some exceptions — were handed over to the conquerors. In the East, Theodore I Laskaris (1204–1222), founder of the empire of Nicaea, initially failed to contain the Latin invaders who did not manage to take advantage of their success because of their conflict with the Bulgarians.^[1]

1. The war in Thrace and the conflicts between the empire of Nicaea, the Latin Empire of Constantinople and the independent rulers in Asia Minor, until 1211

The new rulers of Constantinople, in order to secure their possessions, campaigned against the empire of Nicaea in Asia Minor. The first pitched battle between Nicaea and the Latins at Poimanenon (December 6, 1204) ended with the defeat of the Byzantines, despite their numerical superiority. According to Villehardouin, the Frankish army consisted of just 140 knights,

not including the mounted sergeants (“*serjanz à cheval*”).^[2] The crusaders did not experience similar success during the Prousa siege. The city was well-fortified, and care was taken to ensure its sufficiency in supplies to face a prolonged siege. The stone-throwing machines (*belepolis*, i.e. the *trebuchet* of the western sources) proved of little effect against the walls. Moreover, the besieged were attempting sorties against the Latins and by using their bows they caused significant losses to them. When the Latins decided to withdraw, the Byzantines, strengthened by Franks, who had been deserted and had joined the Byzantine forces, pursued the retreating Latins unsuccessfully suffering considerable losses.^[3]

The effort of the Byzantines to fight against the future Latin Emperor Henry I de Hainaut (1206–1216) at Atramyttion (1205) was also ineffective. The Byzantine army extended the edges of its formation to encircle the inferior numbered enemy.^[4] But the Byzantine troops were not eager to attack. The Latins took the initiative and carried out a coordinated charge, broke the Byzantine line and inflicted heavy losses on them. The Frankish infantry followed the movement of the knights to gather the abandoned booty.^[5]

The successful operations of the Latins were forced to come to an end when the Bulgarian Tsar John I Asan or Kaloyan (1197–1207) invaded Thrace. All military forces were recalled from Asia Minor to protect the seriously threatened empire. The Byzantine aristocracy, due to the lack of co-operation and respect for its privileges on the part of the Latins, did not hesitate to revolt and call the intervention of the Bulgarian Tsar. The Tsar responded by invading Thrace at the head of his troops which were reinforced by Cuman horse archers.^[6] The inhabitants of the cities revolted, massacred and expelled the Latins. The contribution of the Byzantine population to the uprising against the conquerors was significant and it is interesting to look closer at their actions.^[7]

According to Niketas Choniates the Byzantines, badly organized, disordered, inadequately armed and without a plan, confronted the Franks at Arkadiopolis. The result was a serious defeat with many losses.^[8] The Byzantines were also involved in the events that led to the Battle of Adrianople (14 April 1205).^[9] At the outset, the Latins besieged the city and tried to undermine the wall foundations to cause its partial collapse. This effort, according to Niketas Choniates, was met with strong resistance from the Greek defenders.^[10] Villehardouin mentions that the Franks faced serious supply problems since the countryside remained under the control of the Greeks, and excursions for food and provisions gathering were unsuccessful and dangerous.^[11] In the Battle of Adrianople the Latins were lured to a

fruitless charge and prolonged pursuit by the Cuman horse archers. Panic was spread among the Latins when the Bulgarians and Cumans counterattacked. There was some initial resistance which later collapsed and the emperor Baldwin I fell prisoner to the Bulgarians. It seems that reinforcements from Adrianople managed to some extent to rally the fleeing troops and stop any further Bulgarian advance.^[12] According to Acropolites, the Greek inhabitants of Adrianople refused to deliver the city to John Asan but since the latter lacked siege engines and the knowledge of the art of siegecraft, he abandoned any effort to besiege the city.^[13]

Henry I, returning from Asia Minor, regained much of Thrace. However, he did not manage to capture Adrianople and Didymoteichon, which remained into Byzantine hands. Niketas Choniates sketches a very detailed description of the siege of Adrianople: The city was perfectly fortified and surrounded by two trenches. On the towers of the walls, wooden superstructures were built, in front of which skins were hanging from masts, so that the attackers could not set them on fire. The wooden towers gave the defenders the ability to shoot from the top and under cover, as well as to throw incendiary substances against the siege engines that approached the walls. Stones were hanged with chains from masts so that they could be reused after being thrown against humans and machines. Finally, the garrison had a considerable number of stone-throwing machines.^[14] The Franks, having seized the first trench, filled the second to approach the walls with siege towers. But the first tower got stuck into the soft soil, while a second, although it approached the wall and a bridge was placed, was destroyed by the stone-throwing engines and the stones that the defenders threw against it. The next day, a new attempt was made to approach the wall with siege towers, but the Byzantines performed a sortie and burned them. Due to the continuing failures and the pressure by the Bulgarians and their Cuman allies, Henry was forced to abandon the siege.^[15] The siege of Didymoteichon also ended in failure. The Franks built new siege engines, making use of the sails of their ships for lack of raw materials. A flood of the river Hebros overturned their plans by destroying their camp and the siege engines and causing human losses.^[16]

Alliances had been reversed when the Bulgarians invaded back Thrace in 1206. The Byzantines, having been brutally treated by the Bulgarians, had approached the Latin emperor and made determined defense when Kaloyan besieged Didymoteichon. In the second siege, the Bulgarian ruler used stone-throwing machines that caused some damage to the wall. The defenders placed skins and woods in front of the walls to reduce the efficiency of the

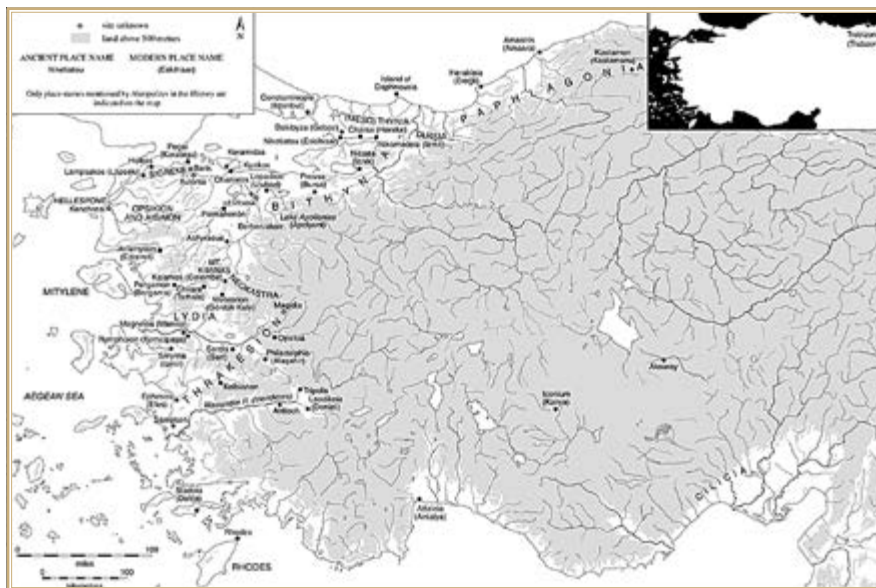
hitting stones, but the Bulgarians attempted an attack at the point where the wall had suffered considerable damage. The despaired Byzantines bravely defended the wall and forced them to retreat. Kaloyan, fearing the arrival of Frankish relief forces, withdrew his troops.^[17]

Theodore I, while the Latins were busy fighting in Thrace, attempted to control the neighboring Greek rulers. He first struggled with David Komnenos, ruler of Paphlagonia and co-founder of the empire of Trebizond, and defeated his general, Synadenos, at Nikomedeia (1205). The Nicaean army approached the opposing troops from an unexpected direction and surprised them. The soldiers of Trebizond fled, some were lost in battle and many were captured. Theodore I treated the prisoners graciously, a fact that is praised by Niketas Choniates in a panegyric to the emperor.^[18] The army of the local ruler Manuel Maurozomes, mostly composed of Turks, was also defeated by Theodore I with many losses and capture of prisoners.^[19] Analogous successes experienced the emperor against other local magnates.^[20] The state of Nicaea soon had to confront the Franks again, who rushed for the help of David Komnenos (1206/1207). Theodore I captured the city of Plousiada (or Prousiada)^[21] who had excellent archers, and then moved against the Pontic Herakleia, which he would occupy, had the Latins not occupied Nikomedeia in distraction. The Byzantines retreated and since winter had begun and heavy rainfall had taken place, according to the chronicler Henri de Valenciennes, a large number of soldiers (more than a thousand) drowned while crossing the flooded rivers. Because of these conditions, the Latins considered it impossible to continue the operations and returned to Constantinople.^[22]

The raids of the Bulgarians, especially the siege of Adrianople, gave the opportunity to Theodore I Laskaris to resume the hostilities against the Latin Empire of Constantinople. On the Kyzikos peninsula, where a Frankish garrison had been installed, a lot of skirmishes took place.^[23] Next, he besieged by land and sea the fortress of Kibotos on the coast of Propontis, which, according to Villehardouin, was guarded by only forty knights, a number that could not correspond to reality or does not include the other military groups, such as the crossbowmen. The walls were in poor condition and the Byzantines attempted unsuccessfully to seize the fortress by charge. When the news of the siege arrived in Constantinople, Henry quickly dispatched a relief military force. Indeed, the arrival of the Latin ships shocked the besiegers, who withdrew their ships and took positions on the coast (footsoldiers and horsemen) in order to prevent the Franks from disembarking and being able to direct the shots of their long-range

weaponry (bows and catapults). The two opposing armies did not confront each other, that is, the Latins did not risk to disembark but surrounded the fleet of Theodore I and constrained his men on the shore. But during the night, new reinforcements from Constantinople arrived and at dawn an attack would have been attempted, had the Byzantines not decided to retreat. They pulled out their ships on the shore and set them on fire. But the Franks took the decision to abandon Kibotos due to the poor condition of the fortifications and their shortage of men.^[24] Such was the turn of events at Kyzikos. Theodore I besieged the Latins from land and sea. The operations were combined with the uprising of the inhabitants, but when reinforcements from Constantinople arrived, the Byzantines withdrew.^[25] Events in Nikomedeia evolved in the same way as in Kibotos and Kyzikos. The Byzantines systematically avoided an open battle when the main force of the Franks appeared, under the command of their emperor.^[26] Finally, this tactic had a positive, although limited, outcome. David Komnenos, crossed the Sangarios river and plundered the area that belonged to Nicaea. But a force of 300 Latins allies of David was annihilated in an ambush by the troops of Theodore I near Nikomedeia.^[27] According to Villehardouin, Thierry de Looz, the head of the Latin forces guarding Nikomedeia, led his men into looting the countryside and gathering supplies. The Byzantines ambushed and surprised them, causing the Franks to suffer many losses while many others, including Thierry, were held prisoners. The siege of Nikomedeia was resumed, to be interrupted for a second time due to the arrival of the forces of Henry (1207).^[28]

Niketas Choniates provides interesting details in a panegyric to Theodore I about the Byzantine troops course of action during these conflicts, which appear to have taken on the form of guerrilla warfare and the constant harassment of the adversary. He stresses the emperor's personal involvement in the hostilities, leading his army under difficult conditions, being an example for and encouraging his men. He mentions the crossing of rivers and the march through rough mountain roads, which in many cases were opened by the passing troops themselves. The enemy was installing wooden barriers, which the Nicaean troops either fired or removed. Thus their opponents, having lost the advantage of covering and escaping through the mountain passes, were suddenly overtaken by the Byzantine troops.^[29] Ian Booth in a relevant publication, dismissed Niketas Choniates' specific description as untrue.^[30] He considers that the clearing of the mountain passages and the cutting of vegetation did not ensure the surprise of the enemy, as the Byzantine historian tried to contend. In this particular case, I think he is confusing the fact of

Малая Азия / Asia Minor (Macrides R. George *Akropolites The History*. Oxford, 2007. P. XX.)

a troop's march with the phase of the final approach and engagement with the opponent, which obviously would be carried out with much more caution and less noise. This fact does not negate the clearing of obstacles in mountain routes. In addition, I feel that Booth reached to uncertain conclusions because he confuses the description by Niketas Choniates in his *History* of the defeat of Thierry de Looz^[31] with the description by the same author in his panegyric to Theodore I of the defeat of Synadenos.^[32] By identifying and combining in both texts the relevant passages properly, it is clear that Synadenos was encircled, while the Latins fell into an ambush, whereas the argument that «...Choniates refutes his own statement that no mercenaries survived by saying that prisoners were taken.»^[33] is not accurate. That is because in Choniates' description only the capture of prisoners is mentioned and not the complete extermination of the Frankish soldiers.^[34]

In 1208 a new conflict broke out between the Latin Empire and the Bulgarian state. The new tsar, Boril (1207–1218), met the Frankish troops, which included a Greek contingent, in Philippopolis where his army suffered an important defeat. The Bulgarians were probably confident enough to risk a pitched battle thanks to their numerical superiority. The Franks were prudent enough to form a vanguard while the emperor with his men kept behind, forming a rearguard or reserve force. The opening charge of the Latins was successful and caused disorder among the Bulgarians and their Cuman allies. When an enemy had fallen from his horse there were men — in all probability footsoldiers — to annihilate him. When the main

Frankish army corps attacked successfully Boril himself and his entourage, the Bulgarian army was put to full flight. The intervention of Henry I leading his knights completed the defeat and the pursuit of the Bulgarians.^[35]

2. The invasion of the Latin Emperor Henry I in Asia Minor

The events of the emperor Henry I campaign in Asia Minor are known to us from a letter of his dated January 13, 1212.^[36] In July 1211 Henry landed in Pegai. The Byzantine troops were defeated and retreated to the mountains with a lot of losses during their pursuit by the Latins. The Byzantines limited themselves to the harassment of the Frankish troops as they advanced to Prousa and Nicaea. According to the letter, Theodore gathered a new large army, which included 90 columns of Byzantine troops and 8 columns of Latins, and on October 15th of the same year he faced the Franks near the Rhyndakos river. The report by Henry that a single column of the Byzantine army consisted of 1700 men should probably be seen as an exaggeration. Perhaps it is more veritable to consider that the total of the Byzantine forces were 1700, horsemen and footsoldiers (*«tam peditum quam equitum»*).^[37] The Frankish army consisted of 15 columns, each of which consisted of 15 knights, except for the column under Henry, which included 50 knights. In total, the Frankish army included 260 knights. The Byzantines hid most of their army behind a hill, while a small part (two columns) remained in common view to challenge the Latins to a charge. Following the charge, this small force would execute a feign retreat to the hill where the remaining Byzantine forces were hidden in ambush. Indeed, 12 of the 15 Frankish columns confronted the Byzantines (one remained to guard the camp and the other two formed the rearguard). However, only a part of the Frankish army pursued the Byzantine vanguard, resulting in Theodore I's trick being untimely revealed. Henry records the strong impression that the disclosure of the size of the main force of the opposing army has caused. After the failed ambush, the Franks clashed with the Byzantines; initially the battle was ambiguous, but the Latins overcame and threw Theodore's army in flight. According to Henry, the conflict lasted from midday to sunset and none of his soldiers were fatally injured.^[38] These two facts, if they do not form an exaggeration of the Latin emperor for propaganda purposes, lead us to the suspicion that the battle took the form of pursuing rather than of a close-quarters battle, and Theodore I was forced to flee without delay when his army failed to ambush the Latins.

Subsequently, Henry captured the cities of Lentiana and Poimanenon. Especially at Lentiana he met firm resistance. The defenders lasted more than forty days of siege, despite their tragic situation in terms of supplies and the collapse of part of the wall as a result of the stone throwing engine bombardment. For the defense of the wall at the point where it collapsed they used the following trick: they created a great fire, which they constantly fed with timber so it was not possible for the enemy troops to approach and take advantage of the breach.^[39] This victorious campaign of Henry did not deliver the results that one would expect. The insufficient Frankish forces could not occupy and control the countryside nor cause a key blow on the Nicaean state. A pact was reached between the rivals and the land boundaries between the two states were recognized.^[40]

3. The byzantine counterattack

Following the death of Theodore I Laskaris, the new emperor John III Vatatzes (1222–1256) led a series of military operations against the Latin empire of Constantinople and recaptured many of the Byzantine territories in western Asia Minor, Macedonia and Thrace, threatening the capital itself. Despite these important engagements, our information on their military characteristics is insignificant, as the details or even their existence as historical events were deliberately omitted from the main contemporary Byzantine source, namely George Akropolites. Akropolites writing under the auspices of the emperor Michael Palaiologos (1259–1282), who ascended to the throne after a coup d'etat, had every reason to degrade or conceal the military successes of the legal dynasty of the Laskarids.^[41]

The brothers of Theodore I, Alexios and Isaac, in their attempt to overthrow John III collaborated with the Latins. However, the Frankish army was defeated by the Byzantines at Poimanenon (1224). The emperor himself was distinguished in the battle. In fact, according to the «*Life of St. John the Merciful*» the conflict was fierce and ambiguous until John III overthrew the Latin leader from his horse, who was then trampled to death. Following the loss of their leader, the Franks fled. After the battle, an exchange of prisoners took place.^[42] The victory paved the way for Nicaea to regain many fortresses the Latins had occupied. Many of these operations took place in winter, that is, at a season when campaigns were usually avoided and this was a novelty of John III's strategy. Siege engines («*helepolis*») were used by the Byzantines to damage and then storm the walls. In the event that the

besieged surrendered, they were allowed to leave; otherwise, those who were not killed in the battle were taken prisoners.^[43] John III did not confine himself to recovering territories in Asia Minor, but having a powerful fleet at his disposal, he landed in Thrace where he captured several cities. Similarly, some islands close to the Asia Minor coast and the wider Archipelago were regained.^[44] Also, at the invitation of the inhabitants, a Nicaean army detachment entered Adrianople, but the appearance of the army of the state of Epiros forced the Nicaeans to reach an agreement and withdraw.^[45] From 1217 onwards a new arising power, the state of Epiros under Theodore I Komnenos Doukas severely threatened the Latin empire.^[46] The double attack by Nicaea and Epiros caused significant territorial losses and diminished the power and status of the Latins. But Theodore Doukas' rising star was flamed out abruptly in 1230 when the Epiros army suffered a sound defeat by the Bulgarians in Klokotnitza. Theodore and other important men of his army were taken prisoners but the common soldiers were released and sent back to their hometowns, probably in an effort by the tsar John II Asan (1218–1241) to increase his popularity and the local population acceptance of his rule.^[47]

The Empire of Nicaea got into a rather difficult military position when the new ruler of the Latin empire, the elderly but experienced in the military, John de Brienne (1231–1237), invaded Asia Minor (1233). John III did not face the Franks in a pitched battle, as operations in Crete and Rhodes had absorbed most of his military forces but held a guerrilla warfare instead. The Latins were confined to the coastal zone, which the Byzantine army had deserted from any available supplies and had retreated to the mountainous hinterland. This tactic paid off, and the Franks would remain almost idle if they did not seize the city of Pegai after betrayal.^[48]

John III secured the alliance of the Bulgarian monarch John II Asan and the unified Byzantine-Bulgarian forces captured all of Thrace, limiting the Latins to Constantinople. In 1235 the capital of the Latin Empire was besieged by land and sea, without success. Indeed, the Latin emperor John de Brienne executed a successful cavalry counter-attack outside the walls. At the same time, the Venetian fleet intervened, causing the fleet of Nicaea to sail away and approach the coast in order to be under the cover of the long-range weapons of the ground forces. It is very likely that after the initial failure, the Byzantine-Bulgarian attack was resumed at the end of 1235 or early 1236. The prince of Achaia, Geoffrey Villehardouin, sent military aid to the besieged capital, which was eventually rescued due to the rupture of the relationship between the two allies, John II Asan and John III Vatatzes.^[49] A piece of information that is included in the «Life of Saint John the Merciful»,

may be of interest for the method of carrying out the siege and the goals of the emperor. John III, in order to restrain the Latins from further plundering and destroying Constantinople to find resources for supplies provision, came to an agreement with them to grant himself a sum of money in return for the integrity of the Constantinopolitan monuments and heirlooms.^[50] This measure reveals that he did not want to bring the Franks into a complete blockade and force them into desperate and resolute resistance, hoping perhaps to their voluntary withdraw and surrender of the capital.

The immediate consequence of the disruption of the Byzantine-Bulgarian alliance was the approach of the Latins and the Bulgarians, which led to the siege of Tzouroulos, by the Latin-Bulgarian troops. The Franks used powerful siege engines, but the Byzantine defenders, despite the fact that they were outnumbered, put up a strong defense. A new Asan change of mind led to the withdrawal of the Bulgarian troops that saved the fort from a certain fall.^[51] However, Tzouroulos was besieged and captured by the Crusader army, which the Latin emperor Baldwin II (1228–1261) managed to recruit in the West to save the Latin empire (1241). An important role in the outcome of the siege was played by the Cuman mercenaries in the service of the Latins. The Cumans, who were settled north of the Danube, were forced after 1237 under the pressure of the Tatars to move south. These capable warriors crossed the Bulgarian state and ended up in Thrace, where they were recruited at the service of the Latin empire.^[52] The combination of the powerful siege engines and the numerical superiority of the Latins and their mercenaries led to the surrender of Tzouroulos. The defenders were led prisoners to Constantinople where they were released after payment of ransom.^[53]

In the following years the military strengthened Empire of Nicaea, expanded successfully in the western regions of the former Byzantine empire, mainly to the detriment of the states of Epiros and Bulgaria. An important factor in this success was the incorporation of the Cumans in the Byzantine army. The nomads were admitted by John III, who allowed them to settle in the territories of the empire on condition that they would offer military service. Most of them settled in Asia Minor. The enrolment of the Cumans had a double positive effect since they ceased representing a threat for the empire and the military capabilities of Nicaea were improved with the addition of these brilliant horse archers.^[54]

John III exploiting the poor state of the Bulgarians due to the turmoil caused by the death of Koloman Asan (1241–1246), transferred his army on the western side of the Bosphoros (1246). The year season (September) favored the movement of the troops; for example, the water level of the rivers was still

low, making it easy for the soldiers to cross without difficulty. The main effort of the Nicaeans turned against Serres. At the war council that preceded the operation, the majority of the participants suggested to the emperor not to attack because he did not have either battle-worthy and sufficient troops nor the required siege engines.^[55] However, Andronikos Palaiologos, the father of the future emperor Michael VIII, expressed a different view, suggesting that they should take advantage of the unsteady situation in Bulgaria and risk the operation. John III agreed with this proposal and camped near the city. Apart from the strongly fortified citadel, the lower city wall was not in good shape, and John III equipped the soldiers' servants, the so-called *tzouloukones*, with bows, swords, and planks instead of shields to carry out an attack. Indeed, the wall, constructed with stones and lime and lacking the required height, was not an obstacle for the soldiers' servants. Obviously neither the quality nor the numerical strength of the besieged was capable of deterring the fall of the city. Additionally, the head of the guard, Dragotas, a person who will play an important role in the Byzantine-Bulgarian War of 1254–1256, delivered the citadel and turned to be an emperor's ally. Also, Dragotas arranged the surrender of Melenikon. A number of other cities, such as Stenimachos and Tzepaina suffered the same fate. The Bulgarians capitulated and recognized the emperor's sovereignty and the new frontiers. John III with a short (September–October 1246) and almost bloodless campaign, taking advantage of the instability of the Bulgarian state, and especially the separatist tendencies of local rulers, restored Byzantine rule over much of Thrace and Macedonia.^[56] The son of the Nicaean Emperor, Theodore II Laskaris (1254–1258), in an encomium dedicated to his father, mentions the conflict with the Bulgarians giving the impression that it developed into mountain guerrilla warfare, a fact not confirmed by George Akropolites.^[57]

Following these successes, John III turned once more against the Latin empire (1247). He sieged Tzouroulos by using «*belepolis*»^[58] and other siege machines that could damage the walls and captured it after a brief siege. The captured defenders were allowed to leave. Theodore Skoutariotes states that while the emperor had approached the walls to negotiate with the besieged, an arrow was unsuccessfully passed against him by a «*manganotzagra*» (crossbow with pulley).^[59] Then the Byzantine army captured Bizye.^[60]

While the Byzantines were preparing for war against the Latins, the Genoese invaded Rhodes (1248–1249). The Emperor sent a small military force under John Kantakouzenos, who captured some fortresses and then, when he received reinforcements, he restricted the invaders within the

city of Rhodes. But the help given by the prince of Achaia (100 knights) overthrew the favorable situation and the Byzantines withdrew into the castle of Phileremos. The Latins were looting the countryside, while the Genoese infantry safeguarded the castles. John III gathered troops in Smyrna under protosebastos Theodore Kontostephanos and transported them with his fleet (which included transport ships capable of carrying 300 horses) to Rhodes. The protosebastos received written instructions on how to deal with the Latins. Indeed, we can safely assume that he avoided a pitched battle with the Frankish knights, but he preferred to surprise them while they were scattered and busy with looting. No mercy was shown to the knights, who were killed to the last man. On the contrary, the Genoese footsoldiers once surrendered, received favorable treatment.^[61]

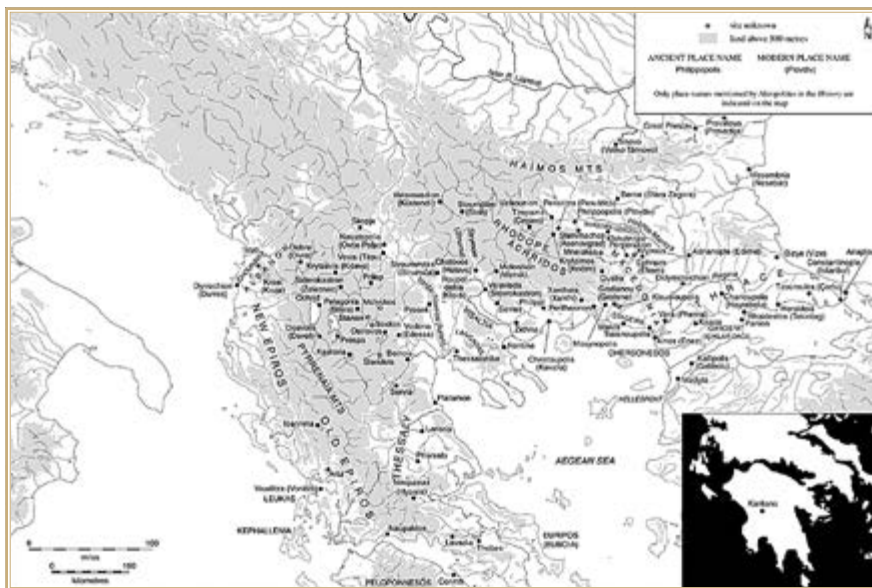
The Bulgarian Tsar Michael Asan (1246–1257) considered that the death of John III was a unique opportunity for the recovery of the lands that Nicaea had occupied in 1246. Back in 1246, John III had exploited the death of the Bulgarian ruler. Now the Bulgarian ruler considered it favorable to exploit the death of the emperor and invade the Byzantine territory.^[62] A full scale counterattack by the new emperor Theodore II Laskaris was evolved into mountainous guerilla warfare that ended with the preponderance of Nicaea.^[63]

4. Some remarks on the characteristics of the conflicts

The period following the Latin conquest of Constantinople was turbulent. The various emerging powers tried to fill the political and military power vacuum but no one was strong enough to exercise control over the others. The military position of the Latins initially was favorable: they were the victorious conquerors and their base was the impregnable city of Constantinople. But having meager resources both in men and supplies, they had to fight a multifront war against Bulgaria, the empire of Nicaea, and the state of Epiros not to mention the local magnates and soon their position became critical. The empire of Nicaea fought against the Latins, the Bulgarians, the other splinter Greek states as well as the Seljuk Turks. The Bulgarian state fought against the Latins and the Byzantines. The Byzantines fought under disadvantageous terms when they met the Latins in pitched battles although occasionally were rather successful as was the case at Poimanenon in 1224. It seems that the byzantine troops could not match the experienced western knights' charge. We can partly attribute the ineffectiveness of the byzantine

troops to the shock caused on the aftermath of the fall of Constantinople — a factor that affected radically the morale of the troops— and the inexperience of soldiers and leaders of the restored armies of Nicaea.^[64] Much more effective against the Latins were the guerilla warfare tactics or “indirect” warfare that included deception and ambushes. An ambush that included a feigned retreat — albeit an unsuccessful one — tried to exercise Theodore I against Henry I near the Rhyndakos river. The conflicts between Nicaea and the other Greek states and between Nicaea and the Bulgarian state took the form of guerilla warfare in which the Nicaean troops usually excelled. The Cuman horse archers who firstly fought on the side of the Bulgarians and then with Nicaea, played a critical role in the conflicts and important victories could be attributed to these fighters. Meanwhile, the control of the countryside and the population presumed on the control of the fortified towns, therefore the role of the castles was important. In the early thirteenth century Thrace and Asia Minor, sieges were frequent — much more frequent than the precarious pitched battles — and the opponents used various methods to achieve the fall of a stronghold. All the known siege machines of the period were used, mainly trebuchets and siege towers. However, the most effective method of attack was the blockade of the besieged and the negotiation of terms for surrender. The partition tendencies of the local rulers and population and their disputable loyalty favored such negotiations. Even when a successful battle was fought, in case the enemy army was not destroyed and the ruler killed or taken prisoner, only the control of the strongholds could secure the control of the countryside.

Alliances were formed and broke but we should take into consideration that an alliance of Nicaea and the Latin empire against Bulgaria or another adversary was never materialized. The crusaders avoided or did not manage to come to terms with Nicaea since it was the most important and powerful claimant of the Latin empire and threatened the very existence of the fragile state. Although some efforts of rapprochement between Nicaea and the Latins were realized or was close to be realized a military alliance was never carried out.^[65] Early in the thirteenth century, Niketas Choniates urged Theodore I to restore Constantinople from the Latin occupation;^[66] similar recommendations were given by the archbishop of Athens Michael Choniates.^[67] As Nicaea was gradually militarily strengthened under the leadership of capable emperors and field commanders such as John III, the possibility of the alliance was lessened. Nicaea followed an aggressive policy against the Latins and it was not less reluctant to struggle against the other Greek states as well as the Bulgarians.^[68]

Балканы / The Balkans (Macrides R. George Akropolites The History. Oxford, 2007. P. XXI.)

Local rulers or soldiers changed sides but this did not mean that formal alliances between the political entities they represented were shaped. The local Greek rulers fought alongside the Bulgarians against the Latins and then alongside the Latins against the Bulgarians. On the other hand, the army of Nicaea included important elements of Frankish troops while the Latins supported the rulers of Trebizond against Nicaea. Thus, religion was not an obstacle for establishing connections and alliances between former enemies or for initiating hostilities against former allies even though they had the same religious doctrine. Furthermore, especially for the crusader empire of Constantinople, religion was the means to war justification and contributed to the boost of the soldiers' morale. For example, the Latins viewed the Byzantines as enemies of the orthodox faith "*inimicus fidei orthodoxae*"^[69] and the pope would issue calls for a crusade against the "schismatic" Greeks while comparable were the notions against the Bulgarians.^[70] It is characteristic that before the battle of Phillipopolis between the Latins and the Bulgarians, the Latin chaplain delivered a sermon declaring that their adversaries (i.e. Bulgarians and Cumans) do not believe in God and His power.^[71] Nevertheless, as Van Tricht has pointed out, the Latin empire of Constantinople did not have any hesitation to seek an alliance with the Islamic Seljuk sultanate of Rum against the Christian Nicaea.^[72] Nonetheless, the Christian doctrine had a certain positive effect on the treatment of prisoners since their life was spared especially in cases they had surrendered. Nikephoros Gregoras explicitly states that it was an old

custom during wars between Christian Balkan people not to kill or enslave the prisoners of war but only to loot their arms and possessions^[73]. At any rate, many instances of prisoners and non-combatants maltreatment by all participants can be recorded. This maltreatment acted as a bad exemplar and had to be avoided since it caused entanglements for future operations, that is to say actuated opponents' fierce resistance and unwillingness to accept further negotiations. In sum, respect for prisoners' life was a case of practical necessity matched with moral -Christian- values. We can assume that the conflicts in the Balkans and northwest Asia Minor of the early thirteenth century were influenced to a certain extent by religion, but a practical necessity and political feasibility constituted the dominant element in the alliances that were being formed (or broken) and in the ensuing conflicts.

-
- [1] On the general characteristics of the conquest, see *Carile* A. *Per una Storia dell' Impero Latino di Costantinopoli (1204–1261)*. Bologna, 1972. P. 224–232. Also: *Gounarides* P. *Οι Πολιτικές Προϋποθέσεις για την Αντίσταση στους Λατίνους το 1204* [The Political Conditions for Resistance to the Latins in 1204]. Symmeikta. 5. 1983. P. 143–148.
- [2] *Villehardouin* G. *La Conquête de Constantinople*, ed. E. Faral. Vol. 2. Paris, 1939. §319–320. *Choniates* N. *History*, ed. J.L. van Dieten. *Nicetae Choniatae Historia* (CFHB 11). Berlin, 1975. P. 602.
- [3] *Choniates*. *History*. P. 602–603. *Meliarakes* A. *Ιστορία του Βασιλείου της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ηπείρου (1204–1261)* [History of the Kingdom of Nicaea and the Despotate of Epiros (1204–1261)]. Athens, 1898. P. 20–21; *Gardner* A. *The Lascarids of Nicaea, the Story of an Empire in Exile*. London, 1912. P. 64.
- [4] *Choniates*. *History*. P. 604: «καὶ ὡς εἰς χάσμα διανοιγόμενοι στόματος ταῖς ἐκατέρων τῶν κεράτων ἀναπτύξει».
- [5] *Villehardouin*. §322–323; *Choniates*. *History*. P. 603–604; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 23; *Gardner*. *Lascarids*. P. 64.
- [6] On the role of the Cumans during the operations, see: *Vásáry* I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge, 2005. P. 47–56. Also: *Mitchell* R. *Light Cavalry, Heavy Cavalry, Horse Archers, Oh My! What Abstract Definitions Don't Tell Us About 1205 Adrianople*. *Journal of Medieval Military History*. 6. 2008. P. 95–118.
- [7] On the socio-political conditions, which led to the Byzantine-Bulgarian collaboration, see: *Krantonelli* A. *Η κατά των Λατίνων Ελληνοβουλγαρική Σύμπραξις εν Θράκη 1204–1206* [The Greek-Bulgarian alliance against Latins in Thrace 1204–1206]. Athens, 1964. Also: *Carile*. *Impero Latino di Costantinopoli*. P. 232–238; *Cheyne* J-C. *Pouvoir et Contestations à Byzance (963–1210)*. Paris, 1990. P. 470–471.
- [8] *Choniates*. *History*. P. 614; *Villehardouin*. §338–339.
- [9] *Longnon* J. *L'empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée*. Paris, 1949. P. 77–80.
- [10] *Choniates*. *History*. P. 615.
- [11] *Villehardouin*. §351, §353.
- [12] *Villehardouin*. §357–365; *Choniates*. *History*. P. 616–617; *Akropolites* G. *History*, ed. A. Heisenberg, *Georgii Acropolitae. Opera*. Vol. 1. Leipzig, 1903 [repr. with corrections P. Wirth. Stuttgart, 1978]. P. 21–22.

- [13] *Akropolites*. History. P. 22–23. See relevant comments on the event and the ability of Bulgarians in siegecraft in: *Macrides R.* (trans. and commentary). *George Akropolites The History*. Oxford, 2007. P. 142
- [14] *Choniates*. History. P. 622.
- [15] *Choniates*. History. P. 622–623; *Villehardouin*. §395–397.
- [16] *Choniates*. History. P. 624; *Longnon*. Empire Latin. P. 83.
- [17] *Choniates*. History. P. 632–633; *Villehardouin*. §424–426, §431–432; *Longnon*. Empire Latin. P. 84–86. On the Bulgarian invasion in Thrace, see: *Vásáry*. *Cumans & Tatars*. P. 50–54. Also: *Lock P.* *The Franks in the Aegean 1204–1500*. New York, 1995. P. 51–54; *Vlachos Th.* *Kaloyan plündert Thrakien und Makedonien*. *Byzantina* 2. 1970. P. 269–283.
- [18] *Choniates*. History. P. 626; *Choniates N.* *Orations and Letters*, ed. J.L. van Dieten, *Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae* (CFHB 3). Berlin — New York, 1972. P. 135–136; *Savvides A.G.C.* *Byzantium in the Near East: its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols, A.D. c. 1192–1237*. Thessaloniki, 1981. P. 68–69. On David Komnenos, see: *Vasiliev A.A.* *The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222)*. *Speculum*. 11. 1936. P. 21–26; *Cheyne*. *Pouvoir et Contestations*. P. 468–469; *Savvides A.G.C.* *Οι Μεγάλοι Κομνηνοί της Τραπεζούντας και του Πόντου. Ιστορική Επισκόπηση της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας του Μικρασιατικού Ελληνισμού (1204–1261)* [The Great Komnenoi of Trebizond and Pontus. Historical Review of the Byzantine Empire of the Asia Minor Hellenism (1204–1261)]. Athens, 2005. P. 28–37. Although not confirmed by the sources, I. Booth believes this was a small-scale skirmish against a recognition force of the army of Trebizond: *Booth I.* *Theodore Laskaris and Paphlagonia, 1204–1214: Towards a Chronological Description*. *Archeion Pontou*. 50. 2003–2004. P.163; *Booth I.* *The Sangarius Frontier: The History and Strategic Role of Paphlagonia in Byzantine Defence in the 13th Century*. *Byzantinische Forschungen*. 28. 2004. P. 62. In any case, we must accept that the opposing soldiers were few in number, so their confrontation would look like a battle between military detachments.
- [19] *Choniates*. History. P. 626; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 44–45; *Savvides*. *Byzantium in the Near East*. P. 61–62. *Gardner*. *Lascarids*. P. 75.
- [20] *Akropolites*. History. P. 12.
- [21] On Prousiada, see: *Foss C.* *Byzantine Malagina and the Lower Sangarius*. *Anatolian Studies*. 40. 1990. P. 174.
- [22] *Choniates*. History. P. 640; *Henri de Valenciennes*. *Histoire de l'Empereur Henri de Constantinople*, ed. J. Longnon. Paris, 1948. §551–554; *Longnon*, *Empire Latin*. P. 105.
- [23] *Villehardouin*. §454, §463.
- [24] *Villehardouin*. §463–471; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 69–71; *Gardner*. *Lascarids*. P. 77–78; *Ahrweiler H.* *Byzance et la Mer. La Marine de Guerre, la Politique et les Institutions Maritimes de Byzance aux VII–XVe Siècles*. Paris, 1966. P. 311.
- [25] *Villehardouin*. §476–479; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 71–72; *Ahrweiler*. *Byzance et la Mer*. P. 312.
- [26] *Villehardouin*. §480–481; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 72.
- [27] *Choniates*. History. P. 640–641; *Choniates*. *Orations and Letters*. P. 145–146; *Akropolites*. *History*. P. 18; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 73–75.
- [28] *Villehardouin*. §482–489; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 72–73; *Gardner*. *Lascarids*. P. 78; *Vasiliev*. *Foundation of Trebizond*. P. 23–24; *Savvides*. *Byzantium in the Near East*. P. 69. Analytical dating of the Nicaea-Trebizond conflicts between 1206 and 1207 in: *Gounarides P.* *Η Χρονολογία της Αναγορεύσεως και της Στέψης του Θεοδώρου Α' του Λασκάρως* [The Year of Nomination and Coronation of Theodore I Laskaris]. *Symmeikta*. 6. 1985. P. 60–65. I. Booth, ignoring Gounarides' analysis, considers that the campaign described by Henri de Valenciennes is different from the 1206 campaign described by Niketas Choniates. As a consequence he dates that in 1208

- following *Longnon*. Empire Latin. P. 105 and *Booth*. Laskaris and Paphlagonia. P. 158–190, 207–208.
- [29] *Choniates*. Orations and Letters. P. 139–141. References to Theodore I conflicts against the Latins and David are also found in some texts by Nicholas Mesarites, metropolitan of Ephesos, but we do not get information on the conduct of war, *Vasiliev A.A.* Mesarites as a Source. *Speculum*. 13. 1938. P. 180–182. Mesarite's information that Theodore Laskaris confronted his enemies in the open field rather than with deception and surprise: «...οὐκ αἰφνηδόν τε καὶ λαθρηδόν, ἀλλὰ σταδαίῳ καὶ ἀγχεμάχῳ...», should, on the basis of the other sources, be rejected, see Nicholas Mesarites, *Die Unionverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208*, ed. A. Heisenberg, *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion II*. in *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse* Jahrgang 1923, 2. Abhandlung. Munich, 1923 [repr. in: *Quellen und Studien zur spätbyzantinischen Geschichte*. London, 1973], P. 27. I would agree with Booth's view that this passage does not refer to the war of Theodore I-David, *Booth*. Laskaris and Paphlagonia. P. 181–182.
- [30] *Booth*. Laskaris and Paphlagonia. P. 168–169.
- [31] *Choniates*. History. P. 640–641.
- [32] *Choniates*. Orations and Letters. P. 135–136, 140–141. The victory against the Latin allies of David is described later in the encomium, *Choniates*. Orations and Letters. P. 145.
- [33] *Booth*. Laskaris and Paphlagonia. P. 169.
- [34] *Choniates*. History. P. 641: “οἱ δὲ καὶ ζωγροῦνται τοῖς περισχοῦσι τὰ ὄρη καὶ ταῖς προλελοχισμέναις ὑπὸ σφῶν περιπεσόντες ἐνέδραις, ὡς μηδὲ πυρφόρον ὑπολελείφθαι σχεδὸν τὸν τῷ Δαυιδ ἀπαγγελοῦντα τουτοῖ τὸ δυσπράγημα.”
- [35] *Valenciennes*. §532–544. *Longnon*. Empire Latin. P. 102–104.
- [36] *Prinzing* G. Der Brief Kaiser Heinrichs von Konstantinopel vom 13 Januar 1212. *Byzantion*. 43. 1973. P. 395–431, (text of the letter published in pages 411–418).
- [37] *Prinzing*. Der Brief Kaiser Heinrichs. P. 416.
- [38] *Prinzing*. Der Brief Kaiser Heinrichs. P. 415–417.
- [39] Akropolites' description of the difficulties faced by the besieged, who were forced to consume the skins of shields and saddles, is characteristic, *Akropolites*. History. P. 28–29. On the military operations of Henry, as described in the letter of January 1212, see: *Longnon*. Empire Latin. P. 126–128; *Longnon* J. La Campagne de Henri de Hainaut en Asie Mineure en 1211. *Bulletin de l'Academie royale de Belgique*. 34. 1948. P. 447–450. Also: *Meliarakes*. History of Nicaea. P. 87–92; *Gardner*. Lascarids. P. 83–85; *Lock*. Franks. P. 55–56.
- [40] *Longnon*. Empire Latin. P. 128. See also: *Van Tricht* F. The Latin Renovatio of Byzantium. The Empire of Constantinople (1204–1261). Leiden-Boston, 2011. P. 353–356, where a somewhat different chronology is proposed.
- [41] For the historiographical problems in the work of Akropolites, see: *Macrides* R. The Thirteenth Century in Byzantine Historical Writing in Porphyrogenita: Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of Julian Chrysostomides, eds. C. Dendrinos, J. Harris, E. Harvalia-Crook, J. Herrin. London, 2002. P. 72–76.
- [42] *Heisenberg* A. Kaiser Johannes Batatzes der Barmberzige. Ein mittelgriechische Legend. *Byzantische Zeitschrift*. 14. 1905. P. 222. While this description refers to the battle of Poimanenon, the author of the «Life of Saint John» has included it in the events concerning the Byzantine-Bulgarian alliance in Thrace. See relevant analysis in: *Langdon* J.S. The Forgotten Byzantino-Bulgarian Assault and Siege of Constantinople, 1235–1236, and the Breakup of the entente cordiale between John III Ducas Vatatzes and John Asen II in 1236 as Background to the Genesis of the Hohenstaufen-Vatatzes

- Alliance of 1242 in *Byzantine Studies in Honor of Milton V. Anastos*, ed. S. Vryonís, Jr. (Byzantina kai Metabyzantina 4). Malibu, 1985. P. 109. Also: *Van Tricht*. *Latin Renovatio*. P. 368–370.
- [43] *Akropolites*. *History*. P. 34–36; *Gregoras N*. *History*, ed. L. Schopen - I. Bekker, *Nicephori Gregorae Historiae Byzantinae*. 3 vols, (CSHB). Bonn, 1829–1855. 1:24–25; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 156–157. *Longnon*. *Empire Latin*. P. 161–162; *Gardner*. *Lascarids*. P. 118–119; *Langdon*. *J.S. John III Ducas Vatatzes' Byzantine Imperium in Anatolian Exile, 1222–1254: The Legacy of his Diplomatic, Military and Internal Program for the Restitutio Orbis*. Doctoral Dissertation. University of California, 1978. P. 68–73.
- [44] *Gregoras*. *History*. 1:28–30; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 158; *Langdon*. *Byzantine Imperium*. P. 73.
- [45] *Akropolites*. *History*. P. 38–41; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 236, 238–239; *Gardner*. *Lascarids*. P. 136–137; *Langdon*. *Byzantine Imperium*. P. 77–81; *Langdon*. *Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for and Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231*. New York, 1992. P. 5–7.
- [46] *Van Tricht*. *Latin Renovatio*. P. 377–387.
- [47] *Akropolites*. *History*. P. 41–43.
- [48] *Akropolites*. *History*. P. 47–48; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 263–264; *Longnon*. *Empire Latin*. P. 172; *Gardner*. *Lascarids*. P. 146–147; *Langdon*. *Byzantine Imperium*. P. 141–144.
- [49] For the analysis and the chronology of the events according to western sources, see: *Langdon*. *Byzantine Imperium*. P. 185–238; *Langdon*. *Forgotten Byzantino-Bulgarian Assault*. P. 105–135. Also: *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 270–274; *Gardner*. *Lascarids*. P. 149–151; *Longnon*. *Empire Latin*. P. 173; *Wolff R.L.* *The Latin Empire of Constantinople, 1204–1261*. In *A History of the Crusades*, ed. K. Setton, 5 vols. Wisconsin, 1969. 2:219. *Longnon J.* *The Frankish States in Greece, 1204–1311*. In *Setton, Crusades*. 2:24.
- [50] *Heisenberg*. *Kaiser Johannes Batatzes*. P. 222–224. This method was not unknown and was followed by the besieging armies during the Middle Ages. It is characteristic that a flight of warriors from Constantinople to the West was observed in 1236, but rather as a result of the Latin-Bulgarian approach, *Langdon*. *Forgotten Byzantino-Bulgarian Assault*. P. 117–118.
- [51] *Akropolites*. *History*. P. 54–57; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 282–284; *Longnon*. *Empire Latin*. P. 180; *Langdon*. *Byzantine Imperium*. P. 244–245.
- [52] For the events that led to the presence of the Cumans in Thrace, see: *Vásáry*. *Cumans & Tatars*. P. 63–66.
- [53] *Akropolites*. *History*. P. 57–59; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 337–339; *Gardner*. *Lascarids*. P. 152–153; *Longnon*. *Empire Latin*. P. 182–183; *Langdon*. *Byzantine Imperium*. P. 248.
- [54] *Akropolites*. *History*. P. 65; *Gregoras*. *History*, 1:36–37. The emperor is especially praised in rhetorical works of the time for the successful integration and installation of these capable warriors in the Byzantine territory. *Akropolites G. Funeral Oration* / ed. A. Heisenberg. *Georgii Acropolitae Opera*. Vol. 2. Leipzig, 1903 [repr. with corrections P. Wirth. Stuttgart, 1978], P.24; *Laskaris Th*. *Encomium*, ed. L. Tartaglia, *Theodorus Ducas Lascaris Opuscula Rhetorica*. Munich — Leipzig, 2000. P. 28; *Bartusis M.C.* *The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, 1992. P. 26–27; *Vásáry*. *Cumans & Tatars*. P. 67–68.
- [55] D. Nicol reports that some Nicaean generals considered unethical the assault on a defenseless state previously linked to an alliance with the empire, *Nicol D.M.* *The Despotate of Epiros*. Oxford, 1957. P. 145.
- [56] *Akropolites*. *History*. P. 72–79; *Meliarakes*. *History of Nicaea*. P. 365–370; *Gardner*. *Lascarids*. P. 182–185; *Nicol*. *Despotate I*. P. 144–146.

- [57] *Laskaris*. Encomium. P. 29; *Akropolites*. Funeral Oration. P. 18.
- [58] Perhaps at this point, with the term «helepolis», Akropolites means a siege tower and not a trebuchet since he distinguishes it from the “wall-destroying machines” («...μηχανήματα καταβλητικά τῶν ἐπάλλεων...»), *Akropolites*. History. P. 85.
- [59] *Skoutariotes* T. Chronicle, ed. C. Sathas, Medieval Library, vol. 7. Paris-Venice, 1894. P. 498–499. «Manganotzagra» was a type of crossbow whose arming was achieved using a pulley. See: *Serdon* V. *Armes du Diable. Arcs et Arbalètes au Moyen Âge*. Rennes, 2005. P. 36–37.
- [60] *Akropolites*. History. P. 85; *Meliarakes*. History of Nicaea. P. 378–379; *Gardner*. *Lascarids*. P. 186–187.
- [61] *Akropolites*. History. P. 86–88; *Meliarakes*. History of Nicaea. P. 381–384; *Longnon*. *Empire Latin*. P. 219.
- [62] *Akropolites*. History. P. 107–109.
- [63] On the byzantine-bulgarian war of 1254–1258, see: *Meliarakes*. History of Nicaea. P. 423–433, 446–448; *Pappadopoulos* J.B. Théodore II Laskaris, Empereur de Nicée. Paris, 1908. P. 69–78, 90–92; *Gardner*. *Lascarids*. P.211–219. Since an analysis on the operations has been published in *Kanellopoulos N., Lekea I.* The struggle between the Nicaean Empire and the Bulgarian State (1254–1256): towards a revival of Byzantine war tactics under Theodore II Laskaris. *Journal of Medieval Military History*. 5. 2006. P. 56–69, we will not discuss them further here.
- [64] See the comments by Choniates about the byzantine troops disorganization and poor armament in the battle of Arkadiopolis, *Choniates*. History. P. 614.
- [65] See for example *Van Tricht*. *Latin Renovatio*. P. 364–367.
- [66] *Choniates*. *Orations and Letters*. P. 128, 175.
- [67] *Choniates* M. *Letters*, ed. Foteini Kolovou, *Michaelis Choniatae Epistulae*, CFHB 41. Berlin, 2001. P. 122–124.
- [68] See: *Angelov* D. *Imperial Ideology & Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge, 2007. P. 98–102, 114. Also: *Kanellopoulos N., Lekea I.* Justification of War in Thirteenth Century Byzantium: Tracing down the Latin Influence. In eds. Nevra Necipoglu, Engin Akyürek, Ayla Ödekan, *First International Sevgi Gonul Byzantine Studies Symposium proceedings*. Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Istanbul, 2010. P. 39–44.
- [69] *Regesta Honorii Papae III*, ed. Peter Pressutti. 2 vols. Rome, 1888–1895, 2:83 (n° 4059); *Van Tricht*. *Latin Renovatio*. P. 380.
- [70] *Van Tricht*. *Latin Renovatio*. P. 96–99, 380, 383–384, 390.
- [71] «Toutes ces gens ke vous veés ichi ne croient Diu ne sa poisance», *Valenciennes*. §538.
- [72] *Van Tricht*. *Latin Renovatio*. P. 428.
- [73] *Gregoras*. History, 1:116. John VI Kantakouzenos (1347–1354) attested that the Byzantines did not enslave the Christian captives, *Kantakouzenos* J. History, ed. L. Schopen, *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV*. 3 vols., CSHB. Bonn, 1831–1832. 1:497.

REFERENCES

1. *Ahrweiler H.* Byzance et la Mer. La Marine de Guerre, la Politique et les Institutions Maritimes de Byzance aux VII–XVe Siècles. Paris, 1966.
2. *Akropolites G.* Funeral Oration / ed. A. Heisenberg. *Georgii Acropolitae Opera*. Vol. 2. Leipzig, 1903 [repr. with corrections P. Wirth. Stuttgart, 1978].
3. *Akropolites G.* History / ed. A. Heisenberg. *Georgii Acropolitae Opera*. Vol. 1. Leipzig, 1903 [repr. with corrections P. Wirth. Stuttgart, 1978].
4. *Macrides R.* (trans. and commentary). *George Akropolites The History*. Oxford, 2007.
5. *Angelov D.* Imperial Ideology & Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2007
6. *Bartusis M.C.* The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992.
7. *Booth I.* The Sangarios Frontier: The History and Strategic Role of Paphlagonia in Byzantine Defence in the 13th Century. *Byzantinische Forschungen*. 28. 2004. P. 45–86.
8. *Booth I.* Theodore Laskaris and Paphlagonia, 1204–1214: Towards a Chronological Description. *Archeion Pontou*. 50. 2003–2004. P. 151–224.
9. *Carile A.* Per una Storia dell' Impero Latino di Costantinopoli (1204–1261). Bologna, 1972.
10. *Cheyne J-C.* Pouvoir et Contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990.
11. *Choniates M.* Letters / ed. Foteini Kolovou. *Michaelis Choniatae Epistulae*. CFHB 41. Berlin, 2001.
12. *Choniates N.* History /ed. J.L. van Dieten. *Nicetae Choniatae Historia*. CFHB 11. Berlin, 1975.
13. *Choniates N.* Orations and Letters /ed. J.L. van Dieten. *Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae*. CFHB 3. Berlin — New York, 1972.
14. *Foss C.* Byzantine Malagina and the Lower Sangarius. *Anatolian Studies*. 40. 1990. P. 161–183.
15. *Gardner A.* The Lascarids of Nicaea, the Story of an Empire in Exile. London, 1912.
16. *Gounarides P.* Η Χρονολογία της Αναγορεύσεως και της Στέψης του Θεοδώρου Α' του Λασκάρως [The Year of Nomination and Coronation of Theodore I Laskaris]. *Symmeikta*. 6. 1985. P. 59–71.

17. *Gounarides P.* Οι Πολιτικές Προϋποθέσεις για την Αντίσταση στους Λατίνους το 1204 [The Political Conditions for Resistance to the Latins in 1204]. *Symmeikta*. 5. 1983. P. 143–160.
18. *Gregoras N.* History / ed. L. Schopen, I. Bekker. *Nicephori Gregorae Historiae Byzantinae*. 3 vols. CSHB. Bonn, 1829–1855.
19. *Heisenberg A.* Kaiser Johannes Batatzes der Barmherzige. Ein mittelgriechische Legend. *Byzantische Zeitschrift*. 14. 1905. P. 160–233.
20. *Kanellopoulos N., Lekea I.* Justification of War in Thirteenth Century Byzantium: Tracing down the Latin Influence” in eds. Nevra Necipoglu, Engin Akyürek, Ayla Ödekan. *First International Sevgi Gonul Byzantine Studies Symposium proceedings. Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Istanbul, 2010. P. 39–44.
21. *Kanellopoulos N., Lekea I.* The struggle between the Nicaean Empire and the Bulgarian State (1254–1256): towards a revival of Byzantine war tactics under Theodore II Lascaris. *Journal of Medieval Military History*. 5. 2006. P. 56–69.
22. *Kantakouzenos J.* History / ed. L. Schopen. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV*. 3 vols. CSHB. Bonn, 1831–1832.
23. *Krantonelli A.* Η κατά των Λατίνων Ελληνοβουλγαρική Σύμπραξις εν Θράκη 1204–1206 [The Greek-Bulgarian alliance against Latins in Thrace 1204–1206]. Athens, 1964.
24. *Langdon J.S.* John III Ducas Vatatzes’ Byzantine Imperium in Anatolian Exile, 1222–54: The Legacy of his Diplomatic, Military and Internal Program for the Restitutio Orbis. Doctoral Dissertation. University of California, 1978.
25. *Langdon J.S.* The Forgotten Byzantino-Bulgarian Assault and Siege of Constantinople, 1235–1236, and the Breakup of the entente cordiale between John III Ducas Vatatzes and John Asen II in 1236 as Background to the Genesis of the Hohenstaufen-Vatatzes Alliance of 1242. *Byzantine Studies in Honor of Milton V. Anastos* / ed. S. Vryonís, Jr. (*Byzantina kai Metabyzantina* 4). Malibu, 1985. P. 105–135.
26. *Langdon S.* Byzantium’s Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for and Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes’ Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. New York, 1992.
27. *Laskaris T.* Encomium / ed. L. Tartaglia. *Theodorus Ducas Lascaris Opuscula Rhetorica*. Munich — Leipzig, 2000.
28. *Lock P.* The Franks in the Aegean 1204–1500. New York, 1995.
29. *Longnon J.* L’empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. Paris, 1949.

30. *Longnon J.* La Campagne de Henri de Hainaut en Asie Mineure en 1211. *Bulletin de l'Academie royale de Belgique.* 34. 1948. P. 442–452.
31. *Longnon J.* The Frankish States in Greece, 1204–1311. In: K. Setton (ed.). *A History of the Crusades.* 5 vols. Wisconsin, 1969.
32. *Macrides R.* The Thirteenth Century in Byzantine Historical Writing. *Porphyrogenita: Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of Julian Chrysostomides* / eds. C. Dendrinos, J. Harris, E. Harvalia-Crook, J. Herrin. London, 2002. P. 63–76.
33. *Meliarakes A.* Ιστορία του Βασιλείου της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ηπείρου (1204–1261) [History of the Kingdom of Nicaea and the Despotate of Epiros (1204–1261)]. Athens, 1898.
34. *Mesarites N.* Die Unionverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208 / ed. A. Heisenberg. *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion II.* in *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse Jahrgang. 1923.* 2. Abhandlung. Munich, 1923 [repr. in: *Quellen und Studien zur spätbyzantinischen Geschichte.* London, 1973].
35. *Mitchell R.* Light Cavalry, Heavy Cavalry, Horse Archers, Oh My! What Abstract Definitions Don't Tell Us About 1205 Adrianople. *Journal of Medieval Military History.* 6. 2008. P. 95–118.
36. *Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. Oxford, 1957.
37. *Pappadopoulos J.B.* Théodore II Lascaris, Empereur de Nicée. Paris, 1908.
38. *Prinzing G.* Der Brief Kaiser Heinrichs von Konstantinopel vom 13 Januar 1212. *Byzantion.* 43. 1973. P. 395–431.
39. *Regesta Honorii Papae III* / ed. Peter Pressutti. 2 vols. Rome, 1888–1895. 2:83 (n° 4059).
40. *Savvides A.G.C.* Byzantium in the Near East: its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols, A.D. c. 1192–1237. Thessaloniki, 1981.
41. *Savvides A.G.C.* Οι Μεγάλοι Κομνηνοί της Τραπεζούντας και του Πόντου. Ιστορική Επισκόπηση της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας του Μικρασιατικού Ελληνισμού (1204–1261) [The Great Komnenoi of Trebizond and Pontus. Historical Review of the Byzantine Empire of the Asia Minor Hellenism (1204–1261)]. Athens, 2005.
42. *Serdon V.* *Armes du Diable. Arcs et Arbalètes au Moyen Âge.* Rennes, 2005.
43. *Skoutariotes T.* *Chronicle* / ed. C. Sathas. *Medieval Library.* Vol. 7. Paris-Venice, 1894.

44. *Valenciennes H.* Histoire de l'Empereur Henri de Constantinople / ed. J. Longnon. Paris, 1948.
45. *Van Tricht F.* The Latin Renovatio of Byzantium. The Empire of Constantinople (1204–1261). Leiden-Boston, 2011.
46. *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.
47. *Vasiliev A.A.* Mesarites as a Source. *Speculum*. 13 .1938. P. 180–182.
48. *Vasiliev A.A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222). *Speculum*. 11. 1936. P. 3–37.
49. *Villehardouin G.* La Conquête de Constantinople / ed. E. Faral. Vol. 2. Paris, 1939.
50. *Vlachos Th.* Kaloyan plündert Thrakien und Makedonien. *Byzantina*. 2. 1970. P. 269–283.
51. *Wolff R.L.* The Latin Empire of Constantinople, 1204–1261. In: K. Setton (ed.). *A History of the Crusades*. 5 vols. Wisconsin, 1969.

Keywords:

Empire of Nicaea, Latin Empire of Constantinople, warfare.

Николас Канеллопулос

ГРЕКИ, БОЛГАРЫ И ЛАТИНЯНЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ РАННЕГО XIII ВЕКА ВО ФРАКИИ И МАЛОЙ АЗИИ

В статье рассматриваются и анализируются вооруженные конфликты во Фракии и Малой Азии между ромеями, болгарами и Латинской империей Константинополя в первые десятилетия, последовавшие за Четвертым крестовым походом.

Конфликты эти принимали форму открытых сражений, рейдов и осад, причем все эти формы сопровождалось заключением и разрывом союзов, призванных эксплуатировать слабость другой стороны. В заключении кратко рассматриваются роли идеологии и религии в указанных конфликтах.

Ключевые слова: Никейская империя, Латинская империя Константинополя, война.

Николас С. Канеллопулос — доктор исторических наук, адъюнкт-профессор средневековой истории, Греческая Военная академия (Отдел военных наук).

 Kanellopoulos Nikolaos S.

PhD, Assistant Professor of Military History, Hellenic Military Academy
(Military Sciences Department).

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.004

С.В. Близнюк

ЛАТИНСКИЙ ЭЛЛИНИЗМ И ГРЕЧЕСКИЙ ЛАТИНИЗМ В КОРОЛЕВСТВЕ КИПР XIV—XVI вв.

Королевство Кипр — королевство крестоносцев, основанное представителями западноевропейской культуры на греко-византийской земле в 1192 г. Изначально латиняне-завоеватели должны были стать здесь чужаками, вторгшимися в этот византийский / «ромейский» мир со своими варварскими социальными институтами, порядками, обычаями, правом, наконец, верой. Завоеватели уничтожили «гордость ромеев», и их судьба, их земля, их «королевство» отвернулись от них¹. Так в конце XIV — начале XV в. оценивал сложившуюся ситуацию на Кипре хронист Леонтий Махера. Изначально местное население воспринимало латинян не иначе как «наказание», посланное киприотам за грехи². Неудивительно, что в течение долгого времени новая власть опасалась восстания местного населения и помощи ему со стороны византийского императора³.

¹ *Machairas L. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle* / Ed. R.M.Dawkins. Oxford, 1932. Vol. I. § 27, 99; Близнюк С.В. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр». М., 2018. § 27, 99.

² Леонтий Махера выстраивает в своей хронике «теорию греха». См. подробнее: Близнюк С.В. Леонтий Махера... С. 19–20.

³ *Machairas L.* § 22, 27; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 22, 27. С. 55, 58.

Должно было пройти немало времени, чтобы ненависть, отторжение чужого, недоверие сменились, по крайней мере, движением навстречу друг другу, толерантностью, этнокультурным диалогом, а впоследствии взаимодействием и взаимовлиянием, на основе которых сложится новая кипро-levantийская или греко-латинская культура. Должно было пройти время, чтобы завоеватели «из наказания» превратились в «прекрасных и добрых людей, которые приходили с Запада»⁴, чтобы греки-киприоты неразрывно связывали историю Кипрского королевства не только с Византией, но и с крестоносным Иерусалимским государством. Должно было пройти время, чтобы латинские и греческие элементы взаимно проявились в оформлении жизни, городского пространства, в архитектуре, искусстве, языке и особенно в менталитете завоевателей и завоеванных, чтобы чужие стали своими, а чужое стало, по крайней мере, не чуждым. Мы ни в коей мере не ставим перед собой задачу исследовать влияние западных традиций на греческую архитектуру или искусство Кипра. Эти проблемы плодотворно изучались и продолжают изучаться коллегами-искусствоведами, которые выявляют и прослеживают многочисленные и многообразные западноевропейские и византийские тенденции в кипрском искусстве XIII–XIV вв.⁵ Для нас в первую очередь важно понять механизмы формирования кипрского менталитета, получения греко-латинской социокультурной амальгамы в кипрском обществе. Наиболее важными критериями для изучения самоидентификации разных этнических групп, процессов ассимиляции или проявления различий и

⁴ *Machairas* L. § 79; *Близнюк* С.В. Леонтий Махера... § 79.

⁵ *Enlart* C. *Art gothique et la Renaissance en Chypre*. Paris, 1898–1899; *Mango* C. *Chypre, Carrefour du monde byzantine // Mango* C. *Byzantium and its Image: History and Culture in the Byzantine Empire and its Heritage*. London: Aldershot, 1976. N. XVIII; *Weyl Carr* A. *Art in the Court of the Lusignan Kings // Crusades* / Ed. A. Jotischky. London-New York: Routledge, 2008. Vol. IV. P. 302–338; *Weyl Carr* A. *Byzantines and Italians on Cyprus: Images from Art // Dumbarton Oaks Papers*. 1995 (49). P. 339–357; *Christoforaki* I. *East is East and West is West? Artistic Interchange across Frontiers in the Eastern Mediterranean // Cross-Cultural Interaction between Byzantium and the West, 1204–1669* / Ed. A. Lymberopoulou. London, New-York, 2018. P. 152–172; *Olympios* M. *Building the Sacred in a Crusader Kingdom. Gothic Church Architecture in Lusignan Cyprus, c. 1209–1373*. Brepols Publ., 2018; *Olympios* M., *Parani* M. *The Art and Archaeology of Lusignan and Venetian Cyprus (1192–1571)*. Brepols publ., 2019; *Cyprus. Society and Culture* / Ed. A. Nicolau-Konnari, Ch. Schabel. Nicosia, 2005. P. 285–328; *Soulard* T. *L'architecture gothique du royaume des Lusignan: les cathédrales de Famagouste et Nicosie // Identités croisées en un milieu méditerranéen: Le cas de Chypre* / Ed. S. Fourrier, G. Grivaud. Univ. de Rouen et du Havre, 2006. P. 355–371; *Schryver* J. *Monuments of Identity: Latin, Frank, Greek or Cypriot? // Identités croisées en un milieu méditerranéen: Le cas de Chypre (antiquité — Moyen Âge)* / Ed. S. Fourrier, G. Grivaud. Univ. de Rouen et du Havre, 2006. P. 385–396.

отторжения друг друга являются язык и религия, в которых прежде всего проявляются культурное взаимодействие и культурный обмен⁶. Ответ на данный вопрос также невозможен без исследования политических и социально-экономических процессов развития государства, которые неизбежно влекли за собой необходимость диалога между различными этническими группами населения и, как следствие, формирование новой социокультурной общности Кипра.

Вплоть до середины XIV в. греко-латинский диалог был практически невозможен. Короли Кипра ограничивали доступ местных греков на международный рынок, ограничивали участие греков в социально-политической жизни королевства. Еще в начале XIII в. все иерархи греко-православной церкви по приказу короля были выведены за пределы крупных городов и могли проживать только в отдаленных сельских районах⁷. Подобные меры предосторожности со стороны новых кипрских правителей являются яркой демонстрацией недоверия власти к грекам и обособленности двух общин друг от друга. До середины XIV в. не приходится говорить о допуске греков-киприотов к королевской службе. Особенность Кипра состояла еще и в том, что после завоевания острова Ричардом Львиное Сердце вся немногочисленная прежняя византийская знать его покинула⁸. У новых властителей острова, таким образом, не было необходимости выстраивать диалог с византийскими архонтами, как это было, например, в Морее. Греки-киприоты, оставшиеся на острове, по своему происхождению

⁶ *Nicolaou-Konnari A. Alterity and Identity in Lusignan Cyprus from ca. 1350 to ca. 1450: the testimonies of Philippe de Mezieres and Leontios Makheiras // Identity/Identities in Late Medieval Cyprus / Ed. T. Papacostas, G. Saint-Guillain. Nicosia, 2014. P. 38; Nicolaou-Konnari A. Ethnic Names and the Construction of Group Identity in Medieval and Early Modern Cyprus: the Case of ΚΥΠΡΙΩΤΗΣ // Κυπριακά Σπουδαί. Vol. 64–65. 2000–2001. P. 259–275.*

⁷ *Близнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373). М., 1994; Близнюк С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М., 2016. С. 440, 442, 573–575; Близнюк С.В. Кипрская православная церковь [Кипрская Православная Церковь в период правления Лузиньянов и венецианцев] // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 34. С. 21–25; Cyprus. Society... P. 15–16; Coureas N. The Latin Church in Cyprus, 1195–1312. Aldershot-Brookfield, Vermont, 1997; Schabel Ch. The Myth of Queen Alice and the Subjugation of the Greek Clergy of Cyprus // Identités croisées en un milieu méditerranéen: Le cas de Chypre / Ed. S. Fourrier, G. Grivaude. Univ. de Rouen et du Havre, 2006. P. 257–277; Lemesos: A History of Limassol in Cyprus from Antiquity to the Ottoman Conquest / Ed. A. Nocolau-Konnari, Ch. Schabel. Cambridge, 2015. P. 217–218.*

⁸ *Cyprus: Society... P. 18–20; Nicolaou-Konnari A. Alterity... P. 40; Lemesos: A History of Limassol in Cyprus... P. 197.*

были либо горожанами, либо в массе своей крестьянами — податным зависимым населением, с которым вести какие-либо переговоры просто не считали нужным.

Ситуация начинает меняться во время правления Пьера I Лузиньяна (1359–1369), нуждавшегося в деньгах и живой силе для проведения крестовых походов⁹. Естественно, основное бремя расходов на войну легло прежде всего на податное греко-кипрское население. Но именно это обстоятельство, как ни странно, позволило некоторым греческим семьям продвинуться вверх по социальной лестнице. Для сбора большой суммы денег, предназначенной на военные нужды короля, по всему острову была объявлена возможность единовременного выкупа себя и своей семьи от подушной подати и, соответственно, зависимости. Среди податного населения, которое на Кипре называли «перпериариями» или пренебрежительно «париками» или сервами, т.е. неполноправными, были не только греческие крестьяне, но, по свидетельству Леонтия Махеры, и горожане. Королю тогда удалось собрать большую сумму денег¹⁰. Следовательно, многие получили не только личную свободу, но и свободу действий, предпринимательства, возможность выхода на рынок и накопления капитала. Наверное, не случайно вскоре после крестоносной кампании Пьера I Лузиньяна в Фамагусте поднимается греческая община — уже достаточно сильная экономически и достаточно свободная и независимая политически. Она громко заявила о себе, начав строительство православного собора Святого Георгия в непосредственной близости от латинского собора Святого Николая. Собор строился на деньги богатых греческих купцов и судовладельцев. По своим размерам и богатству он был призван затмить «латинянина», подчеркнув при этом принадлежность кипрской православной церкви к византийскому миру¹¹. Второй фактор, который указывает на усиление греческой общины в Фамагусте, состоит в том, что в городе постоянно находится православный епископ Карпаси / Фамагусты,

⁹ О крестоносной политике Пьера I Лузиньяна и библиографию см. подробнее в: *Близнюк С.В.* Королевство крестоносцев... С. 131–173; *Bliznyuk S.V.* The Crusaders of the Later Middle Ages. The King of Cyprus Peter I Lusignan // *The Crusades and the Military Orders: Expanding the frontiers of medieval latin christianity.* Budapest, 2001. P. 51–57.

¹⁰ *Machairas L.* § 157, 215; *Близнюк С.В.* Леонтий Махера... § 157, 215; *Strambaldi D.* Chronique de Chypre / Publ. R. Mas-Latrie // *Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Histoire politique.* Paris, 1893. P. 414; *Близнюк С.В.* Королевство Кипр... С. 164.

¹¹ *Cyprus: Society...* P. 318; *Soulard T.* L'architecture gothique... P. 356–358.

Греческий собор Святого Георгия. Фамагуста. *Современное фото*

хотя, согласно королевским указам XIII в., въезд туда ему был запрещен¹². При этом каких-либо конфликтов на этнической почве в Фамагусте не происходило. Следовательно, соседство греков и латинян, соседство их церквей становится нормой жизни в городе. Городская среда Фамагусты скорее объединяла, чем разъединяла население города. Приблизительно такое же толерантное отношение к представителям других этносов постепенно складывается и в других городах Кипра¹³. Однако в данном случае речь идет, прежде всего, о торгово-ремесленном населении острова, более мобильном, более прагматичном, более готовом к интеграции. Латинская знать, напротив, долгое время была обособленна, наглухо закрыта, отделена от всего остального населения острова и не допускала в свою среду «чужаков».

Преодолению страхов и комплексов со стороны франков по отношению к грекам-киприотам во многом способствовала кипро-генуэзская война 1373–1374 гг., ставшая водоразделом в истории Кипрского королевства, коренным образом изменившая не только политическую и экономическую ситуацию на острове, но и социоэтнические отношения. Перед лицом внешней опасности все население острова вынуждено было сплотиться. Все подданные короля, независимо от вероисповедания, этнического или социального происхождения, почувствовали себя киприотами. Во время войны диалог между этносами и социальными группами

¹² Coureas N. The Latin Church in Cyprus. 1313–1378. Nicosia, 2010. P. 449; Kyrris C. History of Cyprus. With an introduction to the Geography of Cyprus. Nicosia, 1985. P. 228–229; Близнюк С.В. Королевство Кипр... С. 440.

¹³ Lemesos: A History of Limassol in Cyprus... P. 244–248.

Кипра стал в разы интенсивнее. В хронике Махеры встречается множество примеров о службе греков при дворе в период войны и после нее, о доверии к грекам, поручении им самых важных дел и секретных документов, о их службе в армии. Война стала своеобразным мостом, соединившим две основные общины Кипра: латинскую и греческую. И дело не только в том, что латиняне стали (или были вынуждены) больше доверять грекам и пользоваться их услугами. Дело в том, что сама латинская знать после войны нуждалась в поддержке и пополнении. Согласно мирному договору, подписанному между сторонами в 1374 г., в Геную в качестве заложников по разным оценкам отправились от 60 до 75 человек¹⁴. Все они были представителями франкских кипрских семей, включая королевский род Лузиньянов. Назад в 1380-е гг. возвратились далеко не все. Ситуация еще более усугубилась после кипро-египетской войны 1426 г. Некоторые знатные франко-кипрские роды просто перестали существовать¹⁵. Политическая борьба при дворе, нередко приводившая к заговорам и убийствам, приносила лишь дополнительные проблемы. В связи с оскудением людьми франкская знать начала пополнять свои ряды за счет местных жителей из числа богатых купеческих фамилий. Процесс аноблирования некоторых местных родов становится заметным при Жаке I Лузиньяне (1382–1398)

¹⁴ Liber Jurium Republicae Genuensis. II. Col. 806–815 // НРМ. IX. Torino, 1857; *Gongora L.* Real grandeza de la Serenissima Republica di Genova. Madrid, 1665; *Sperone C.* Real grandezza della Serenissima Repubblica di Genova. Genova, 1669. P. 100–109; *Lisciandrelli P.* Trattati e negoziazioni politiche della Repubblica di Genova // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1960. P. 125–126, n. 639; *Hill G.* History of Cyprus. Cambridge, 1948. Vol. II. P. 414–415; *Richard J.* La situation juridique de Famagouste dans le royaume des Lusignans // Πράκτικα του Α' Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Nicosia, 1972. Vol. II. P. 225–226; *Bliznyuk S.V.* Il prezzo delle guerre dei re di Cipro (XIV–XV secc.) // Südost-Forschungen 2000/2001 (59/60). P. 104–105; *Otten-Froux C.* Les relations politico-financières de Gênes avec le royaume des Lusignan (1374–1460) // Coloniser au Moyen Âge / Publ. par M.A. Ducellier. Paris, 1995. P. 61–64; *Otten-Froux C.* Quelques aspects de la justice à Famagouste pendant la période génoise // Πράκτικα του Τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Nicosia, 2001. Vol. II. P. 334; *Machairas L.* § 542; *Amadi F.* Chronique de Chypre / Publ. R. Mas-Latrie. Paris 1891 (Repr. Amadi F. Cronaca di Cipro / Introduzione di S. Beraud. Nicosia, 1999). P. 475; *Bustron F.* Chronique de l'île de Chypre / Publ. par R. Mas-Latrie. Paris, 1886 (Repr. Bustron. F. Historia ovvero commentarii de Cipro. Nicosia, 1998). P. 334; *Strambaldi D.* Chronique... P. 229–230; *Stellae G.* et I. Annales Genuenses / A cura di G. Petti-Balbi // Rerum Italicarum scriptores. Bologna. 1975. Vol. XVII. Parte 2. P. 168; *Hill G.* History of Cyprus. Vol. II. P. 411; *Mas Latrie L.* Nouvelles preuves d'histoire de Chypre // BEC 1873. Vol. XXXIV. P. 80–84; *Близнюк С.В.* Королевство Кипр... С. 297–298.

¹⁵ *Rudt de Collenberg W.H.* The Fate of Frankish Noble Families Settled in Cyprus // Crusade and Settlement / Ed. P. Edbury. Cardiff, 1985. P. 269–270; *Arbel B.* The Cypriot Nobility from the Fourteenth to the Sixteenth Century: A New Interpretation // Idem. Cyprus, the Franks and Venice, 13th–16th Centuries. London: VR, 2000. VI. P. 182–185.

и особенно быстрым при короле Янусе (1398–1432). После возвращения Жака I из генуэзского плена политическая обстановка в королевстве складывалась не всегда в его пользу. Далеко не все члены королевского Совета готовы были признать его право на престол¹⁶. Новый король был вынужден искать поддержки не столько среди рыцарства и членов королевского Совета, сколько в другой, казалось бы, чуждой ему среде — среди горожан. Поскольку рыцари служили, когда хотели, говорит Махера, король «выбрал детей горожан и сделал их своими слугами»¹⁷. Как будто в подтверждение данного тезиса Махера рассказывает об удивительной судьбе одного ромея по имени Томас Барех, который был горожанином, а в конце правления Пьера II Лузиньяна стал «латинским рыцарем» и членом королевского Совета¹⁸. Таким образом, после двух опустошительных и проигранных Кипром войн 1373–1374 и 1426 гг. возможность проникновения в среду господствующего класса Кипра для автохтонных киприотов упростилась. Вход в латинскую господствующую элиту оказался приоткрытым снизу.

Это, однако, не означает, что в одночасье были преодолены все этнокультурные и социальные различия между группами киприотов. Проникновение греков, равно как и представителей других местных этносов, в среду латинской знати, как представляется, начинается на уровне личных отношений между людьми, на уровне личного доверия короля и латинского нобилитета к представителям другого этноса, на уровне восприятия чужого языка, а затем уже оформляется на социальном, юридическом и политическом уровнях.

Первые греки, которые появились при дворе, были представителями греко-кипрской интеллектуальной элиты. Первым королем, который проявил большой интерес к византийской и арабской культуре, был Гуго IV Лузиньян. Поначалу все ограничивалось интеллектуальными беседами, дискуссиями, контактами с византийскими антипаламитами¹⁹.

Первый пример настоящего греко-латинского сотрудничества дает семья кипрского хрониста Леонтия Махеры. Первым греком-киприотом, которого нам удалось обнаружить в свите и в крестоносной армии короля Пьера I Лузиньяна, был Павел Махера, старший брат хрониста. В 1360 г. он, будучи еще совсем молодым человеком, сопровождал в качестве оруженосца (βαχλιώτης) своего господина Галио де Дампьера на Запад. Они

¹⁶ *Machairas L.* § 603–610; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 603–610.

¹⁷ *Machairas L.* § 97; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 97.

¹⁸ *Machairas L.* § 599, 607; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 599, 607.

¹⁹ Близнюк С.В. Гуго IV Лузиньян — новый крестоносец «нового» средневековья // Византийский временник Т. 72 (97) 2013. С. 125–146; *Cyprus. Society...* P. 211.

Герб Жана де Лузиньяна, князя Антиохийского. Церковь Тимиу Ставру (Пелендри).
 Фото С.П. Брюна

были посланы королем в Италию для набора крестоносцев в кипрскую армию²⁰. В конце правления короля Пьера II (1369–1382) Павел Махера был секретарем и вассалом виконта Никосии Жана де Невиля²¹. Все старшие братья Леонтия Махеры были непосредственными участниками кипро-генуэзской войны 1373–1374 гг. Николай тогда прославился как воин, виртуозно владевший луком. В период правления короля Януса он находился на службе у одного из самых знатных и влиятельных людей королевства Жана де Нореса и являлся секретарем последнего²². Там же некоторое время служил и Леонтий Махера. Впоследствии Леонтий перейдет на службу к королю и сделает блестящую карьеру при дворе²³. Важно замечание хрониста, что Жан де Норес являлся другом другого брата Леонтия Махеры Петра, который служил непосредственно королю и, судя по всему, пользовался его большим доверием. Он участвовал в военной кампании короля, пытавшегося отвоевать у генуэзцев Фамагусту в 1401 г.²⁴ Он командовал военным отрядом во время кипро-египетской войны 1426 г. Он участвовал в подавлении крестьянского восстания на Кипре в 1427 г.²⁵ Племянник Леонтия Махеры также находился на королевской службе и занимал весь-

²⁰ *Machairas L.* § 110; *Близнюк С.В.* Леонтий Махера ... § 110. С. 113–114.

²¹ *Machairas L.* § 612; *Близнюк С.В.* Леонтий Махера ... § 612. С. 404.

²² *Machairas L.* § 631; *Близнюк С.В.* Леонтий Махера ... § 631. С. 415.

²³ См. подробнее: *Близнюк С.В.* Леонтий Махера ... С. 12–14.

²⁴ *Machairas L.* § 430, 431; *Близнюк С.В.* Леонтий Махера... § 430, 431.

²⁵ *Machairas L.* § 698; *Близнюк С.В.* Леонтий Махера... § 698.

ма высокую должность байло Секрета Кипра (κουβερνοῦρης τῆς Κύπρου). В 1402 г. ему было поручено вести переговоры от имени короля Януса с губернатором Генуи маршалом Бусико²⁶. Весьма известным человеком в королевстве во времена Жака I стал и отец Махеры, к мнению которого, по словам хрониста, прислушивались сам король и члены его Совета²⁷. А двоюродный брат отца хрониста Филипп удостоился чести быть доверенным лицом короля Пьера II. Все члены рода Махеры, кроме Филиппа, принявшего католицизм, остались верны православию. Таким образом, каждый представитель рода Махеры, независимо от конфессиональной принадлежности, делает неплохую военную и придворную карьеру. Заметим, что ни самого хрониста, ни его родственников совсем не смущает, что они участвуют в крестовых походах, теоретически абсолютно чуждых православному миру, или что они служат латинским сеньорам или королю, теоретически врагам и завоевателям. Королевская или сеньориальная служба, участие в королевской военной экспедиции, защита не только своей земли, но и личности короля воспринимаются как норма, совершенно не противоречащая православно-византийской традиции и идеологии. Крестовые походы Пьера I Лузиньяна воспринимаются не иначе как героические и, что самое важное, справедливые и необходимые войны. Переход в католицизм одного из родственников семьи тоже не осуждается. Наоборот, подчеркивается его особое положение при дворе, что вызывает чувство гордости за всю семью. Служба королю, в том числе и в армии крестоносцев, не повод для отказа от своей греко-византийской идентичности. Члены семьи Махеры вполне органично встроились в латинскую социально-политическую систему. То есть к середине XIV в. завоеватели стали «своими», почти такими же киприотами, как и члены рода Махеры.

Однако «почти» не означает полностью. Леонтий Махера и большинство его родственников принимают власть латинян, служат королям или латинским кипрским сеньорам, восхищаются их военными подвигами, тяжело переживают поражения, стремятся сделать личную политико-административную или военную карьеру в королевстве. Следовательно, явно прослеживается тенденция греков объединиться с латинянами, влиться в их социальные и административные структуры, но при этом не слиться с ними, не раствориться среди них. Этническое происхождение знати, действительно, перестает играть первостепенную роль. Сами латиняне постепенно начинают допускать греков в свои ряды поначалу на уровне секре-

²⁶ Machairas L. § 633; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 633.

²⁷ Machairas L. § 608; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 608.

Ктиторские портреты пресвитера Василия и неизвестного молящегося
 из церкви Тимиу Ставру. Пелендри

тарей, переводчиков, оруженосцев, слуг. Простых греков, служивших при дворе, в хронике Махеры встречается немало. В то же время большинство греков остаются православными и хранят память о своей византийской (ромейской) идентичности. Симпатии Леонтия Махеры всегда остаются на стороне ромеев. Он горд за свою ромейскую землю, свою ромейскую историю и культуру, за ромейские чудотворные реликвии, за ромейский язык и ромейскую веру. История его «сладкой» земли не случайно начинается от времени правления императора Константина, с повествования о находках христианских святынь матерью Константина Еленой. Для Махеры история Кипра — это история христианской православной ромейской земли. Эллинизм — понятие для Махеры и его современников исключительно языческое. С этой точки зрения, наверное, правильное было бы говорить о ромейском, а не о греческом латинизме на Кипре XIV—XVI вв. Пусть даже судьба «отвернулась от ромеев»²⁸ Кипра, они все равно остались для него частью византийского мира и автохтонными, наряду с сирийцами, жителями острова²⁹. Пусть даже латиняне и подчинили себе остров, они все равно «всегда завидовали» грекам-киприотам, ибо «рыца-

²⁸ Machairas L. § 99; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 99.

²⁹ Machairas L. § 22, 111; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 22, 111.

ри были алчны и бедны»³⁰, и они не чувствовали под ногами столь мощной защиты со стороны святых, которую имели ромеи³¹. Махера живет в своем греко-византийском мире и одновременно принимает латинское общество, считая историю Кипрского королевства частью и продолжением Иерусалимского королевства крестоносцев.

Однако семья Махеры, несомненно, одна из самых образованных и успешных среди семей греков-киприотов, не закрепились при дворе и к концу правления Януса Лузиньяна (1398–1432) просто исчезла из политической жизни королевства. Но ей на смену пришли другие греческие и сирийские кипрские семьи: Подокатаро, Флатро, Биби, Гурри, Даниэле, Одет, Синклитико, Яфуни, Бизар. Почти все не только были приняты при дворе, но и смогли войти в состав господствующего класса королевства, получив статус «рыцарей» (*milites*). Несомненно, стать полноправным членом кипрской знати было возможно через принятие латинской веры и через образование, полученное в университетах Западной Европы. Получить финансовую поддержку в королевстве для обучения в европейском университете, изучать медицину, каноническое или гражданское право, занять высокую должность при королевском дворе, найти для себя место в городах Италии и тем более в папской курии³² также было значительно легче после принятия католицизма, хотя такого требования на самом Кипре никогда не было.

Означает ли это, что греки-киприоты, инкорпорированные во властные институты или находящиеся близко к ним, отказывались от родного языка, переставали обучать греческому своих детей, т.е. старались полностью ассимилироваться в латинской среде? Вовсе нет. Наоборот, мощнейшая греческая культура и большинство населения острова, говорившее по-гречески, заставляли латинян изучать греческий язык. Это касалось и простых людей, и членов королевской семьи. В XVI в. Этьен де Лузиньян писал, что весь остров говорит на греческом, хотя и «очень испорченном»

³⁰ Machairas L. § 92; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 92.

³¹ Machairas L. § 72; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 72.

³² Близнюк С.В. Королевство Кипр... С. 698–736; Близнюк С.В. Первый гуманитарный фонд Пьетро ди Кафрано на Кипре (1393–1570) // Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова. М., 2009. С. 107–138; Tselikas A. Η διαθήκη τοῦ Petro di Cafrano καὶ οἱ πράξεις ἐκλογῆς Κυπρίων Φοιτητῶν γιὰ τὸ Πανεπιστήμιο τῆς Πάδοβας (1393, 1436–1569) // Επετηρῆδα. Κέντρο Επιστημονικῶν Ερευνῶν. Vol. XVII. Nicosia, 1988–1989. P. 261–292; Kitromelides P. M. Κύπροι στη Βενετία // La serenissima and la Nobilissima: Venice and Cyprus in Venice. Nicosia, 2009. P. 207–217; Nicolaou-Konnari A. Κύπροι στη διασποράς στην Ιταλία μετά το 1570/1: η περίπτωση της οικογένειας Δενόρες // La serenissima and la Nobilissima: Venice and Cyprus in Venice. Nicosia, 2009. P. 218–239.

Женский ктиторский портрет из церкви Панагия тис Асину. XIV в.

заимствованиями из многих других языков: сирийского, арабского, армянского, французского, итальянского, турецкого³³. Подобную же характеристику языка, на котором говорили на Кипре, можно найти у Леонтия Махеры, писавшего более чем на столетие раньше Этьена де Лузиньяна: «Мы пишем на французском и на ромейском, но никто в мире не знает, какой у нас язык»³⁴. Греки активно обучали своих детей греческому языку, грамматике, чтению. На Кипре работали начальные школы; было развито домашнее обучение³⁵. Греческий разговорный язык, а с ним и традиции активно проникали в латинскую среду. Наверное, не случайно в 1368 г. папа Урбан V приказывает принять меры против женщин-католичек, которые часто посещают православные храмы³⁶. Звучавший в греческих

³³ Lusignan E. Description de tout l'isle de Chypre. Paris, 1580. P. 2.

³⁴ Machairas L. § 158; Близнюк С.В. Леонтий Махера... § 158.

³⁵ Близнюк С.В. Королевство Кипр... С. 693–695.

³⁶ Lettres communes du Pape Urbain V / Ed. M.-H. Laurent // Bibliothèque de l'École française d'Athènes et de Rome. 3-rd ser. Paris, 1954–1986. n. 22348; Röricht R. (brsg.) Le pèlerinage du moine augustin Jacques de Verone // Revue de l'Orient Latin III (1895) P. 177–178; Mas-Latrie L. Histoire de l'île de Chypre. Paris, 1855–1861. Vol. III. P. 757–758; Hill G. History of Cyprus. Vol. III. P. 1082; Coureas N. The Latin Church... 1313–1378. P. 453–454; Puchner W. The Crusader Kingdom of Cyprus — a Theatre Province of Medieval Europe? Athens, 2006. P. 62.

храмах орган, что так поразило русского паломника инока Зосиму, путешествовавшего по Кипру в 1419–1322 гг.³⁷, несомненно, дополнительно привлекал католиков, делал религиозное пространство более близким, привычным, понятным. В XV в. европейские паломники рассказывают о встречах с латинскими священниками, которые хорошо говорили по-гречески³⁸. К середине XV в. греческий становится более удобным в общении и для представителей королевского дома³⁹. Степень латинизации греков или, наоборот, эллинизации латинян, как представляется, зависела от предпочтений отдельных семей. Если Подокатаро находят для себя место в венецианских, римских и генуэзских структурах, а в XVI в. предпочитают проживать на Западе больше, чем на Кипре, соответственно и их деловая переписка, судебные разбирательства, завещания, равно как и надгробные эпитафии написаны по-латыни⁴⁰. В то же время эпитафии фамилий Флатро, Яфуни, Бизар, сохранившиеся на Кипре, написаны по-гречески⁴¹. Надгробные надписи на могилах греков более низкого происхождения всегда делались по-гречески⁴².

О глубококом культурно-лингвистическом взаимодействии между различными этносами Кипра свидетельствуют богатые коллекции греческих и латинских рукописей, библиотеки, которые собирали и кипрские латиняне, и кипрские греки, и кипрские сирийцы⁴³. Итальянское Возрождение стимулировало не только собирание, но и изучение эллинистического и византийского культурного наследия латинянами.

Наконец, Кипр занимает совершенно выдающееся место в истории средневекового греческого театра. Кажется почти фантастикой, чтобы в греческую православную религиозную среду проникла латинская традиция постановки мистерий в церквях. Между тем знаменитая мистерия «Кипрский цикл страстей Господних» была написана именно по-гречески и скопирована в начале XIV в., возможно, самим Константином

³⁷ Хождение инока Зосимы. 1419–1422 гг. / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Т. VIII. Вып. 3. XXVI. С. 24.

³⁸ Близнюк С.В. Королевство Кипр... С. 690; *Excerpta Cypria Nova. Voyageurs occidentaux à Chypre au XVe siècle* / Ed. G. Grivaud. Nicosia, 1990. P. 147.

³⁹ Близнюк С.В. Королевство Кипр... С. 690–691.

⁴⁰ *Lacrimae Cypriae: Les laemes de Chypre* / Ed. B. Imhaus. Nicosia, 2004. Vol. I. F. 708. P. 374.

⁴¹ *Lacrimae Cypriae*. Vol. I. F. 528. P. 274 (Flatro); F. 530. P. 277 (Jafouni); F. 531. P. 278 (Bizas, Bizar).

⁴² *Lacrimae Cypriae*. Vol. I. F. 735–738. P. 399–401.

⁴³ Близнюк С.В. Что читали киприоты в 14–15 вв. // Византийский временник. 2016. Т. 74 (99). С. 148–162; Близнюк С.В. Королевство Кипр... С. 635–644.

Анагностом, примикерием табуляриев Кипра⁴⁴. Появление грекоязычной мистерии, связанной исключительно с латинской церковной традицией, является индикатором невероятно глубокого взаимопроникновения и инфильтрации двух культур. Допущение мистерии в православную среду греков-киприотов могло произойти только при колоссальном влиянии на нее латинской церковной литургии и при глубокой интеграции культуры Кипра, в целом, в театральную (игровую) культуру Западной Европы. В то же время восприятие элементов католической литургии ортодоксальной церковью Кипра приближало к ней латинское население острова⁴⁵.

Восприятие элементов чужой культуры и инкорпорирование их в собственную приводят к изменениям и у греков, и у латинян Кипра не только в сознании, в менталитете, но и в подсознании, на психологическом уровне. Греки за долгие годы латинского правления усвоили чувство невозможности изменить ситуацию, необходимости принять латинское завоевание острова и приспособиться к нему. Латиняне, со своей стороны, никогда не относились к завоеванной территории как к колонии, которую они просто эксплуатируют. Они всячески демонстрируют и доказывают, что это их земля, которую они защищали как свою родную. Такая политика повышала доверие местного населения к новой власти, заставляла его спланиваться вокруг нее, идти с ней на диалог и сотрудничество. Кипр, таким образом, дает блестящий пример этнокультурной интеграции между завоевателями и завоеванными, в результате которой родилась новая кипро-латинская культура, названная в Западной Европе XVI в. левантйской. Для завершения названного процесса требовалось длительное время, которое растянулось на несколько столетий. В большинстве государств крестоносцев названный процесс был прерван внешними завоеваниями или воссозданием Византийского государства. Пожалуй, только на Кипре и на Крите⁴⁶ взаимодействие культур привело к видимому и неоспоримому результату.

⁴⁴ «Цикл» многократно издавался и подробно изучался. См. подробную библиографию: *Puchner W. The Crusader Kingdom of Cyprus Cyprus...* P. 83–85; *Grivaud G. Entrelacs Chiprois. Essai sur les lettres et la vie intellectuelle dans le Royaume de Chypre 1191–1570.* Nicosia, 2009. P. 172–175; *Близнюк С.В. Королевство Кипр...* С. 688–690.

⁴⁵ *Близнюк С.В. Королевство Кипр...* С. 689–690.

⁴⁶ *Ortalli G. Venezia Mediterranea e Grecità Medievale: elazioni, conflitti, sintonie // L'eredità greca e l'ellenismo veneziano / A cura di G. Benzoni. Venezia, 2002. P. 53–73.*

REFERENCES

1. *Amadi F.* Chronique de Chypre / Publ. R. Mas-Latrie. Paris, 1891 (Repr. Amadi F. Cronaca di Cipro / Introduzione di S. Beraud. Nicosia, 1999).
2. *Arbel B.* The Cypriot Nobility from the Fourteenth to the Sixteenth Century: A New Interpretation // Idem. Cyprus, the Franks and Venice, 13th–16th Centuries. London: VR, 2000. VI.
3. *Bliznyuk S.V.* Korolevstvo Kipr i ital'ianskie morskije respubliki v XIII–XV vv. Moskva, 2016.
4. *Bliznyuk S.V.* Leontios Machairas i ego chronika «Povest' o sladkoi zemle Kipr». Moskva, 2018.
5. *Bliznyuk S.V.* Mir trgovli i politiki v korolevstve krestonostsev na Kipre. Moscow, 1994.
6. *Bliznyuk S.V.* Kiprskaja pravoslavnaja tserkov // Pravoslavnaja entsiklopedija. Moskva, 2014. T. 34. P. 21–25.
7. *Bliznyuk S.V.* Pervyj gumanitarnyj fond Pietro di Cafrano na Kipre (1393–1570) // More i berega. K 60-letiju S.P. Karpova. Moskva, 2009. P. 107–138.
8. *Bliznyuk S.V.* Chto chitali kiprioty v 14–15 vv. // Vizantijsky vremennik. 2016. Vol. 74 (99). P. 148–162.
9. *Bliznyuk S.V.* The Crusaders of the Later Middle Ages. The King of Cyprus Peter I Lusignan // The Crusades and the Military Orders: Expanding the frontiers of medieval latin christianity. Budapest, 2001. P. 51–57.
10. *Bliznyuk S.V.* Il prezzo delle guerre dei re di Cipro (XIV–XV secc.) // Südost-Forschungen 59/60 (2000/2001). P. 99–124.
11. *Bustron F.* Chronique de l'île de Chypre / Publ. R. Mas-Latrie [Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Mélanges Historiques V]. Paris, 1886 (Repr: *Bustron F.* Historia overo commentarii de Cipro. Nicosia 1998).
12. *Christoforaki I.* East is East and West is West? Artistic Interchange across Frontiers in the Eastern Mediterranean // Cross-Cultural Interaction between Byzantium and the West, 1204–1669 / Ed. A. Lymberopoulou. London, New York, 2018. P. 152–172.
13. *Coureas N.* The Latin Church in Cyprus, 1195–1312. Aldershot-Brookfield, Vermont, 1997.

14. *Coureas N.* The Latin Church in Cyprus. 1313–1378. Nicosia, 2010.
15. Cyprus. Society and Culture 1191–1374 / Ed. A. Nicolau-Konnari, Ch. Schabel. Nicosia, 2005. P. 285–328.
16. *Enlart C.* Art gothique et la Renaissance en Chypre. Paris, 1898–1899.
17. Excerpta Cypria Nova. Voyageurs occidentaux à Chypre au XVe siècle / Ed. G. Grivaud. Nicosia, 1990.
18. *Grivaud G.* Entrelacs Chiprois. Essai sur les lettres et la vie intellectuelle dans le Royaume de Chypre 1191–1570. Nicosia, 2009.
19. *Hill G.* History of Cyprus. Cambridge, 1948. Vol. II–III.
20. *Gongora L.* Real grandeza de la Serenissima Republica di Genova. Madrid, 1665.
21. *Kitromelides P. M.* Κύπροι στη Βενετία // La serenissima and la Nobilissima: Venice and Cyprus in Venice. Nicosia, 2009. P. 207–217.
22. Khozhenije inoka Zosimy. 1419–1422 / Ed. Kh.M. Loparev // Pravoslavnyj palestinsky sbornik. Sankt-Peterburg, 1889. Vol. VIII. Part. 3. XXVI.
23. *Kyrris C.* History of Cyprus. With an introduction to the Geography of Cyprus. Nicosia, 1985.
24. Lacrimae Cypriae: Les laemes de Chypre / Ed. B. Imhaus. Nicosia, 2004. Vol. I–II.
25. Lettres communes du Pape Urbain V / Ed. M.-H. Laurent // Bibliothèque de l'École française d'Athènes et de Rome. 3-rd ser. Paris, 1954–1986.
26. Lemesos: A History of Limassol in Cyprus from Antiquity to the Ottoman Conquest / Ed. A. Nocolau-Konnari, Ch. Schabel. Cambridge, 2015.
27. Liber Jurium Republicae Genuensis. II. Col. 806–815 // HPM. IX. Torino, 1857.
28. *Lisciandrelli P.* Trattati e negoziazioni politiche della Repubblica di Genova // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1960.
29. *Lusignan E.* Description de tout l'isle de Chypre. Paris, 1580.
30. *Machairas L.* Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle / Ed. R.M. Dawkins. Oxford, 1932. Vol. I–II.
31. *Mango C.* Chypre, Carrefour du monde byzantine // *Mango C.* Byzantium and its Image: History and Culture in the Byzantine Empire and its Heritage. London: Aldershot, 1976. N. XVIII.
32. *Mas-Latrie L.* Histoire de l'île de Chypre. Paris, 1855–1861. Vol. II–III.
33. *Nicolaou-Konnari A.* Alterity and Identity in Lusignan Cyprus from ca. 1350 to ca. 1450: the testimonies of Philippe de Mezieres and Leontios Makheiras // Identity/Identities in Late Medieval Cyprus / Ed. T. Papacostas, G. Saint-Guillain. Nicosia, 2014. P. 37–66.

34. *Nicolaou-Konnari A.* Ethnic Names and the Construction of Group Identity in Medieval and Early Modern Cyprus: the Case of ΚΥΠΡΙΩΤΗΣ // Κυπριακά Σπουδαί. 64–65 (2000–2001) P. 259–275.
35. *Nicolaou-Konnari A.* Κύπροι στη διασποράς στην Ιταλία μετά το 1570/1: η περίπτωση της οικογένειας Δενόρες // La serenissima and la Nobilissima: Venice and Cyprus in Venice. Nicosia, 2009. P. 218–239.
36. *Ortalli G.* Venezia Mediterranea e Grecità Medievale: elazioni, conflitti, sintonie // L'eredità greca e l'ellenismo veneziano / A cura di G. Benzoni. Venezia, 2002. P. 53–73.
37. *Olympios M.* Building the Sacred in a Crusader Kingdom. Gothic Church Architecture in Lusignan Cyprus, c. 1209–1373. Brepols Publ., 2018.
38. *Olympios M., Parani M.* The Art and Archaeology of Lusignan and Venetian Cyprus (1192–1571). Turnhout, Belgium: Brepols, 2019.
39. *Otten-Froux C.* Quelques aspects de la justice à Famagouste pendant la période génoise // Πράκτικα του Τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Nicosia, 2001. Vol. II. P. 333–351.
40. *Otten-Froux C.* Les relations politico-financières de Gênes avec le royaume des Lusignan (1374–1460) // Coloniser au Moyen Âge / Publ. par M.A. Ducellier. Paris, 1995. P. 61–75.
41. *Puchner W.* The Crusader Kingdom of Cyprus — a Theatre Province of Medieval Europe? Athens, 2006.
42. *Röricht R. (hrsg.)* Le pèlerinage du moine augustin Jacques de Verone // Revue de l'Orient Latin III (1895).
43. *Richard J.* La situation juridique de Famagouste dans le royaume des Lusignans // Πράκτικα του Α' Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. Nicosia, 1972. Vol. II. P. 221–229.
44. *Rudt de Collenberg W.H.* The Fate of Frankish Noble Families Settled in Cyprus // Crusade and Settlement / Ed. P. Edbury. Cardiff, 1985. P. 268–272.
45. *Schabel Ch.* The Myth of Queen Alice and the Subjugation of the Greek Clergy of Cyprus // Identités croisées en un milieu méditerranéen: Le cas de Chypre / Ed. S. Fourrier, G. Grivaude. Univ. de Rouen et du Havre, 2006. P. 257–277.
46. *Schryver J.* Monuments of Identity: Latin, Frank, Greek or Cypriot? // Identités croisées en un milieu méditerranéen: Le cas de Chypre (antiquité — Moyen Âge) / Ed. S. Fourrier, G. Grivaud. Univ. de Rouen et du Havre, 2006. P. 385–396.
47. *Soulard T.* L'architecture gothique du royaume des Lusignan: les cathédrales de Famagouste et Nicosie // Identités croisées en un milieu méditerranéen:

- Le cas de Chypre / Ed. S. Fourrier, G. Grivaud. Univ. de Rouen et du Havre, 2006. P. 355–371.
48. *Sperone C.* Real grandezza della Serenissima Repubblica di Genova. Genova, 1669.
49. *Strambaldi D.* Chronique de Chypre / Publ. R. Mas-Latrie // Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Histoire politique. Paris, 1893.
50. *Tselikas A.* Η διαθήκη τοῦ Petro di Cafrano καὶ οἱ πράξεις ἐκλογῆς Κυπρίων Φοιτητῶν γιὰ τό Πανεπιστήμιο τῆς Πάδοβας (1393, 1436–1569) // Επετηρῆδα. Κέντρο Επιστημονικῶν Ερευνῶν. Vol. XVII. Nicosia, 1988–1989. P. 261–292.
51. *Weyl Carr A.* Art in the Court of the Lusignan Kings // Crusades / Ed. A. Jotischky. London-New York: Routledge, 2008. Vol. IV. P. 302–338.
52. *Weyl Carr A.* Byzantines and Italians on Cyprus: Images from Art // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995 (49). P. 339–357.

Ключевые слова:

Κιπρ, Βιζαντία, λατινίανε, γρεκι, ιδεντιχность, взаимодействие, этнические группы, культура, общество.

Svetlana V. Bliznyuk

LATIN HELLENISMUS AND GREEK-CYPRIOT LATINISMUS IN THE KINGDOM OF CYPRUS IN THE XIV—XVIth CENTURIES

The article analyzes the processes of Greek-Latin dialogue, ethno-cultural Cypriot-Latin integration, the formation of the Cypriot mentality in the kingdom of the crusaders in Cyprus in the XIII—XVth centuries. The author emphasizes that the political, social and economic development of the state inevitably entailed the need for dialogue between different ethnic groups and the formation of a new social and cultural community in Cyprus. In the XIII century mutual understanding and cooperation between the two ethnic groups were greatly obstructed due to distrust and fear of the conquerors towards the conquered). The subdued, in turn, needed to learn how to live with the conquerors, how to recognize them, while at the same time preserving their own traditions, language and Orthodox faith. The Orthodox church was the most important institute, that consolidated and preserved the Greek community in the Frankish Cyprus. The situation begins to change no earlier than in the middle of the XIVth century. The Greeks themselves begin to seek common ground with the conquerors. The first example of a deep Greek-Latin cooperation is the family of the famous Cypriot chronicler Leontios Machiras. The merchants and craftsmen as a whole were more mobile, pragmatic and ready for integration. The Frankish nobility, on the contrary, was closed for a long time and prevented the formation of an elite among the indigenous population. The Cypriot-Genoese war of 1373–1374 contributed to overcome the bias and prejudice of the Latin nobility towards the Greeks. Military and human losses as well as the political struggle at the royal court lead to a decrease in the number of Cypriot nobility. Replenishment of its ranks with new members was possible from the local population. The process of anoblation of some local Greek families begins in the end of the XIVth century and continues during the XVth century. At first, the penetration of the Greeks into the Latin nobility begins at the level of personal contacts, personal trust of the kings and of the Latin nobility towards some representatives of other ethnic groups and only then this process reaches social, juridical and political spheres. In parallel, there is a community that identifies itself as «Cypriots» forming during that time. In this case the ethnic origin doesn't play a paramount role. A «Cypriot» means a citizenship of the Cypriot kingdom, place of birth and submission to the king. At the same time the

Greek-Cypriots keep their Byzantine identity. The Greek language that penetrates into the Latin society, the Orthodox faith and historical memory helped them in this respect. The Greek-Cypriots accept the Latin society and power, considering the history of the Kingdom of Cyprus as part of the Byzantine world, and the continuation of the Crusader Kingdom of Jerusalem. Based on the analysis of manuscript collections, education, theatre, and influence of the Italian Renaissance on the royal court the author concludes, that the perception of elements of a foreign culture and their incorporation into their own lead to a change in both the Greeks and the Latins of Cyprus not only in consciousness, mentality, but also in the subconsciousness, at the psychological level. Over the long years of Latin rule the Greeks adopted a feeling of impossibility to change the situation, the need to accept the Latin conquest of the island and adapt to it. The Latins, for their part, never regarded the conquered territory as a colony, which they simply exploited. They strongly demonstrate and prove that this is their land, which they defended as their own. Such a policy increased the confidence of the local population in the new government, forced it to rally around it, and engage in a dialogue and cooperation with it. Thus, Cyprus gives a brilliant example of a deep interpenetration, infiltration and integration of Latin and Greek cultures in the XIV–XVth centuries.

Key words: Cyprus, Byzantium, Latins, Greeks, identity, interaction, interference, ethnic groups, culture, mentality, society.

Svetlana V. Bliznyuk — Dr. Hab. (History), Associate Professor, Department of History of the Middle Ages Lomonosov Moscow State University.

 Близнюк Светлана Владимировна

доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.005

С.П. Брюн

ФАКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНФЛИКТЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ВОЙНАХ АНТИОХИИ И АРМЕНИИ

В общественно-политическом дискурсе и, к сожалению, в значительной части современной исторической и учебной литературы по сей день доминирует представление о том, что религиозная идентичность была основным движущим фактором в конфликтах средневекового мира, и тем более — в ближневосточных войнах эпохи крестовых походов. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что религиозный фактор отнюдь не был определяющим в более чем значительной части, военных столкновений, альянсов, в прецедентах «самоидентификации» этноконфессиональных групп, населявших восточное Средиземноморье в XI–XIII вв. Если обратиться к историческому контексту средневековых (в том числе ближневосточных) войн, мы увидим, что в количественном отношении конфликты, в которых основным фактором был религиозный — будь то те или иные формы «вооруженного паломничества /крестового похода» или джихада, — в значительной мере уступали столкновениям, в которых друг с другом сходились единоверцы. Этноконфессиональные группы и политические силы Леванта веками вступали в самые разнообразные и подчас самые парадоксальные союзы, отстаивая собственные интересы.

Исследователю эпохи крестовых походов и ближневосточного региона не приходится жаловаться на отсутствие или малочисленность подобных примеров. Спустя всего десять лет после вступления армии Первого крестового похода в Левант бывшие соратники по «вооруженному паломничеству» — Танкред Антиохийский и Бодуэн II де Бург, граф Эдессы — вели открытую, полномасштабную войну друг против друга, причем каждый из них опирался не только на франкские и армянские контингенты, но и на союзников-сарацин. В битве у Турбесселя/Тель-Башира (1108 г.) граф Бодуэн II де Бург, его кузен Жослен де Куртенэ и франки Эдесского графства совместно с тюркской конницей эмира Джавали Сакава атаковали позиции антиохийских франко-нормандцев: под знаменами Танкреда Антиохийского находился аскар его бывшего противника, а отныне данника — эмира Рыдвана Алеппского. Стоит напомнить, что всего за девять лет до этого — в 1099 г. — Танкред и Бодуэн де Бург, во главе небольшого конного отряда, совместно освобождали Вифлеем, мелькитское население которого подняло восстание против фатимидов. В 1104 г. они совместно сражались в битве у Харрана. В 1100–1101 гг. Бодуэн де Бург исполнял роль фактического регента княжества Антиохийского, в 1104–1107 гг. — после пленения Бодуэна II — Танкред, в свою очередь, был регентом и защитником графства Эдесского (хотя именно последнее обстоятельство и нежелание Танкреда слагать регентство послужило поводом для войны 1107–1109 гг.). Тем не менее ни личные связи, ни сословная, культурная, религиозная общность не остановили двух государей франкской Сирии ни перед вступлением в войну, ни перед альянсом с сарацинами¹. Можно было бы вспомнить и о том, что с

¹ Здесь важно указать, что война между Танкредом и Бодуэном II де Бургом подразделялась на два различных этапа: первый был связан с борьбой Бодуэна II за возвращение графства Эдесского, а второй был связан прежде всего с военной кампанией Джавали Сакава, напавшего на Алеппский эмират. Именно в этот конфликт мусульманские правители Сирии успешно втянули своих христианских союзников — Танкреда Антиохийского и Бодуэна II Эдесского.

Битва у Турбесселя/Тель-Башира завершилась победой Танкреда Антиохийского и эмира Рыдвана. Сиро-яковитский мафриан Бар Эбрей, оставивший подробное описание сражения, говорит о том, что антиохийские и эдесские франки не убивали друг друга, а лишь сбивали с коней. Однако Бар Эбрей писал уже во второй половине XIII в. и, возможно, отталкивался от благочестивого предания — или желания предостеречь христиан заморской земли от междоусобиц. Современники сражения — Фульхерий Шартрский и армянский хронист Матфей Эдесский — ничего не говорят о «гуманности» франков. Напротив, Матфей Эдесский говорит о том, что в сражении пало до 2 тыс. христиан. См.: *Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana*. Heidelberg, 1913. Lib. II. C. 28. P. 480–481; *Mathieu D'Edesse. Chronique de Mathieu D'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre*. Paris, 1858. C. 199. P. 267.

самого вступления отрядов Первого крестового похода в Левант Танкред и Бодуэн Булоньский (кузен де Бурга) вступили в открытое вооруженное противостояние за контроль над городами Киликии. Первое крупное междоусобное сражение крестоносцев — это битва у Мамистры (сентябрь 1097 г.), в которой Танкред потерпел поражение от численно превосходивших войск Бодуэна Булоньского, будущего основателя графства Эдесского и первого короля Иерусалимского. История крестовых походов (а точнее — эпоха франкского владычества в Леванте) немислима без череды междоусобных войн, в которых погрязали как христиане, так и мусульмане.

Ни в одной черede конфликтов парадоксы спонтанного самоопределения и выстраивания собственной идентичности не проступают так отчетливо, как в войнах Антиохии и Армении, раздиравших земли Киликии и северной Сирии в 1180–1230-х гг. В данной статье мы попытаемся выявить и проанализировать основные факторы, которые приводили различные этноконфессиональные группы Леванта к (подчас спонтанной) самоидентификации, альянсам и выступлениям в ходе этой цепи военных конфликтов.

Под «войнами Антиохии-Армении» подразумевается комплекс военных столкновений, имевших место в XII–XIII вв. (точнее — в 1130–1237 гг.), между князьями Антиохийскими и армянскими правителями за контроль над равнинной Киликией, а позднее — над Антиохией и северной Сирией. На протяжении большей части XII столетия война за города Киликийской равнины шла между тремя основными участниками: Ромейской державой, княжеством Антиохийским и армянским государством «властителей гор» Рубенидов, опиравшихся на население и крепости восточного Тавра. Периодически уступая города и территории антиохийским франкам и киликийским армянам, Ромейская держава несколько раз полностью восстанавливала свое господство на землях Киликийской равнины и даже вторгалась в Сирию. Так было во время византийских кампаний 1100, 1104, 1137–1138, 1143–1144 и 1158 гг. При этом и франки, и армяне попеременно выступали как союзники империи².

² Рубениды принимали сторону империи в войне против Антиохии в 1100 и 1104 гг., Хетумиды оставались подданными Ромейской державы вплоть до 1180-х гг. Франки выступали против киликийских армян под знаменами империи в 1153 и 1172–1173 гг. В конце концов именно князю Боэмунду III Антиохийскому — как своему шурина — император Мануил I доверил удержание Тарса и западных земель Киликийской равнины.

Смерть василевса Мануила I Комнина (1180) и убийство его супруги Марии Антиохийской (1182) привели к разрыву франко-византийского союза и стремительному угасанию имперской гегемонии в Леванте (и на азиатском континенте в целом). С этого момента противоборство за господство в регионе перешло исключительно к двум участникам: князю Антиохийскому и Рубенидам. В 1183 г., опасаясь усиления Салах ад-Дина и перебрасывая все ресурсы на Восток, князь Боэмунд III Антиохийский продал «властителю гор» Рубену III Тарс и близлежащие земли, которые на протяжении нескольких предшествующих лет держал от имени императора. В этот период княжество Антиохийское, лишившееся поддержки империи, было крайне ослаблено наступлением мусульман (Зенгидов, туркоман, Айюбидов). В то же самое время Рубениды смогли полностью утвердить свое господство над всей протяженностью Равнинной и Нагорной Киликии и частью северо-восточной Сирии: господство этой армянской династии признавали не только армяне-миафиситы, но и ромейское, армяно-халкидонитское и сирийское население покоренной равнины, а также многочисленные франки, притекавшие на службу к «властителям гор». В 1198 г. государство Рубенидов было признано королевством — «королевством Армении», а его правитель — Левон I/II Великолепный — был возведен на королевский престол легатом папы римского Иннокентия III и священно-римского императора Генриха VI архиепископом Конрадом Майнцским.

Начиная с 1185 г. и вплоть до 1237 г. княжество Антиохийское и государство Рубенидов (позднее — королевство Армения) находились в цепи военных и дипломатических конфликтов: короли Армении пытались присоединить к своим владениям Антиохию и территорию ее княжества, в то время как антиохийские франки трижды пытались восстановить свое господство над Киликией.

Историю этой более чем полувековой череды конфликтов — войн Антиохии-Армении — можно разделить на пять этапов.

Первым этапом (1185–1186) следует считать войну князя Боэмунда III против Рубена III и его брата Левона. Война эта была иници-

К тому же и франки, и армяне и в этот период заключали самые различные альянсы друг против друга: армянские князья династии Хетумидов — властители Лампрона и западной окраины Киликийской равнины — выступали против Рубенидов и в 1150-х, и в 1180-х гг. (изначально на стороне империи, затем — в союзе с князем Антиохийским). Во время второй большой войны между Антиохийским княжеством и Рубенидами (в 1136–1137 гг.) сторону Левона I Рубенида приняли граф Жослен II де Куртенэ и эдесские франки, открывшие второй фронт против князя Раймонда Антиохийского.

Антиохийское княжество и государство Рубенидов в 1183 г.

ирована князем Антиохийским и вызвана его желанием восстановить свое господство над восточной частью Киликийской равнины — от реки Джейхан/Пирам до гор Аманоса. Несмотря на вероломное пленение Рубена III и передачу указанных территорий антиохийским франкам, война закончилась поражением Боэмунда III. Освобожденный Рубен III и его брат Левон I/II в течение года смогли выбить франкские гарнизоны из занятых ими киликийских городов и крепостей³.

Второй этап войн (1193—1194) был связан с первой попыткой Левона I/II Рубенида завоевать Антиохию. В 1188 г. в результате завоеваний Салах ад-Дина княжество Антиохийское лишилось больше половины своей территории. В 1189-м, когда Айюбидский гарнизон оставил разрушенные замки тамплиеров в Аманосе, они были немедленно заняты войсками Левона I/II Рубенида. Главной из этих твердынь был замок Баграс, контролировавший основной путь из Киликии в Сирию (перевал Аль-Балан/«Сирийские врата»). Князь Боэмунд III и тамплиеры требовали немедленного возвращения Баграса, однако оказались не в силах вернуть восстановленную крепость.

В 1193 г. Левон I/II пригласил Боэмунда III для переговоров в Баграс, где в свою очередь пленил и подверг пытке князя, отомстив за аналогичное вероломное пленение своего старшего брата Рубена III,

³ Наиболее подробные описания этой войны можно найти в хрониках Михаила Сирийца и Вахрама Эдесского, см.: *Michel le Syrien. Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite. Venise, 1868. Vol. III. Lib. XXI. C. 4. P. 396—397; Vabram D'Edesse. La chronique rimée des rois de la Petite Arménie // RHC Arm. I. Paris, 1869. P. 509.*

Антиохийское княжество и государство Рубенидов в 1193 г.

имевшее место восьмью годами ранее. Левон потребовал от Боэмунда III сдачи Антиохии: от имени князя и «властителя гор» в город был направлен контингент армянских войск под командованием Хетума Сасунского. Однако население Антиохии — как латинское, так и православное (ромейское, мелькитское) — подняло восстание, перебило армянских воинов и провозгласило создание Антиохийской коммуны, которой отныне принадлежала решающая роль в управлении городом. Коммуна признала своим бальи старшего сына Боэмунда III — Раймонда де Пуатье. Совместными усилиями Раймонд, его младший брат — граф Боэмунд IV Триполийский и правитель Иерусалимского королевства — граф Генрих Шампанский смогли добиться освобождения князя Боэмунда III⁴.

Однако условием освобождения Боэмунда III, выдвинутым Левоном, был брак между старшим сыном князя Антиохийского — Раймондом и племянницей Левона — Алисой. Ребенок от этого брака должен был унаследовать престолы и Антиохии, и Армении. До совершеннолетия этого ребенка — в случае смерти Левона или Боэмунда III — правление двумя государствами должно было перейти к Раймонду⁵.

⁴ Наиболее подробное описание этого восстания и создания Антиохийской коммуны содержится в Лионской версии Продолжателя Гильома Тирского, см.: *L'Estoire de Eracles Empereur et la conquete de la terre d'Outremer* // RHC Occ. II. Paris, 1859. P. 208–210.

⁵ К этому времени Алиса — дочь Рубена III и законная, кровная наследница престола Киликии — успела овдоветь. Ее первый супруг — Хетум Сасунский, некогда возглавлявший армянские войска при неудачной попытке завоевать Антиохию, весьма «своевременно» скончался в период заключения вышеуказанного договора.

Левон I/II Рубенид — барониальный таргез. Сис, 1186—1198 гг.
Собрание С.П. Брюна

Анонимный фракционный денье.
Антиохийское княжество. Первая
половина XIII в. Собрание С.П. Брюна

Договор был скреплен обоюдной клятвой Левона и Боэмунда III. Раймонд покинул пределы княжества Антиохийского и поселился при дворе Левона в Сисе. Однако в 1196 г. Раймонд внезапно умер, оставив беременную супругу. Спустя несколько недель Алиса родила сына, нареченного Раймондом-Рубеном. Левон лично взял на себя заботу о мальчишке, воспитывая своего внучатого племянника как родного сына. В 1197 г. Левон добился у папского легата Конрада Майнцского подтверждения наследственных прав этого мальчишка на престолы Антиохии и Армении. Боэмунд III, под давлением легата, также клятвенно подтвердил права внука на княжеский престол. Вполне естественно, что перспектива неизбежного перехода Антиохии к ставленнику Левона I/II Рубенида не могла устроить ни большую часть населения города, ни Антиохийскую коммуну, ни второго сына старого князя — Боэмунда IV, графа Триполи.

С именем Боэмунда IV и его борьбой против Левона и Раймонда-Рубена и связана основная цепь конфликтов Антиохии-Армении, известная как война за «Антиохийское наследство». Война за Антиохийское наследство и составляет **третий этап войн Антиохии-Армении**.

Традиционно ее датируют 1201—1216 гг. На мой взгляд, подобное выделение исключительно этих пятнадцати лет в корне неверно. Война между сторонниками Боэмунда IV и государем Киликийской Армении за контроль над Антиохией не началась в 1201 г. и не закончилась в 1216 г. Череда военных кампаний разразилась еще до смерти Боэмунда III, в 1198 г., когда молодой граф Боэмунд Триполиийский при поддержке сво-

Антиохия. Гравюра XIX в.

их рыцарей, населения Антиохии, Антиохийской коммуны и военно-монашеских орденов (как тамплиеров, так и госпитальеров) в первый раз захватил Антиохию и изгнал своего отца. Боэмунд IV удерживал власть над городом в течение нескольких месяцев: уже в 1199 г. под давлением Римской церкви и под угрозой вторжения армии короля Левона он вынужден был примириться со своим отцом и вернуть ему Антиохию.

Но спустя всего два года, после смерти Боэмунда III — в 1201 году, Боэмунд IV вновь занял Антиохию и провозгласил себя ее князем. Это вызвало немедленное вторжение войск королевства Армения: прибыв к стенам города, Левон I Рубенид требовал передачи города и княжества Раймонду-Рубену. Однако законность этих требований, подкрепленных давлением Римской Церкви и клятвами почившего князя Боэмунда III, не тронула ни Боэмунда IV, ни его сторонников, в числе которых были Антиохийская коммуна, часть северо-сирийского рыцарства и орден Храма, не простивший Левону конфискацию Баграса и иных владений в горах Аманоса.

Война за Антиохийское наследство самым парадоксальным образом разделила жителей Киликии и северной Сирии. На стороне Боэмунда IV Одноглазого выступили население Антиохии и Антиохийская коммуна (причем большинство как среди населения, так и среди членов коммуны составляли православные жители города — ромеи и мелькиты, а также латинское бюргерство), часть антиохийского и большая часть триполитского нобилитета, орден тамплиеров, а также мусульмане Сирии и Анатолии: эмир Алеппо Аз-Захир и румские султаны. За притязания Левона I Вели-

кого и права Раймонда-Рубена выступили население Киликии — армяне, ромеи, и армяне-халкидониты, стекавшиеся на земли армянского королевства франки (в том числе и значительная часть знати Антиохийского княжества), а также Римская Церковь и орден госпитальеров.

При этом на протяжении войны происходили и своеобразные рокировки альянсов. Военно-монашеские ордены первоначально единодушно поддержали Боэмунда IV во время его первых узурпаций (1198 и 1201 гг.): начиная с 1203 г. госпитальеры всеми возможными способами поддерживали Левона, став самыми непримиримыми противниками Боэмунда IV. Православный Антиохийский патриархат был с 1206 по 1210 г. оплотом поддержки Боэмунда IV, а начиная с 1211 г. перешел под патронаж Левона I Рубенида. Алеппский эмират постепенно переходил от поддержки Боэмунда IV к нейтралитету, а затем к враждебным Антиохии действиям.

Война за Антиохийское наследство — как наиболее активный этап войн Антиохии-Армении — может быть разделена на следующие кампании.

Первая кампания (1201 г.) была, по сути, наступлением Левона I на Антиохию, и ответным вторжением аскаров Аз-Захира Алеппского и румского султана Рукн ад-Дина. Благодаря наступлению своих мусульманских союзников князь Боэмунд IV смог сохранить свою власть над городом и северной частью княжества Антиохийского.

Вторая кампания состоялась в ноябре 1203 г. Той осенью король Левон I принял решение взять Антиохию приступом, а не осадой. Войска короля Армении прорвались за стены города со стороны врат Св. Георгия. Кровопролитное продвижение армии короля Левона I было приостановлено для переговоров (при посредничестве латинского Патриарха Антиохии Петра I Ангулемского и папского легата Петра де Сен-Манселя), в разгар которых тамплиеры и княжеские войска перешли во внезапное контр наступление: Левон был с потерями выбит из города, а на помощь Антиохии вновь двинулся аскар эмира Аз-Захира.

Объединившись, войска Боэмунда IV и Аз-Захира разорили юго-восточную марку армянского королевства.

Третья кампания (1204 г.) В 1204 г. Левон I перешел в новое наступление, отбив у тамплиеров их последние замки в горах Аманоса — Ля Рош Гильом и Ля Рош Руссель.

Пользуясь отсутствием князя Боэмунда IV и кровопролитной междоусобицей, разразившейся в графстве Триполи, Левон совершил еще одно нападение на Антиохию. Как и во время предшествующих двух осад, го-

Королевство Армения и владения Боэмунда IV на протяжении большей части войны за Антиохийское наследство (с 1205 г.)

род был спасен стойкостью защитников и своевременным прибытием войск эмира Аз-Захира.

Четвертая кампания (1207–1208 гг.) В 1207 г., при прямой поддержке латинского Патриарха Петра I Ангулемского, Левон возобновил борьбу за Антиохию: сторонники Левона и Раймонда-Рубена, при соучастии Патриарха, открыли перед армией короля Армении северные врата Антиохии (врата Св. Павла). В отличие от предшествующих двух кампаний, Боэмунд IV находился в городе и, опираясь на цитадель, смог лично возглавить контрнаступление. Армия Левона I была выбита из Антиохии и вытеснена к перевалам Аманоса: плененный княжескими войсками Патриарх Петр I был обвинен в измене и казнен (затравлен голодом) по приказу Боэмунда IV, его баронов и Антиохийской коммуны.

В 1208 г. Боэмунду IV вновь удалось втянуть в войну против Левона Румский султанат: войска Кей-Хосрова I обрушились на северные рубежи королевства Армения, вынуждая ее монарха отказаться от продолжения кампании против Антиохийского княжества. Серьезная война между Антиохией и Арменией была прервана более чем на шесть лет.

Пятая кампания (1216 г.) Война возобновилась ранней весной 1216 г., когда армия королевства Армения, во главе с Леоном I и достигшим совершеннолетия Раймондом-Рубеном, при поддержке новой партии заговорщиков и в отсутствие князя Боэмунда IV, вошла в Антиохию, не встречая серьезного сопротивления.

Здесь невозможно не обратиться к проблеме потери популярности князем Боэмундом IV в Антиохии. Этому способствовал ряд факторов.

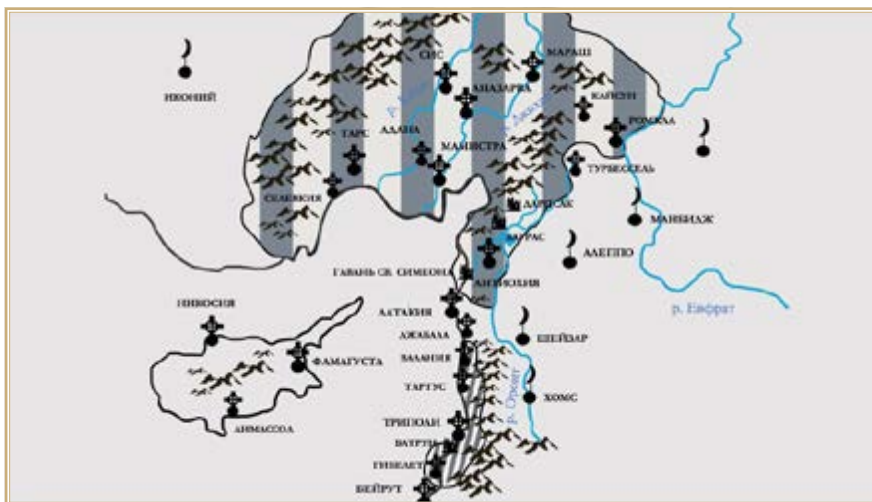

Раймонд-Рубен — денье. Антиохийское княжество. 1216—1219 гг.
Собрание В.С. Хомутова

Нуждаясь в поддержке Рима и короля Иерусалимского, Боэмунд IV изгнал из города православного Патриарха Симеона II Абу Шаиба, чем настроил против себя православное население и влиятельную партию «греков» в Антиохийской коммуне. Начиная с 1210 г. Симеон II перешел под покровительство короля Армении, находясь при нем в Сисе и Тарсе; этот патронаж обеспечил Левону поддержку православного населения северной Сирии.

При этом часть населения Антиохийского княжества — как православные, так и латиняне устали от многолетней войны и все возраставшей авторитарности князя Боэмунда IV, в том числе и от его фискальной политики. В переходе под власть нового князя многие видели единственный шанс на установление мира и возвращение своего экономического благополучия. Примечательно, что во главе заговора против Боэмунда IV встал один из его ближайших соратников Ашари де Сармениа — сеньшаль Антиохии. Тамплиерам был возвращен Баграс, что снимало главный мотив их войны против короля Армении. Угроза со стороны Аз-Захира также была ликвидирована: Левон I даровал свободу тысячам мусульманских пленников, не потребовав иного выкупа, кроме нейтралитета Алеппского султана, на который тот охотно согласился.

Антиохия была взята армией Левона и Раймонда-Рубена в ночь с 13 на 14 февраля; в присутствии латинского и православного патриархов Антиохии, в кафедральном соборе Св. Петра, король Левон возглавил церемонию инвеституры Раймонда-Рубена как князя Антиохийского. Однако князь Раймонд-Рубен не оправдал надежд ни своего крестного

Владения Боэмунда IV Одноглазого и владения короля Левона I Рубенида
(и князя Раймонда-Рубена) в 1216–1219 гг.

Левона I, ни населения Антиохии. Молодой князь был обвинен в попытке похитить Левона, дабы досрочно стать единоличным правителем Армении и Антиохии: Левон вовремя был предупрежден о заговоре и успел покинуть Антиохию. Этот неразумный заговор стоил Раймонду-Рубену дальнейшей поддержки короля Левона и прав на престол Амрении.

Власть Раймонда-Рубена над Антиохией продержалась на протяжении всего трех лет. К 1219 г. город вновь был готов перейти под власть Боэмунда IV: против Раймонда-Рубена был составлен заговор, во главе которого встал один из антиохийских баронов, Гильом де Фарабель. Восстание было скоординировано с прибытием флотилии Боэмунда IV к гавани Св. Симеона. Раймонд-Рубен, не оказывая серьезного сопротивления, бежал на север, в пределы королевства Армения. Цитадель, ставшую прибежищем сторонников Раймонда-Рубена, продолжали удерживать госпитальеры, но и они были принуждены к сдаче весной 1220 г. Капитуляция городской цитадели 1220 г. завершила войну за Антиохийское наследство, победа в которой осталась за князем Боэмундом IV.

Четвертым этапом войн Антиохии-Армении стоит считать, собственно, войну за престол Армении (1221–1222 гг.). Этот цикл конфликтов связан уже не с борьбой за Антиохию, но с притязанием антиохийских франков на королевский престол Армении.

Из-за мнимого или действительного предательства Раймонда-Рубена Левон I Великий лишил своего внучатого племянника прав на королевский престол, отказавшись принять его покаяние даже на смертном

Тарс. Гравюра 1838 г.

одре. Престол королевства Армения должен был отойти малолетней дочери Левона — Изабелле/Забел. Раймонд-Рубен отбыл в Египет, однако после кратковременного участия в Пятом крестовом походе он вернулся, поддержанный рядом сторонников в Киликии и прежде всего своими верными союзниками — госпитальерами.

Высадившись в Селевкии Исаврийской, Раймонд-Рубен быстро заключил союз с сеньором близлежащей крепости Корик — маршалом Армении Вахрамом (хотя условием этого союза стал брак матери Раймонда-Рубена с Вахрамом), после чего их объединенные войска заняли Тарс. Туда, согласно хронике Смбата Спарапета, стали стекаться сторонники молодого короля-соправителя (причем значительную поддержку ему оказали ромейские и армяно-халкидонитские бароны и население. — С.Б.). Помощь, оказываемая Раймонду-Рубену госпитальерами, очевидно, не сводилась лишь к военной поддержке: в разгар войны за Антиохийское наследство орден Св. Иоанна фактически сделал своими данниками ассасинов. Ближневосточная секта, снискавшая зловещую славу благодаря своим воинам-сикариям, совершила несколько политических убийств в указанный период, каждый из которых был направлен против врагов или оппонентов ордена госпитальеров. Среди наиболее знатных были латинский Патриарх Иерусалима Альберт Авогадро и старший сын, и наследник князя Боэмунда IV, балби Антиохии — Раймонд. В 1221 г., когда Раймонд-Рубен только начал стягивать свои силы к Тарсу, ассасины нанесли новый удар, убив регента и сенешаля Армении Адама Баграсского, опекуна малолетней королевы Изабеллы. Новым балби Армении был избран Константин Хетумид, власти-

тель Барбарона. Он быстро собрал имевшиеся войска и выступил навстречу наступавшей армии Раймонда-Рубена, двигавшейся к столице.

На переправе реки Пирам, близ Аданы, произошло решающее сражение: армия Раймонда-Рубена, невзирая на численное превосходство, оказалась разбитой войсками Константина Хетумида. Это поражение привело к радикальной смене политической обстановки в королевстве: «выжидавшие» бароны присоединились к Хетумиду, что позволило королевскому балби начать наступление на Тарс. Город был осажден, а благодаря подкупленному Константином предателю в стане Раймонда-Рубена — некоему Василию — врата Тарса были открыты армии балби. Раймонд-Рубен и маршал Вахрам укрылись в цитадели и капитулировали лишь после получения гарантий собственной безопасности. Однако гарантии не были соблюдены: Раймонд-Рубен был заключен, а позднее отравлен в той самой тарсийской цитадели, в которой искал последнего своего убежища.

Успехи и, очевидно, плохо скрываемая жажда власти Константина Хетумида вынудили других баронов отстранить королевского балби и призвать в Киликию Боэмунда IV. Его сыну, Филиппу де Пуатье, была предложена рука наследницы королевства — малолетней королевы Изабеллы. Единственным условием был переход Филиппа в лоно Армянской Апостольской церкви, которая на тот момент явно отреклась от своих обязательств перед Римом. Боэмунд IV и его сын охотно пошли на это условие. Брак Изабеллы и Филиппа и их коронация были совершены в Тарсе, в июне 1222 г., в присутствии Боэмунда IV Одноглазого и его рыцарей. В этом отношении 1222 г. стал своеобразным «перевертышем» в истории войн Антиохии и Армении. Самый непримиримый противник создателя королевства — Левона I — оказался триумфатором в Сисе и Тарсе, где возвел на престол Армении своего сына. В то же время Румский султан Кайкобад I вторгся в пределы королевства. Боэмунд IV, до этого четырежды призывавший румских тюрок к вторжению в королевство, на этот раз лично выступил со своими войсками для защиты христиан Киликии, обратившись против бывших союзников. Объединенная армия королевства Армения и княжества Антиохии-Триполи под командованием князя Боэмунда IV и его сына — короля Филиппа — нанесла поражение румским тюнкам, изгнав их с христианских земель.

Однако последующие события перечеркнули триумф Боэмунда IV. Его сын Филипп откровенно раздражал своих армянских подданных, подчеркивая доблесть своего отца и франков, именуя армян «народом землепашцев», отказавшись даже отпустить бороду — непременный восточный атрибут мужчины. При любом возможном случае он отбывал к отцу — в Антиохию. Более того, он переслал в дар отцу регалии и трон

Владения князя Боэмунда IV Одноглазого и его сына — короля Филиппа де Пуатье в 1222–1224 гг.

короля Левона. Поведение короля естественным образом подтолкнуло армянских баронов к союзу со старым бальи Армении — Константином Хетумидом, выставлявшим себя как поборника армян в их войнах с франками. В 1224 г., во время очередного путешествия в Антиохию, в крепости Тель-Хамдун король Филипп был схвачен своими же воинами и разлучен с молодой королевой.

Боэмунд IV не посмел ввести войска в Киликию, опасаясь за жизнь своего сына. Константин Хетумид предпочел сыграть с Боэмундом IV злую шутку: в 1226 году бальи Армении все же выдал Боэмунду IV его сына, но перед выдачей юного короля — обманом или силой — вынудили выпить чашу с ядом. Он умер на руках у своего отца. После этого князь Боэмунд IV вторгся в Киликию, совместно с Румским султаном Кайкобадом, войска которого недавно громил во главе армии королевства Армения. Крайне примечательно, что за Боэмундом IV в этой войне отказались следовать как госпитальеры (с которыми он находился в состоянии открытой войны с 1219 г.), так и тамплиеры, не желавшие отныне рисковать своими владениями в Армении. Кампании Боэмунда IV и султана Кайкобада не привели к каким-либо территориальным захватам: как и ранее, они были сведены к разорению христианских поселений и сельских монастырей. Наибольшего успеха достиг султан, чьи войска, по словам Ибн аль-Асира, захватили «четыре крепости» между реками Кидн и Пирам.

Пятый, завершающий этап войн Антиохии-Армении составляли последние кампании Боэмунда IV и Боэмунда V, имевшие место в 20–30-х гг. XIII в.

Территории королевства Армения и княжества Антиохии-Триполи после 1226 г.

Последняя кампания, которая князь Боэмунд IV инициировал в Киликии, состоялась в 1226 г., в год смерти короля Филиппа. После этого князь Боэмунд IV вторгся в Киликию, совместно с румским султаном Кайкобадом войска которого недавно громил во главе армии королевства Армения. Крайне примечательно, что за Боэмундом IV в этой войне отказались следовать как госпитальеры (с которыми он находился в состоянии открытой войны с 1219 г.), так и тамплиеры — не желавшие отныне рисковать своими владениями в Армении. Кампании Боэмунда IV и султана Кайкобада не привели к каким-либо территориальным захватам: как и ранее, они были сведены к разорению христианских поселений и сельских монастырей. Наибольшего успеха достиг султан, чьи войска, по словам Ибн аль-Асира, захватили «четыре крепости» между реками Кидн и Пирам, которые тем не менее вскоре пришлось оставить. Румские тюрки, довольствуясь захваченной добычей, покинули королевство.

Меж тем, Боэмунд IV стал готовить новую кампанию против Киликийской Армении. Однако Константин Хетумид, укрепивший свою власть над Киликией и насильно выдавший юную королеву Изабеллу за одного из своих младших сыновей — Хетума I, заключил союз с Алеппским эмиратом. Если в 1216 г. стареющий султан Аз-Захир довольствовался дарами и дипломатическими уступками короля Левона I и сохранил нейтралитет, то в 1226 г. регент Алеппского эмирата — Шихаб ад-Дин Тогрил (правивший от имени малолетнего сына Аз-Захира — Аль-Азиза Мухаммеда) сам стал готовиться к вторжению в пределы княжества Антиохийского. Боэмунд IV, получив сведения от своих информаторов об этих планах, тем не менее предпочел проигнорировать угрозу и начал новое вторжение в Киликию.

Когда его армия пересекла Аманос и стала на переправах реки Пирам/Джейхан, пришли известия о вторжении Тогрил-бека. Его аскар, разорив земли меж Оронтом и Аманосом, осадил Баграс и перекрыл Боэмунду IV пути отступления в Сирию. Тамплиеры, отказавшиеся изначально присоединиться к походу Боэмунду IV, ныне обратились за помощью к князю: освобождение Баграса было и в его кровных интересах. К чести Одноглазого князя как полководца, он смог оторваться от преследования войск Константина Хетумида, пробиться со своей армией через перевал Аль-Балан, снять осаду Баграса и принудить Тогрила к отступлению. Так завершилась последняя война князя Боэмунда IV Одноглазого против королевства Армения. Последующие семь лет его правления были связаны с событиями на южных рубежах его государства: прибытием в Левант Фридриха II Гогенштауфена, участия в войне священно-римского императора против Ибелинов на Кипре, и наконец — в затяжной войне князя против ордена госпитальеров.

Финальная кампания в череде войн Антиохии-Армении была инициирована сыном Одноглазого князя — Боэмундом V. В 1237 г. князь Боэмунд V, совместно с магистром ордена Храма Арманом де Перижором совместно приступили к подготовке новой наступательной кампании против киликийского королевства. Причиной для похода послужили волна репрессий короля Хетума I против тамплиеров в Киликии и показательная казнь (повешение) нескольких братьев-рыцарей Храма. Однако, как только кампания началась, король Хетум I вступил в переговоры с тамплиерами и возвратил ордену все конфискованное имущество: довольствуясь компенсацией, Арман де Перижор отказался от похода. Брошенный союзниками, Боэмунд V тем не менее пересек со своими войсками Аманос. Однако сил Боэмунда V было явно недостаточно для серьезного завоевания: его войска, довольствуясь разорением нескольких поселений между Аманосом и водами Джейхана, вынуждены были вернуться в Сирию. Поход 1237 г. завершил череду войн Антиохии-Армении.

Правление сына Боэмунда V — князя Боэмунда VI Красивого — ознаменовало не только окончательное умиротворение на северных границах княжества Антиохийского, но и заключение тесного союза между королевством Армения и княжеством Антиохии-Триполи. В 1254 г., при посредничестве короля Франции Людовика IX Святого, был заключен династический брак между князем Боэмундом VI Красивым и дочерью короля Хетума I — Сибиллой. Боэмунд VI не только перешел на положение союзника, но фактически стал вассалом Хетума I, который оказывал значительное влияние на политику своего зятя. В 1258 г., когда Боэмунд VI столкнулся с восстанием своих вассалов и, проиграв битву у стен своей столицы, оказался осажден-

ным в Триполи, король Армении Хетум I предпринял первую в истории двух государств интервенцию в столицу своего южного соседа: во главе флотилии, на борту которой было более 200 армянских воинов, Хетум I прибыл в Триполи и лично выступил в роли арбитра, примилив князя и его вассалов.

Именно Хетум I выступил инициатором признания сюзеренитета монгольского хана Хулагу: в 1260 г. он принес клятву верности Хулагу-хану и вскоре — после разорения Алеппо — принудил к этому же шагу Боэмунда VI. Оба государства — и княжество Антиохии-Триполи, и королевство Армения — вступили в войну с мамлюками на стороне монголов. Ставка на монголов не оправдала надежд христианских монархов северной части Леванта. К 1268 г. Антиохия была стерта с лица земли, а все значимые киликийские города разорены дотла. Тем не менее союз между королевством Армения и княжеством Антиохии-Триполи сохранялся вплоть до падения последнего в 1289 г.⁶

Итак, обратимся к факторам и конфликтам идентичности в войнах Антиохии-Армении.

Мусульмане

Наименьший уровень внутреннего конфликта прослеживается среди мусульман. В войнах Антиохии-Армении альянсы исламских государей с христианами всегда были направлены против христиан. Ни румские султаны, ни султан Аз-Захир Алеппский не сталкивались с необходимостью поднять меч против своих единоверцев. В этом отношении Аз-Захир был свободен от той «проблемы», которая преследовала его отца Салах-ад-Дина: как известно, основатель династии Айюбидов чаще воевал именно с мусульманами, а не с христианами, и оправдывал свою репутацию узурпатора последующим джихадом против крестоносцев.

При этом крайне интересна заинтересованность и вовлеченность Аз-Захира в жизнь христиан. В молодости он возглавлял аскары своего отца в войне против княжества Антиохийского (кампания 1197 г., когда князь Боэмунд III Антиохийский кратковременно отбил у Айюбидов портовые города Латакии и Джабалы). Затем Аз-Захир на протяжении многих лет

⁶ К примеру, последний князь Антиохии-Триполи — Боэмунд VII — был не просто сыном армянской принцессы Сибиллы и внуком Хетума I: завершающие годы его воспитания прошли при дворе короля Левона II Хетумида, который лично совершил его посвящение в рыцари. Сам Левон II был посвящен в рыцари при участии предшествующего князя Антиохийского — Боэмунда VI Красивого.

оставался самым верным союзником князя Боэмунда IV: он и его армия спасали Боэмунда IV на протяжении более 10 лет (вплоть до 1213 г.), каждый раз вступая в войну против королевства Армения по просьбе государя Антиохии-Триполи. Этот альянс кажется тем более парадоксальным, если учесть, что он совершенно не мешал этим двум правителям периодически вести войну друг против друга. В 1205 г. князь Боэмунд IV, во главе антиохийского и триполийского рыцарства и контингентов военно-монашеских орденов, внезапно напал на своего союзника и занял полуразрушенные портовые города — Латакию и Джабалу. Разрушив последние укрепления указанных городов, Аз-Захир отступил, что не помешало ему в следующем же году выступить в поддержку Боэмунда IV против короля Левона, от которого он и его аскар потерпели сокрушительное поражение в битве на равнине Амк, близ Антиохийского озера. В 1213 г., после внезапного убийства ассасинами своего старшего сына и наследника — Раймонда — князь Боэмунд IV объявил войну «старцу Горы» и вторгся на земли ассасинов. Те, в свою очередь, обратились за помощью к Аз-Захиру, который не преминул ее оказать. Султан Алеппо не только явился к стенам осажденной столицы исмаилитов во главе своего аскара, но и отправил часть своих войск к Латакии; впрочем, эта часть войска Аз-Захира была частью перебита, частью пленена силами Боэмунда IV. Эта последняя кампания — закончившаяся обменом пленных и возвращением status quo — все же, вероятно, охладила отношения двух государей, так как с этого момента они уже не вели совместных боевых действий. Так или иначе, влияние Аз-Захира было таковым, что в 1210 г., когда папа римский Иннокентий III отправлял на Восток нового латинского Патриарха Антиохии — Петра II Извейского, после того как Одноглазый князь фактически убил (затравил голодом) предыдущего, понтифик обратился за поддержкой к единственному человеку, кто мог повлиять на Боэмунда IV: к «благороднейшему султану Алеппскому», который, откликнувшись на просьбу понтифика, выступил гарантом безопасности нового латинского первоиерарха. Связь с христианским миром со стороны Аз-Захира, его семьи и двора сказывалась и позднее: уже после смерти Алеппского султана, в 1217 г., его брат — Гази ибн Юсуф ибн Айюб — организовал придворный диспут между мусульманами, иудеями и христианами. Представлять последних был приглашен известный проповедник и богослов из Лавры Св. Симеона Дивногорца — Джирджи ар-Рахиб (Георгий Монах)⁷.

⁷ Nasrallah J. Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon // Syria. 1972. Tome 49 (1–2).

Что касается «конфликта идентичности» мусульманских правителей Анатолии, Сирии и Месопотамии, то он явно прослеживается в столкновениях, предшествующих и последовавших за рассматриваемым циклом войн Антиохии-Армении. Среди этих конфликтов следует прежде всего назвать время ромейской реконкисты (вторая половина X — начало XI в.), когда Алеппский эмират, эмират Амиды (Диарбекира) и ряд тюркских владений на Тигре и Евфрате оказались на положении данников Византии. Это безусловно период правления эмира Рывдвана Алеппского (1095–1113 гг.), изначально бывшего одним из главных и наиболее опасных противников крестоносцев, а затем — после ряда поражений — оказавшегося на положении союзника и данника князя Танкреда Антиохийского. И конечно же это время монгольских вторжений на Ближний Восток (1260–1323 гг.): от времени правления Хулагу-хана, когда румские султаны и тюркские эмиры Малой Азии принуждены были признать себя подданными монголов и поставлять войска Хулагу этому, пожалуй, наиболее успешному и жестокому «истребителю мусульман», до правления хана Газана (1295–1304 гг.) и последних походов монголов в Сирию. В этой связи личность хана Газана представляет особый интерес, поскольку именно с него начинается активная фаза исламизации Ильханата; при этом, этот принявший ислам монгольский христианин-несторинин совместно со своими христианскими подданными и союзниками (восточногрузинскими царями, королями Армении) продолжал походы против мусульман Сирии, ставя под угрозу их гегемонию в Леванте. Как и Аз-Захир, личность Газана и его правление несомненно являются одним из наиболее перспективных направлений для дальнейших исследований мусульманско-христианских связей в средневековой Сирии, а полноценная научная биография этого монгольского правителя до сих пор остается ненаписанной.

Франки

Наибольшая степень «конфликта идентичности» прослеживается в среде франков. Здесь не стоит проводить черту между уроженцами Запада и рожденными в Леванте «заморскими» франками. Подобное разделение, крайне популярное в историографии XIX–XX вв. и «увековеченное» плеядой блестящих историков — от Густава Шлюмберже до сэра Стивена Рансимена, — наконец-то сходит на нет в современных исследованиях. Противопоставление пришедших с Запада крестоносцев и погрязших в восточной

роскоши франкских уроженцев Леванта играло гораздо большую роль в благочестивой, часто — полемической литературе XII—XIII вв. (самим ярким представителем которой, бесспорно, был епископ Акры Жак де Витри). В реальной жизни подобное противопоставление крестоносцев «первого поколения» и левантйских франков фактически не имело места. Оно крайне слабо отразилось как на политической жизни, так и на быте. Если брать непосредственно интересующий нас период — войн Антиохии-Армении, можно обратиться к такому небольшому, но символически важному, бытовому вопросу, как ношение бороды. Если уроженец Запада — король Бодуэн II де Бург — осев в Сирии, отпустил бороду, то рожденный на Востоке, левантйский франк в четвертом поколении король Армении Филипп де Пуатье отказывался отращивать бороду, следуя раннеготической, французской моде и раздражая тем самым своих армянских подданных.

Подлинное разделение между франками проходило по совсем иным — иногда сословным, иногда политическим — причинам. Франкская знать Антиохийского княжества открыто симпатизировала и в значительной части переходила на службу к королю Армении, государю, способному дать им новые фьефы в плодородных долинах Киликии. Латинское бюргерство Антиохии, напротив, консолидировалось с православным населением города (ромеями/«греками», мелькитами/«сирианами»), создав коммуну и отчаянно сопротивляясь планам Левона по аннексии северной Сирии. Оберегая свои торговые интересы, латиняне Антиохии естественным образом унаследовали симпатии и антипатии православного населения, сопротивлявшегося усилению армян со времен второго византийского правления. В то время как ближайшие соратники и рыцари старого князя Бозмунда III переходили на службу к Левону, сановники и слуги княжеского дворца — как франки, так и восточные христиане — готовы были с риском для жизни встать на защиту родного города, отбивая натиск армянского владыки и его воинов. То есть здесь мы явно наблюдаем доминирование сословной идентичности над религиозной, этноконфессиональной или языковой.

Также нельзя не отметить, что именно антиохийские франки оказались наиболее открытыми к переходу в лоно восточных Церквей, и к принятию их богослужебных обрядов. Именно антиохийские франки — точнее знатная супружеская пара Ренье и Констанции — выступили инициаторами строительства сиро-яковитского храма Св. Бар Саумы в черте городских стен Антиохии: заступничеству этого святого они приписывали исцеление своего сына, а новый храм стал местом паломничества не только для сирийских миафиситов, но и для франков (пыль с места исцеления/

воскресения ребенка собрала и хранила в своей молельне княгиня Констанция Антиохийская, мать Боэмунда III). Князь Боэмунд III и его сестра Мария Антиохийская перешли в византийский обряд; пусть это и было вынужденное, продиктованное политическими соображениями обращение, кратковременное в случае Боэмунда III, но пожизненное для его сестры. Еще более примечательным стал кратковременный переход в лоно Православной Церкви князя Боэмунда IV и его окружения в 1206–1210 гг. После поставления в городе православного Патриарха Симеона II ибн Абу Шаиба и отлучения от церкви, наложенного на князя и его соратников Римом, Боэмунд IV с семьей, свитой и сторонниками открыто посещал богослужения и участвовал в таинствах, совершаемых православным клиром. Сын Боэмунда IV — Филипп — пусть и номинально, но перешел в лоно Армянской Церкви, на тот момент отвергнувшей унию с Римом.

Миграция франкской знати на земли Киликии, вратами в которую останется Антиохия и ее княжество, будет продолжаться и усиливаться на протяжении большей части XIII в. При этом многие франки или полукровки, рождавшиеся от смешанных браков, будут также переходить и в лоно Армянской Церкви. Еще в середине XIX в., во время своего путешествия по Киликии, французский исследователь Виктор Ланглуа видел армянское Евангелие, созданное в 1248 г. по приказу Жоффруа, сира Ада-нь⁸. Такие фигуры, сохранявшие франкские имена, но становившиеся патронами и прихожанами Армянской Церкви, во многом были определяющими для истории королевства Армения.

Православные

В рассматриваемый период ближневосточное православие отнюдь не представляло собой сколь-либо монолитную общность — «греческую» или «арабскую»: православные общины Ближнего Востока были разделены в вопросах языка, богослужебного обряда, подданства, иерархии, фактически во всем, кроме самого исповедания веры. Православное присутствие на Ближнем Востоке было представлено грекоязычными (ромейскими), сиро- и арабоязычными (мелькитскими), армяно-халкидонитскими, грузинскими и иными общинами⁹.

⁸ *Langlois V. Voyage dans la Cilicie et dans les montagnes du Taurus*. Paris, 1861. P. 352.

⁹ Согдийскими, персидскими, тюркскими, небольшими общинами державшихся мелькитской веры коптов Египта.

При этом крайне важно, что православным общинам в этот период было чуждо анклавное мышление, вполне укоренившееся в их среде как в эпоху предшествующего арабо-мусульманского господства, так и в последующие периоды мамлюкского и османского правления. Очевидно, что эпоха ромейской реконкисты — при всей ее несомненной жестокости — сумела вселить в христианское население и непосредственно в православные общины уверенность в том, что они являются полноценными игроками, а не пассивными наблюдателями и зажатыми в анклав «советниками» определяющих политических сил и группировок региона.

Православное население Антиохии активно выступило против притязаний армянского монарха, консолидировавшись с латинским бюргерством и создав коммуну. Вызывая открытую и бессильную ярость римского понтифика и латинских патриархов, «греки» Антиохийской коммуны поддерживали князя Боэмунда IV, облагали налогами латинскую Церковь и добились восстановления в Сирии православного патриархата (то, чего фактически не смогли добиться ромейские василевсы на протяжении всего XII столетия). При этом, если православное население Антиохии и северной Сирии было одним из столпов, на который опирался князь Боэмунд IV, православное население Тарса и Селевкии Исаврийской играло не менее активную роль в политике Киликии, поддерживая притязания Раймонда-Рубена на престол Армении.

Поддержки православного населения, представленного монастырями, клиром, горожанами (ростовщиками, владельцами цехов, купцами), а в Киликии еще и аристократии, искали как Боэмунд IV, так и Левон I Великий. Ради этой поддержки оба государя — первый в 1206–1210 гг., второй в 1210–1216 гг. шли на открытый разрыв с Римом, выступая в роли прямых покровителей православного Патриарха Антиохийского Симеона II ибн Абу Шаиба и его клира. Ведущую роль в войне за Антиохийское наследство играл православный соратник Левона I Великого: Адам, сир Баграса, сенешаль королевства Армения, державшийся, как сказано в армянском переложении хроники Михаила Сирийца, «греческой веры»¹⁰. Именно этому православному барону умирающий Левон доверил свою малолетнюю дочь Изабеллу и регентство над королевством.

XIII в. стал эпохой расцвета православия в Леванте, временем возрождения православного Патриархата Антиохийского. Однако щедрый

¹⁰ Об исповедании Адама и ссылаках на упоминание о его веры в средневековых текстах, см. *Dédéyan G. Les listes «féodales» du pseudo-Smbat. Cahiers de civilisation médiévale. 1989. Vol. 32 (№ 125). P. 31.*

патронаж, оказываемый православным и их патриархату князьями Антиохии-Триполи и королями Армении, взаимодействие «греков и сириан» с латинянами в Антиохийской коммуне, а также в придворной, культурной и торгово-экономической жизни киликийских и сиро-ливанских городов, взаимное культурное влияние (нашедшее отражение в costume, искусстве, архитектуре) — все это отнюдь не являлось движущим или сколь-либо значимым фактором в вопросах церковного сближения православных и латинян. В XVIII—XX вв. и православные, и греко-католические историки и апологеты пытались (и пытаются по сей день) апеллировать именно к этому периоду, к эпохе крестовых походов, искусно и не всегда добросовестно подбирая факты из ткани ближневосточной истории. Однако сколь-либо внимательное рассмотрение истории указанного периода неизменно подтверждает тот факт, что Антиохийский Патриархат XI—XIV вв. дал достаточное число как сторонников, так и противников унии. Антиохия, Черная гора и прочие центры православия на Ближнем Востоке предоставили миру в достаточной мере равное число как желавших, так и противившихся идее восстановления общения с Римом; причем апологеты двух противоположных позиций выходили из одних и тех же центров (городов, монастырей, кругов).

Папские послания, призывающие игуменов и клир православных «греков, сирийцев, армян, грузин» вернуться в подчинение латинскому священноначалию, свидетельствуют о том, что большая часть православных монастырей и общин с готовностью вышла из подчинения латинскому епископату, причем при полном попустительстве франкской светской власти (князя, феодалов, Антиохийской коммуны). В то же время послание папы Николая III князю Боэмунду VII¹¹, призывающее его отказаться от посягательств на имущество и клир греков и сириан, дабы они могли добровольно остаться в послушании Римской Церкви, свидетельствует о том, что в Латакии, Валании, Тартусе, Триполи, Ботроне, Библе (Гибелете) и других городах сиро-ливанского побережья в указанный период существовали как противники гегемонии понтифика, осуждавшие «латинян», так и общины покорные Риму. К сожалению, мамлюкские разорения и малочисленность источников никогда не позволят в полной мере воссоздать культурный ландшафт и адекватное представление о соотношении и жизни «проуниатской» и «антиуниатской» ветвей ближневосточного православия XII—XIII вв.

Тем не менее, нельзя не отметить, что сближение православных с франками, культурное взаимопроникновение, фактически ни коим обра-

¹¹ Gay J., Vitte S., ed. *Les Registres de Nicholas III*. Paris, 1898. No 520.

зом не способствовало идее сближения церковного. Лучшим примером этого служит то, что «греки» Антиохийской коммуны, которые с одной стороны с удивительной готовностью и пониманием восприняли идею итальянского коммунального движения и городского уклада, но с другой — именно благодаря образованию коммуны — стали инициаторами воссоздания православного Патриархата и максимального ослабления латинской Церкви в Леванте.

Армяне

Крайне интересны парадоксы идентичности армян, переживавших в указанный период расцвет своего последнего — до XX в. — государства. К сожалению, эта страница армянской истории часто становится жертвой националистических фантазий поздних авторов и не всегда добросовестных исследователей.

Зарождение нового армянского государства и совершенно новой государственности — под мощным воздействием ромеев, франков, а со второй половины XIII в. — монголов — требовало радикальной адаптации к новым условиям и одновременно открывало новые векторы и перспективы развития. Левон I Рубенид и его современник Архиепископ Тарса Нерсес Лампронаци стояли во главе этого курса по сближению как с византийским, так и с латинским миром.

При этом, несомненно, имела место гордость за армянское наследие, гордость за свое прошлое, свою веру, свой язык. На серебряных драмах короля Левона I отчеканен титул «царь/тагавур всех армян», что явно выдает притязания этого монарха и его преемников на роль главы всего армянского народа, а не только многонационального населения Киликии. Гордость армян неоднократно будет проявляться в годы войн Антиохии-Армении: это было видно и в высокомерном поведении Хетума Сасунского и его воинов в Антиохии, что вызвало восстание населения в 1193 г., и в низвержении короля Филиппа Антиохийского в 1224 г. Однако доминирующим фактором в истории и культурной жизни Киликийской Армении все же оставалась эта дихотомия между армянской гордостью и обращением к латинскому и византийскому миру. На монетах Левона титул «тагавур всех армян» соседствует с весьма примечательным изображением короля, восседающего на львином троне, в византийском венце и с французской геральдической лилией на державе.

Если рассматривать само политическое видение Левона для его королевства и исходя из двух заложенных им вариантов престолонаследия, то престол так или иначе должен был отойти к латинянам (причем по крови — именно к антиохийским франкам): либо к Раймонду-Рубену, либо к Изабелле и ее жениху Андрашу, сыну короля Венгрии и внуку антиохийского князя Рено де Шатильона. Сенешалем и, позднее, регентом королевства, как уже было сказано, Левон I оставил барона «греческой веры» Адама Баграсского. Также нельзя не отметить, что после первой, неудачной попытки захвата Антиохии и резких действий армянина-миафисита Хетума Сасунского, вызвавших восстание православного населения, Левон доверил приграничную марку своего королевства и обязанность ведения затянувшейся войны именно «греку» по вере — Адаму. Это вновь свидетельствует об умении Левона выстраивать сложные и сбалансированные отношения как внутри его владений, так и на границах его королевства.

Хетумиды, в свою очередь, в 1220-х гг. выступали как поборники армянского сопротивления против засилья «греков» и франков. Однако эти настроения отнюдь не стали доминирующими: армянские бароны посадили на престол франка — Филиппа де Пуатье, а после его низвержения и перехода престола к Хетумидам «проармянские» симпатии бабьи Константина не повлияли ни на присутствие франков и ромеев/армян-халкидонитов при дворе, ни на патронаж, оказываемый латинским военно-монашеским орденом и православному Антиохийскому Патриархату, ни на династические браки, ни на устройство двора с его сенешалами, коннетаблями, маршалами, канцлерами, церемониальными посвящениями в рыцари и т.д.

Противоборство между профранкской и проармянской партиями сохранялось в королевстве Армения на протяжении XIII–XIV веков. Оно нашло свое выражение в постоянных переговорах, заключениях и расторжениях унии Армянской Церкви с Римом, в кровопролитной борьбе между династией Лузиньянов и младшими ветвями рода Хетумидов. Масштабным его выражением стало убийство короля Ги/Константина II де Лузиньяна, его брата Боэмунда и 300 франков в Адане 17 апреля 1344 года. Это противостояние сохранялось вплоть до правления последнего короля Армении — Левона V де Лузиньяна и падения киликийского королевства. Разделения эти продолжатся и позднее, рассекая Армянскую Церковь на миафиситскую и католическую ветви. При этом обе традиции сохраняют целый ряд византийских и римских элементов, воспринятых в годы культурного расцвета Киликийской Армении.

Заключение

При всей приверженности средневекового человека к религии, религиозные чувства и запреты подчас никоим образом не сдерживали и не останавливали его стремления к культурному обмену, торговле, его желание поднять меч против единоверца или выступить в поход против своих же собратьев по вере бок о бок с «еретиком» или даже с «язычником». Об этом свидетельствует средневековая история XI—XIII вв., от половецких альянсов Владимира Мономаха или разорения Киева армией Андрея Боголюбского до резни в Ланне при Людовике VII Молодом, и рассматриваемой в данной статье череды войн Антиохии-Армении.

Не нужно также отождествлять культурный обмен с экуменизмом. Подчас близость восточных христиан (мелькитов, армян, маронитов) к христианам латинским приводила первых к идее подчинения Риму: но слишком часто и в гораздо большей мере растущая уверенность в собственном религиозном превосходстве никак не препятствовало тем же православным, миафиситам, маронитам, несторианам принимать элементы латинского костюма, придворной и городской жизни, готической архитектуры (великолепным свидетельством последнего остаются храмы кипрского «Нового Иерусалима» — Фамагусты).

Точно так же не стоит строить иллюзий насчет «адаптации» поздних поколений франков, рожденных на Востоке, или о снижении градуса напряжения в отношениях латинян с восточным населением. Выходцы с Запада, такие как Танкред или Бодуэн II де Бург, проявляли гораздо большее понимание народов Востока, нежели франкские уроженцы Леванта, такие как Раймонд II Триполийский (устроивший резню сирийских христиан в Аль-Куре) или король Филипп де Пуатье. Двухвековое сосуществование франков и армян и обилие смешанных браков никак не способствовали снижению напряжения или повышению взаимопонимания между «латинской» и «армянской» партиями, свидетельство чему — вышеупомянутая резня в Адане в апреле 1344 г.

Многосложность культуры Латинского Востока до сих пор остается во многом непонятой и недооцененной. Печально наблюдать за попыткой ряда искусствоведов определить памятники левантйской иконописи XII—XIII вв. как «Crusader icons» и «Crusader Art». Этот термин еще более убого звучит на русском: «иконы крестоносцев», «крестоносные иконы», что невольно поселяет в умах исключительно образ членов военно-монашеских орденов, укрывшихся в своих замках и укрепленных городах.

На наш взгляд, гораздо более приемлемым и точным является термин «Латинский Восток», «искусство/культура Латинского Востока», потому что он обозначает собой не историю движения, а культурный ландшафт, пространство от нормандской Сицилии до Трансиордании, от дворцового квартала Палермо до уничтоженных мамлюками франкских дворцов Бейрута, Сидона, Триполи; это пространство объединяющее латинский, восточнохристианский и исламский миры. Пространство, в котором православный выходец из Антиохии, разорвавший византийские города «эмир эмиров» Георгий заказывал у константинопольских мозаичистов украшение своей придворной церкви в дворцовом квартале Палермо, а братья ордена госпитальеров, воздвигнувшие в горах над Валанией один из самых передовых раннеготических замков — Маркаб/Маргат, заказывали украшение его капеллы у сирийских художников (хотя они могли смело вызвать любую латинскую или византийскую артель, которая прибыла бы на тех же кораблях, на которых они завозили лошадей, амуницию и строительный материал). Лучшим примером этого мира может служить христианин «сирианин», подрывающий авторитет Рима и латинской иерархии, но способствующий укреплению франкской светской власти, от которой зависело его благосостояние, носящий западный костюм — с коттой, сюрко и калем и вкладывающий средства в строительство своего, православного, но при этом — готического храма.

Латинский Восток — это крайне тесное пространство, географически зажатое между горами и морем; его населенные пункты состояли из скованных укреплениями городов, монастырей и сельских поселений. Законы и паттерны культурного обмена этого пространства в полной мере еще не проанализированы и не введены в научный обиход. Это пространство, ломающее стереотипы об «идентичности» и традиционных установках средневекового мира и Ближнего Востока, что в полной мере демонстрирует и история войн стертых с лица земли княжества Антиохийского и киликийского королевства Армения.

REFERENCES

1. *Arnoldi Chronica Slavorum*. Hannover, 1868.
2. *Bar Hebraeus*. *Chronography* // Ed. & trans. E.A. Wallis Budge. London, 1932.
3. *Bedrosian R., ed.* The Armenian Chronicle of Sempad, or of the 'Royal Historian'. New Jersey, 2005.
4. *Bedrosian R., ed.* The Chronicle attributed to King Hethum II. New Jersey, 2005.
5. *Brun S.P.* The Byzantines and the Franks in Antioch, Syria and Cilicia in the 11th-13th centuries [Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI—XIII vv.]. Moscow, 2015.
6. *Brun S.P.* The Churches of the East before a Crusader Lord of Outremer: Prince Bohemond IV the One-Eyed and the Christians of the Levant [Cerkvi Vostoka pred krestonosnym pravitelem Zamorskoj zemli: knjaz' Bojemund IV Odnoglazjy i hristiane Levanta]. The Historical Reporter [Istorichaskij vestnik]. Vol. 20. Moscow, 2017.
7. *Cahen C.* La Syrie du Nord a l'epoque des Croisades et la principaute franque d'Antioche. Paris, 1940.
8. *Delaville le Roulx J., ed.* Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem (1100–1311). Paris, 1894.
9. *Dédéyan G.* Les listes «féodales» du pseudo-Smbat // Cahiers de civilisation médiévale. 1989. Vol. 32 (№ 125).
10. *Fulcheri Carnotensis*. *Historia Hierosolymitana*. Heidelberg, 1913.
11. *Gay J., Vitte S., ed.* Les Registres de Nicholas III. Paris, 1898. No 520.
12. *Guiragos de Kantzag*. Extrait de l'Histoire d'Arménie // RHC Arm. I. Paris, 1869.
13. *Ibn al-Athir*. Al-Kamil fi al-Tarikh // RHC Orient. I. Paris, 1872.
14. *Innocentius III Pontifex Romanus*. *Epistolae* // PL. Vol. 214. Paris, 1855.
15. *Langlois V.* Voyage dans la Cilicie et dans les montagnes du Taurus. Paris, 1861.
16. Les gestes des Chiprois. Geneva, 1887.
17. L'Estoire de Eracles Empereur et la conquete de la terre d'Outremer // RHC Occ. II. Paris, 1859.
18. *Mathieu D'Edesse*. Chronique de Mathieu D'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre. Paris, 1858.

19. *Michel le Syrien*. Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite. Venise, 1868.
20. *Nasrallah J.* Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon // Syria. 1972. T. 49 (1–2).
21. *Oliver of Paderborn*. The Capture of Damietta // Bird J., Peters E., Powell J. M., ed. Crusade and Christendom. Annotated Documents in Translation from Innocent III to the Fall of Acre, 1187–1291. Pennsylvania State University, 2013.
22. *Riley-Smith J.* The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia // The Cilician Kingdom of Armenia. Edinburgh, 1978.
23. *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. III. Cambridge, 1954.
24. *Röhricht R., ed.* Regesta Regni Hierosolymitani. Innsbruck, 1893.
25. *Samuel d'Ani*. Extrait de la Chronographie de Samuel Ani // RHC Arm. I. Paris, 1869.
26. *Vahram D'Edesse*. La chronique rimée des rois de la Petite Arménie // RHC Arm. I. Paris, 1869.
27. *Vartan le Grand*. Extrait de Histoire Universelle //RHC. Arm. I. Paris, 1869.

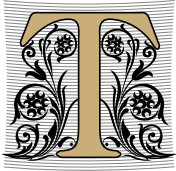

Ключевые слова:

Антиохийское княжество, Киликийская Армения, Левон I Рубенид, Боэмунд IV, Рубениды, Хетумиды, Антиохийский Патриархат, графство Триполи, Алеппский эмират.

Sergey P. Brun

FACTORS OF IDENTITY AND PARADOXES OF SELF-IDENTIFICATION IN THE ANTIOCH-ARMENIA WARS

The article examines a series of factors, connected to the Antioch-Armenia wars, in other words — the cycle of military conflicts between the Crusader Principality of Antioch and the Kingdom of Armenia. This cycle of wars, which raged — with brief interludes — between 1185 and 1226, bled-dry the Christian states of the northern Levant, and can be rightfully called one of the most intense and complex conflicts of the Crusades. There were two motives for the continuing wars: the ambition of the Princes of Antioch to reclaim their rule over the long-lost Cilician Plain, and the opposing desire of the far stronger ruler — the Armenian “Lord of the Mountains” and later on — the King of Armenia — to assert his authority over Antioch.

The cycle of the Antioch-Armenia wars divided the inhabitants of Cilicia and northern Syria in the most paradoxical ways. The “Crusader” ruler of the Principality of Antioch and the County of Tripoli — Bohemond IV — completely ignored the demands and interdicts of the Roman pontiff, literally murdered (or rather — ‘condemned’ to slow and painful death) the Latin Patriarch, restored a Greek Orthodox Patriarchate in Antioch (from which — for about 2 years — he and his nobles accepted the sacraments), along with the Muslim rulers of Syria and Anatolia he continuously raided the Christian lands and settlements of the Kingdom of Armenia... Nevertheless, this excommunicated ruler was supported not only by the Latin population (including a significant part of the nobility) of Syria, but also by the Knights Templar.

Bohemond IV’s main rival — King Leo (Levon) I the Great — proved to be an equally complex statesman, willing to renounce the religious and social ties traditional for the medieval world in order to secure the desired political alliances and to promulgate his own aims. To secure the recognition of his state and regnal title he forced the Armenian Church to accept the Union with Rome (even though the Armenians did have a plethora of the Union’s proponents, including the great theologian — the Armenian Archbishop of Tarsus St. Nerses of Lampron). In his war for Antioch he secured the support of the Knights Hospitaliers and a major part of the Frankish nobility of Antioch. Yet he proved equally acute to the ethno-religious balance in Antioch: if initially (in 1193) he tried to take Antioch used the forces of the fervent Armenian Miaphysite Hethum of Sasoun, later on the first Rex Armeniae entrusted the war for with the

predominantly Greek Orthodox city and Principality to a Chalcedonian Armenian (Greek Orthodox) baron — Adam of Baghras. In his attempts to secure the sympathies of northern Syria's population, King Leo I welcomed the Greek Orthodox Patriarch of Antioch in his kingdom and handed over to him a significant part of ecclesiastic properties, confiscated from the Latin Church. This step, naturally, ensured a papal excommunication for the newly-enthroned 'Catholic' king. But even after a formal excommunication from the Roman Church, Leo I continued to enjoy the support of two Catholic military orders — the Hospitaliers and the Teutonic Knights. Also, this monarch — whom later-day Armenian historiography viewed as a hero of Armenian nationalism — left his kingdom to a regent who was an adherent of the "Greek faith", and a suitor for his young daughter — whom — in any scenario would be a Latin.

Obviously, the article examines not only the motivation of the heads of state, but also of social, regional and ethno-religious communities that made this series of wars and a radical deconstruction of medieval norms and alliances possible.

The author also examines the traditional chronology of this war cycle, especially the campaigns of the so-called War for the Antiochian Succession.

Key words: Principality of Antioch, Cilician Armenia, Leo I Roupenid, Bohemond IV, Roupenides, Hethumides, Patriarchate of Antioch, County of Tripoli, the Emirate of Aleppo.

Sergei P. Brun — Staff member at the Moscow Kremlin Museums.

 Брюн Сергей Павлович

сотрудник Музеев Московского Кремля

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.006

К.А. Панченко

ПАДЕНИЕ ТРИПОЛИ 1289 г. В ВОСПРИЯТИИ ХРИСТИАНСКИХ ОБЩИН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Тибель государств крестоносцев в конце XIII в. привела к радикальным этно-культурным сдвигам в прибрежной полосе сиро-палестинского региона. Речь идет не только об истреблении или изгнании франкского населения, но и о значительном сокращении численности восточно-христианских общин и гибели многих церковных центров. Эти факторы привели к резкому культурному упадку православных арабов в Позднее Средневековье. Военные походы мамлюков сопровождалась целенаправленным разрушением прибрежных городов и кампаниями этнических чисток в горном Ливане, направленными против «еретических» мусульманских общин и христиан, переселениями в регион лояльных мамлюкам племенных групп и попытками насаждения там нормативного ислама.

Важное место в череде военно-политических катаклизмов конца эпохи крестоносцев занимает падение графства Триполи (1289 г.), событие, коренным образом изменившее этническую и религиозную картину северного Ливана.

I. Падение Триполи: исторический контекст

Хотя в июне 1281 г. мамлюкский султан Калавун (1279–1290) заключил с графством Триполи десятилетний мир, шаг этот со стороны мусульман был вынужденным, продиктованным необходимостью не допустить союза крестоносцев с монгольским государством Хулагуидов. Ослабление угрозы с востока после неудачного вторжения монголов в Сирию осенью 1281 г. развязало руки мамлюкам для сокрушения остатков франкских владений на побережье. Графство Триполи, в свою очередь, страдало от внутренних смут: правящий род враждовал со своими вассалами, владельцами Библоса (Джубейля) из генуэзского рода Эмбриацо¹. Раскол произошел и среди ливанских христиан-маронитов, традиционных союзников франков. Марониты представляли собой в некотором роде конфедерацию племен, управлявшихся своими шейхами-мукаддамами с довольно несовпадающими интересами. Если прибрежные общины во главе с патриархом Ирмией ад-Димилсави (1282–1297) сохраняли верность Римско-католической церкви и триполийским графам, то некоторые монашеские лидеры, избравшие собственного патриарха Луку аль-Бнахрани, отпали от унии с Римом и увлекли за собой племена высокогорной области Бшарри. Именно этот регион в 1283 г. подвергся набегу союзников мамлюкского султана — туркменского войска, перешедшего Ливанский хребет по перевалам со стороны долины Бекаа. Маронитские селения высокогорья одно за другим пали под ударами мусульман; население было частью вырезано, частью угнано в плен. В плену оказался и патриарх Лука — дальнейшая его судьба неизвестна².

Постепенно Калавун выбивал франков с северных подступов к Триполи. В 1285 г. мамлюки взяли замок госпитальеров Маграт в горах Джебель Алави. В апреле 1287 г., после землетрясения, разрушившего стены Латакии, мусульманская армия овладела и этим городом. Смерть в октябре того же года триполийского графа Боэмунда VII привела к конфликту за власть между наследниками правящей династии (сестрой Боэмунда Лючией, поддержанной духовно-рыцарскими орденами Заморья) и триполийской коммуной, объединившей знать и горожан Триполи, и возглавленной Бартоломео Эмбриацо из рода сеньоров Гибелета (Джубейля). Коммуну поддержа-

¹ См. подробности: *Брюн С.П.* Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии. Т. 2. М., 2015. С. 524–530.

² *Salibi Kamal.* The Maronites of Lebanon under Frankish and Mamluk Rule (1099–1516) / *Arabica*, IV (1957). P. 294–295; *Salibi Kamal.* Maronite Historians of Medieval Lebanon. Beirut, 1959. P. 63.

Оборона Триполи. Средневековое изображение. Ms Add 27695 Fol. 5

да Генуэзская республика, взамен получившая в городе новые привилегии и недвижимость. Между союзниками вскоре начались трения: Бартоломео мечтал о престоле триполийского графа и искал поддержки султана Калавуна, триполийская коммуна и генуэзцы согласились признать власть Лючии при условии сохранения всех привилегий, данных Генуе. Резкое усиление этой торговой республики на ливанском побережье грозило установлением ее контроля над всем Восточным Средиземноморьем и в том числе внешней торговлей египетской Александрии. По мнению некоторых исследователей, именно эти опасения, а не заранее продуманные стратегические планы, побудили мамлюкского султана предпринять поход на Триполи³.

Выступление на войну готовилось в августе 1288 г., однако было отложено из-за внезапной смерти от болезни наследника престола аль-Малика ас-Салиха Али, вызвавшей политический кризис в мамлюкской элите⁴. Дизентерийная бактерия, погубившая султанского сына, подарила

³ Irwin R. The Middle East in the Middle Ages. The Early Mamluk Sultanate 1250–1382. L., 1986. P. 75; см. также: Runciman S. A History of the Crusades. Vol. 3. Cambridge, 1951. P. 403–405.

⁴ Irwin R. The Middle East in the Middle Ages. P. 75; Ахмад ибн Али аль-Макризи. Кн. таб ас-сулюк ли маарифат дуваль аль-мулюк. Ч. II. Бейрут, 1997. С. 206–207 (далее: аль-Макризи).

лишние полгода жизни тысячам триполийцев и мусульманских воинов. Только в начале февраля 1289 г. султан Калавун во главе элитного корпуса египетских мамлюков выступил из Каира, разослав указания сирийским наместникам собираться со своими войсками в Дамаске.

Из всех арабских описаний триполийской кампании наиболее широко известен рассказ историка и географа Абу-ль-Фиды (1273–1331), лично участвовавшего в осаде города. Однако значительно большее влияние на ближневосточную историографию оказал другой хронист мамлюкской эпохи — Ибн ад-Давадари (ум. после 1335 г.), чей отец также принимал участие в походе на Триполи и сохранил ряд уникальных свидетельств о происходивших там событиях. Сведения Ибн ад-Давадари воспроизвел ученый-энциклопедист Шихаб ад-Дин ан-Нувайри (1279–1332), добавив к ним ряд деталей, почерпнутых, видимо, из местных триполийских источников — ан-Нувайри жил в этом городе в 1310–1312 гг. К Ибн ад-Давадари или ан-Нувайри восходят рассказы о взятии Триполи большинства последующих арабских историков, в том числе классика египетской историографии аль-Макризи (1364–1442). Несколько особняком стоит повествование дамаского хрониста Ибн Касира (1301–1373), однако в нем больше ханбалитского пафоса, чем конкретных деталей.

Калавун прибыл в Дамаск 8 марта 1289 г. и через неделю выступил на Триполи. В походе султана сопровождало множество мусульманских духовных авторитетов из Дамаска и Иерусалима, призванных поддерживать моральный дух войска. Для осады было стянуто 19 манжаников-баллист. Историки приводят технические детали — 6 манжаников были франкского образца, остальные — типа *карабага*, чьи характеристики сейчас едва ли возможно установить. Осадные машины обслуживало полторы тысячи человек, в том числе каменотесов, вырубавших ядра для баллист. Триполи непрерывно обстреливали из манжаников и вели подкопы к стенам. По свидетельству большинства арабских историков, осада продолжалась 34 дня. Обрушение двух башен в южной части укреплений и уход из города венецианской и генуэзской эскадр побудили Калавуна отдать приказ об общем штурме во вторник 4-го числа месяца Рабиа II⁵.

⁵ Абу-ль-Фиды, *Имад ад-Дин Исмаил*. Аль-Мухтасар фи ахбар аль-башар. Аль-Кахира, 1325 г.х. Дж. 4. С. 23 (далее: Абу-ль-Фиды); Ибн ад-Давадари. Канз ад-дурад ва джами аль-гурар. Каир, 1971. Т. 8. С. 283 (далее: Ибн ад-Давадари); Ан-Нувайри, Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Абд аль-Ваххаб. Нихайят аль-араб фи фунун аль-адаб. Бейрут, Т. 31. б.г. С. 32–33 (далее: ан-Нувайри); Ибн Касир. Аль-бидайа ва ан-нихайа. Каир, 1998. Т. 18. С. 616 (далее: Ибн Касир); аль-Макризи. С. 211. В источниках встречается замет-

Многие хронисты вставили в свое повествование сюжет о том, как в ходе штурма часть горожан переплыла на лодках на островок триполлийской бухты, известный в европейских источниках как Сен-Николас, и укрылась в находившейся там церкви Святого Фомы. Распаленные битвой мусульманские всадники бросились в воду на конях, по мелководью и вплавь достигли острова и перебили находившихся там мужчин, а женщин и детей забрали в плен. Абу-ль-Фида вспоминал, что через какое-то время после бойни подошел к островку на лодке, но не смог сойти на берег из-за трупного смрада. Мамлюки не имели военного флота и не любили море; победа мусульманской конницы над враждебной водной стихией, несомненно, потрясла воображение хронистов⁶.

Почти вся триполлийская правящая элита и военачальники успели спастись на корабли и бежать на Кипр, однако большинство рыцарей и горожан были перебиты или пленены в ходе штурма. На долю султана пришлось 1200 пленников — это единственная цифра потерь триполлийцев, приводящаяся в источниках. Столь же фрагментарны данные о мусульманах, погибших в ходе осады и штурма. Арабские летописцы сообщают, что смерть шахида приняли два эмира — Изз ад-Дин Ма'ан и Манкурис аль-Фаркани, а также 55 мамлюков из личной гвардии султана⁷. Таким образом, общие потери мусульманской армии были как минимум на порядок больше.

Бартоломео Эмбриацо, которого подозревали в тайных контактах с Калавуном, оказался в числе погибших при штурме. Однако его племянник Пьер Эмбриацо, владелец Джубейля, поторопился изъявить покорность египетскому султану. Христианское княжество было включено в состав Мамлюкской державы в статусе *икта*, условного земельного держания, оставленного под управлением Эмбриацо. Удивительное политическое образование просуществовало около десяти лет, пережив все владения франков на побережье⁸.

Ан-Нувайри сообщает, что изначально султан хотел сохранить город, оставив там гарнизон. Однако его отговорили от этого, указывая, несомненно, на опасность новой высадки франков на побережье и воз-

ный разброс дат штурма — от 1 до 14 Рабиа II, однако наиболее часто фигурирует вторник 4 Рабиа II. Эту дату нередко переводят в христианское летоисчисление как 27 апреля, но этот день приходится на среду. Таким образом, штурм Триполи следует отнести ко вторнику 26 апреля.

⁶ Абу-ль-Фида. С. 23; ан-Нувайри. С. 33; аль-Макризи. С. 211.

⁷ Ибн ад-Давадари. С. 283; ан-Нувайри. С. 33–34; аль-Макризи. С. 211.

⁸ ан-Нувайри. С. 34; Runciman S. A History of the Crusades. P. 407.

вращения ими Триполи. Эту твердыню, окруженную с трех сторон морем, было легко оборонять. Страх крестоносного реванша — отнюдь не беспочвенный — был навязчивой идеей мусульманского общества мамлюкской эпохи. В результате Калавун повелел разрушить завоеванный город. Это был еще один шаг в реализации стратегии «выжженной земли», применявшейся мамлюками на сиро-палестинском побережье⁹. Как вспоминал отец Ибн ад-Давадари: «Когда приказал султан разрушить его (город Триполи. — К. П.), я поднялся и осмотрел дома его удивительной постройки. Была ширина его стен такова, что могли поместиться на них в ряд три всадника. Из всех городов подобна была ему Александрия»¹⁰. Новое поселение, унаследовавшее имя Триполи, было заложено на удалении трех километров от моря, у подножия замка Монт Пелерин (Каль'ат Санжилъ), на берегу реки Кадиша. По словам Ибн Касира, этот город стал «крепче и лучше прежнего», «и сделал его Всевышний Аллах обителью безопасности и веры (*аман ва иман*)»¹¹.

Успешное взятие Триполи подтолкнуло мамлюков к идее финального удара по крестоносцам. В 1291 г., уже при сыне и преемнике Калавуна аль-Ашрафе Халиле (1290–1293), мусульмане сокрушили Акру, столицу Иерусалимского королевства, после чего без боя овладели последними городами франков на побережье — Бейрутом, Тиром, Тартусом и др. Вслед за этим мамлюки обратили оружие против «еретических» общин горного Ливана, которые могли выступить союзниками крестоносцев в случае их новой высадки. Под удар попали друзья, шииты и христиане, населявшие горную область Кесруан к северо-востоку от Бейрута. Первый поход на Кесруан 1292 г. оказался неудачным — командовавший войском эмир Байдара, занимавший высшую государственную должность *наиб ас-салтана* («заместитель султана»), потерпел серию поражений и отступил ни с чем. Недоброжелатели распускали слухи, что он дал себя подкупить старейшинам ливанских племен и умысленно проиграл кампанию. Монгольское вторжение в Сирию 1301 г. сопровождалось, как и раньше, ударами ливанских горцев по отступающим мусульманским войскам. Отогнав монголов, мамлюки предприняли масштабную карательную экспедицию в Кесруан (1302 г.), а после нового восстания местных жителей в 1305 г. провели там радикальную этническую чистку, от которой

⁹ По иронии судьбы одна из современных улиц старой части Триполи носит имя «Султан Калавун», увековечивая память разрушителя города.

¹⁰ *Ибн ад-Давадари*. С. 283. См. также: *ан-Нувайри*. С. 33; *аль-Макризи*. С. 211.

¹¹ *Ибн Касир*. С. 616; См. также о взятии Триполи: *Runciman S. A History of the Crusades*. P. 406–407; на русском языке: *Брюн С.П. Ромеи и франки в Антиохии...* С. 535–540.

Двор Большой мечети Триполи, перестроенной из церкви крестоносцев. Фото автора
 пострадали многие христианские селения и монастыри¹². Кесруан был
 вновь плотно заселен маронитами только в XVI в.

II. Монофизитский ракурс

Падение Триполи вызвало широкий отклик на Христианском Востоке, даже за пределами Мамлюкского султаната, в монгольском улусе Хулагуидов на землях Месопотамии и Ирана. Лидеры сиро-яковитской и несторианской общин этого региона однозначно воспринимали монгольских ильханов — на тот момент еще язычников-шаманистов — как защитников христиан от воинствующего ислама. Все симпатии восточного христианства в ходе монгольско-мамлюкских войн были на стороне Хулагуидов. «Хронография» Бар Эвройо (1226–1286), известного ученого и церковного деятеля, возглавлявшего восточные епархии яковитской Церкви, нередко именует египетских мамлюков «фараонитами», апеллируя ко вполне понятным библейским ассоциациям. Продолжатель хроники Бар Эвройо, его брат Бар Саума Сафи, воспринимает гибель Триполи именно

¹² Арабо-мусульманские историки воспринимали эти кампании как войну в первую очередь с «еретическими» мусульманскими общинами Ливанских гор, однако, по данным сохранившихся маронитских источников, христиане тоже были в числе жертв замирения Кесруана. См. о мамлюкских кампаниях в горном Ливане: Irwin R. The Middle East in the Middle Ages. P. 79, 97, 101–102.

в контексте монгольско-мусульманского противоборства: по его словам, опасаясь нового вторжения с востока, жители Сирии собрали сильное войско, а узнав, что в улусе Хулагуидов разгорелся междоусобный конфликт, исключивший возможность завоевательных походов, «арабы» (т.е. мусульмане) решили не распускать армию, но повернули ее на Триполи.

Информация доходила до автора «Хронографии» не из первых рук, поэтому его повествование об осаде не совсем точно — так, хронист пишет, что франки держались без малого три месяца, хотя на самом деле борьба за город продолжалась месяц-полтора. Падение Триполи Бар Саума датирует полнолунием месяца нисан, которое приходилось на 7 апреля¹³, почти на три недели раньше реальной даты штурма. Само описание сражения и резни полно литературных клише, не раз встречающихся на страницах хроники, однако совершенно очевидно, что все симпатии историка были на стороне триполийских христиан¹⁴.

У египетских единоверцев Бар Эвройо, коптов, летописание к концу XIII в. пришло в упадок. Последние из копто-арабских интеллектуалов Средневековья полностью интегрировались в светскую арабоязычную культуру и писали труды внеконфессионального характера, обращенные к читателям любых вер и исповеданий. Таким был хронист Муфаддаль ибн Аби-ль-Фадаиль († после 1341 г.), христианин-копт, составивший исторический труд, мало отличавшийся от текстов его мусульманских современников. Впрочем, христианская идентичность Муфаддаля все-таки не раз прорывалась наружу на страницах его хроники. В частности, историку явно неприятно было писать об избиении триполийских христиан. Он заимствует информацию о походе Калавуна у ан-Нувайри, но пишет кратко и сухо, без эмоций и деталей¹⁵.

III. Мелькитский ракурс

Ливанские православные-мелькиты отреагировали на падение Триполи куда более эмоционально. По горячим следам происшедшего некий Сулейман аль-Ашлухи составил стихотворную элегию на гибель горо-

¹³ Информация о дате полнолуния в апреле 1289 г. любезно предоставлена П.В. Кузнецовым.

¹⁴ Wallis E.A. The Chronography of Gregory Abu'L-Faraj Bar Hebraeus, being the first part of his political history of the world. Vol. 1. Amsterdam, 1976 (2nd ed.) P. 482–483.

¹⁵ *Moufazzal Ibn Abil-Fazail*. Histoire des sultans Mamlouks. Ed. E. Brochet / Patrologia Orientalis. T. 14, III. Paris, 1920. С. 529–531.

да¹⁶. Этот человек происходил из несохранившейся ныне деревни Ашлух (Шлух) на плато Аккар чуть севернее Триполи, с территорий, перешедших под контроль мусульман меньше чем за два десятилетия до падения графства. Поэма дошла до нас в записи на каршуну, т.е. письмом, где арабские слова передаются сирийскими буквами. Такая письменность была не очень характерна для мелькитов, но, как считается, ее использовали, чтобы избежать знакомства с текстом поэмы мусульман. Сочинение Сулеймана сохранилось в трех списках, причем, что интересно, все три происходят из маронитской среды. Старейший относится к 1629 г., остальные два были сделаны в XIX в. Версии поэмы различаются по объему, самая пространная составляет 67 строк. В наиболее ранней копии авторство текста не было указано, и ученые долгое время ошибочно приписывали его маронитскому историку и поэту епископу Джибраилу ибн аль-Кила'и (ок. 1450–1516).

Стандартного названия у поэмы нет, в разных рукописях она озаглавлена как «Слово о Триполи, и о том, что произошло там от мусульман», «Хвалебная песнь (*мадиха*) Триполи» и «Касыда о разорении Триполи турками»¹⁷.

Поэма о падении Триполи неоднократно издавалась, в том числе и во французском переводе, однако все еще остается малоизвестной специалистам. Р. Жабре-Муавад, подготовившая последнюю по времени публикацию текста, пыталась анализировать касыду как исторический источник, проливающий свет на положение Триполи при крестоносцах и обстоятельства гибели города. Однако в произведениях подобного жанра выброс эмоций, как правило, преобладает над фактологической информацией. Поэма Сулеймана интересна, скорее, как памятник мелькитской сельской субкультуры северного Ливана, пример мироощущения и кругозора православного араба конца XIII в.

¹⁶ Об истории изучения текста и его ранних изданиях см.: *Jabre-Mouawad R. Un témoin melkite de la prise de Tripoli par les mameluks (17 avril 1287) / Studies on the Christian Arabic Heritage in Honour of Farther Prof. Dr. Samir Khalil Samir. Ed. R. Ebeid and H. Teule. Leuven — Paris — Dudley, MA, 2004. P. 134–135.* В настоящей статье я пользовался изданием текста поэмы (переложенным с каршуну на арабский шрифт), приведенным в указанной публикации Р. Жабре-Муавад (P. 149–156). Из недавних исследований касыды о падении Триполи можно указать статью: *Kilpatrick H. Poetry on Political Events in the Mamluk and Early Ottoman Periods / A Festschrift for Nadia Angheliescu. Ed. A. Avram, A. Foçeanu, G. Grigore. București, 2011. P. 297–305.* В этой статье упоминается еще одна публикация поэмы Сулеймана аль-Ашлухи, выполненная на каршуну: *Kallas E. Genèse de la littérature néo-arabe libanaise: terminus a quo / Annali di Ca' Foscari 34 (1995). P. 141–164.*

¹⁷ *Jabre-Mouawad R. Un témoin melkite de la prise de Tripoli. P. 149.*

«Град Триполи» на гросс денье князя Боэмунда VII. Триполийский чекан 1275–1287 гг.
 Собрание С.П. Брюна.

Язык Сулеймана аль-Ашлухи характеризуется специалистами как простонародный среднеарабский, лишенный подмеса сирианизмов, характерных для маронитских текстов, того же Ибн аль-Кила' и. Оплакивание разрушенных городов было достаточно распространенным жанром арабской поэзии — ближайшей по времени параллелью выступает каксыда Камаль ад-Дина Умара на разорение Халеба монголами в 1260 г.¹⁸ Описание Сулейманом православного кафедрального собора Триполи в чем-то перекликается с плачем на разорение дамасского собора аль-Марьямийа в 924 г., одним из первых произведений литературы православных арабов¹⁹. Поэму о гибели Триполи датируют диапазоном 1289–1308 г. — верхней временной границей выступают масштабные строительные работы мамлюкского триполийского наместника Сейф ад-Дина Истадмира аль-Курджи, когда описанные в поэме закопченные руины княжеского замка должны были быть перестроены²⁰.

Сулейман оплакивает гибель когда-то славного города и бегство оттуда уцелевших христиан, рассеявшихся по Египту и Шаму (Сирии) — в Газу, Хауран, Баальбек, Хомс, Халеб, Маарру (строки 3–6). Житель ливанской деревни обладал достаточно широким географическим кругозором; добавим к этому перечислению топонимов упоминание Сулейманом кораблей из Генуи и Пизы, некогда бросавших якорь в триполийском порту (стр. 58), явления Благодатного огня в Иерусалиме (стр. 44) и др.

¹⁸ Ibid. P. 146–147.

¹⁹ Панченко К.А. Разрушение дамасской церкви Март Марьям в 924 г. Свидетельство очевидца // Символ. № 61. М., 2012. С. 339–356.

²⁰ Jabre-Mouawad R. Un témoin melkite de la prise de Tripoli. P. 139, n. 17. См. о триполийских наместниках конца XIII — начала XIV в.: ан-Нувайри. С. 39–40.

Гибель Триполи выступает как бедствие космического масштаба, о городе плачут солнце и звезды (стр. 7). «О глаза мои, — пишет автор, — плач — ваш удел. Плачу я о христианах, что были [там]. Воистину, плакал я слезами из глаз сжигающими, а если сдерживал плач — в сердце моем [разгоралось] пламя. Говорили мне люди: “Несчастный, о чем плачешь?” Отвечал я: “О братья мои, сердце устало”. Плачу я о христианах и о том, что стало с ними во вторник, в день злополучный...» (стр. 8–11). Поэт переходит к детальному описанию резни, нагромождений бесчисленных трупов (стр. 12–15), восклицает: «Сколько отроков убили на глазах у матерей! Говорил он: “О мать моя, откуда день такой?”, и отвечала она ему: “Дитя мое любимое, не говори мне, о свет очей моих, нет у меня власти [защитить] тебя”» (стр. 16–17). Диалоги и прямая речь широко введены в текст поэмы, как считается, для усиления эмоционального воздействия. «Сколько девушек было обесчещено...! — продолжает поэт. — И говорила она: “Посмотри, отец мой, на этот Божий день! Не написан брачный договор, и не венчал меня священник, но окружили меня, и не знаю, откуда [придет] освобождение мне!” Скольких девушек волочили за косы, гнали на рынок, где покупали их и давали за них дирхемы, а слезы текли по щекам их!» (стр. 20–23). Сцены невольничьего рынка снова сменяются космическими образами: «Плачет земля, и помрачился солнечный свет, и говорит Луна: “Молчите, это суд Божий!”» (стр. 26).

Далее, как эпический антигерой выступает не названный по имени правитель мусульман: «Кричал царь в гневе яростным голосом и говорил: “Не оставляйте на земле [ни одного] христианина! Хочу сегодня же разрушить этот город и сделать его жилищем сов”» (стр. 27–28). Следуют картины разрушения Триполи — автор, несомненно, лично бродил по развалинам, вспоминая былое величие дворцов и соборов. Особенно потрясли его руины дворца триполитского графа, чей титул передан арабской калкой *аль-бринз* («принц»²¹). «Приходил я к дворцу и нашел его в бедственном виде, покрытым черной копотью до сводов, — пишет Сулейман аль-Ашлухи. — Плакал я, ибо видел дом опустошенный на месте, где стоял дом многлюдный. Говорил я: “О дом принца, что случилось? вопию к тебе и не нахожу ни единого человека. Где [теперь] принц и где

²¹ Сулейман аль-Ашлухи именуется франкского правителя Триполи «принцем», то есть латинским титулом «*princeps*» («князь»), поскольку графы Триполи из династии Пуатье — со времен первого захвата Антиохии Боэмундом IV (1198) и вплоть до смерти его правнука Боэмунда VII (1287) — также носили титул князей Антиохийских, который издревле превалировал над более скромным, графским титулом государей Триполитских.

Остатки восьмиугольной церкви романского стиля, построенной крестоносцами внутри цитадели в XII в. на месте фатимидской усыпальницы. Фото автора

могущество его, невольницы, служившие ему, и черные рабы?» Отвечал мне дом скорби: “Разлучила их судьба; если бы не было ее!”» (стр. 32–37).

Больше всего поэт говорит о триполийском православном соборе (*канисат ар-рум*) — по этому признаку ученые убедились в конфессиональной принадлежности Сулеймана. Он вспоминает, как сам посещал там пышные богослужения, пишет о горящих свечах, священнике, читающем Евангелие. Всё это склонило Р. Жабре-Мувад к предположению, что автор поэмы был духовным лицом, возможно, диаконом²². Сулейман продолжает: «Если бы был ты там в день Великого Праздника [Пасхи], праздника христиан, праздника истинного! Сходит [Благодатный] огонь поутру в [Великую] субботу, подтверждая наступление назавтра праздника. Спешит народ на праздник: женщины, дети, старцы и юноши. Щедро кадит на них священник ладаном, благовониями и алоэ. Видишь ты диаконов, подобных луне, стоящих в белоснежных льняных одеяниях. Читают Пророков и Евангелие во время свое, а народ слушает пение гимнов» (стр. 44–48).

Говоря об убранстве собора, поэт восхищается настенными росписями, образами Иоанна Дамаскина, не названных по именам митрополита Тира и игумена монастыря Святого Симеона Столпника (стр. 50). Исследователи считают, что речь идет об обители Святого Симеона Столпника

²² *Jabre-Mouawad R. Un témoin melkite de la prise de Tripoli. P. 147. См. доступную информацию о триполийском соборе: Ibid. P. 141–143.*

Младшего на Черной горе под Антиохией, одном из главных духовных центров сирийских мелькитов, на тот момент уже разрушенном войсками Бейбарса. Изображение митрополита Тира, возможно, объясняется тем, что Триполийская епархия относилась к его диоцезу²³. Поэма Сулеймана дает уникальную возможность составить представление об иконографической программе исчезнувшего ближневосточного собора. Обращает на себя внимание, что поэт выделяет среди персонажей фресок именно региональных святых, чей культ, видимо, имел особое значение для сирийских мелькитов.

В конце поэмы автор сообщает несколько слов о себе («Сказавший это — поэт из Ашлуха, жилище его известно среди людей, имя его Сулейман», стр. 63), вспоминает пророчество, приписываемое святому Клименту, о грядущем разрушении Триполи — упоминание Климента Римского тоже свидетельствует о незаурядном образовании писателя²⁴ — и просит у Господа прощения грехов для себя и всех христиан (стр. 65–67).

Показательно, что поэма Сулеймана аль-Ашлухи была забыта мелькитами и сохранилась только в маронитской среде. Даже в период «Мелькитского ренессанса» XVII в., когда православные арабы пытались «вспомнить» свое прошлое и восстановить оборванную традицию историописания, сочинение Сулеймана оставалось неизвестным ведущим культурным деятелям Антиохийской церкви патриарху Макарию ибн аз-За'иму и диакону Павлу Алеппскому. XIII век был для них почти сплошным «белым пятном». Это тем более удивительно, что Павел периодически обращался к данным арабо-мусульманских историков, например Ибн Тагриберди (1409/10–1470), у которого вполне мог позаимствовать сведения о падении Триполи, но почему-то не сделал этого.

IV. Мусульманский ракурс

Столь крупное событие, как падение Триполи, было запечатлено в арабской поэзии не только христианским автором, но и целым сонмом мусульманских придворных стихотворцев. Калавун и его окружение стремились выжать из триполийской кампании максимальный пропагандистский эффект: успешная защита ислама от внешних врагов была

²³ Ibid. P. 142–143.

²⁴ Ibid. P. 147.

главным фактором легитимности мамлюкского режима. Ибн ад-Давадари в своей хронике приводит тексты панегириков, сочиненных по случаю взятия Триполи, и длинное официальное послание, направленное из Каира эмиру Йемена с извещением об одержанной победе. Этот документ, написанный напыщенной рифмованной прозой, представляет собой скорее образец изящной словесности и официальной пропаганды, чем исторический источник хоть какой-нибудь ценности²⁵.

Наиболее интересен сохранный хронистом фрагмент из касыды Мухаммада ибн аль-Хасана ибн Сабба'а аль-'Азари. Его поэзия очень сложна для понимания ввиду использования там множества подтекстов и аллюзий, связанных с кораническими сюжетами. В нескольких строчках касыды «запрессованы» архангел Гавриил, Муса (Моисей), Иса (Иисус), Мухаммад, Сулайман (Соломон), Билкис (царица Савская). Не претендуя на хоть сколько-нибудь исчерпывающее истолкование стихов Мухаммада аль-'Азари, попробуем предложить свое понимание этого фрагмента. Поэт обращается к султану Калавуну:

«Просил Триполи Сирийский у моря своего
 Спасения от тебя, но предстал ты архангелом Гавриилом;
 Сделан был ров его²⁶ подобным нерушимой стене,
 Но потряс ты его²⁷, и последовал чуду Мусы²⁸,
 И ударил ты его морем о море, объявленное
 Мухаммадом, и одолел народ Исы²⁹.

²⁵ Ибн ад-Давадари. С. 288–292. Там же приводится поэма на взятие Триполи, написанная одним из мамлюкских чиновников Шихаб ад-Дином Мухаммадом (с. 296–299).

²⁶ Дословно: «Сделал ты ров его...», но скорее всего в тексте произошла некоторая путаница с местоимениями.

²⁷ Сопоставление султана с архангелом Гавриилом (досл. *Намус*) в этом пассаже не вполне понятно. Возможно, архангел (и султан Калавун в его роли) выступает как проводник божественной воли, сокрушающий твердыню неверных, подобно тому как Гавриил возглавил тысячу ангелов, пришедших на помощь Мухаммаду в битве при Бадре, и выступал помощником пророков во многих других случаях. См. об этом персонаже: Djabrail / The Encyclopedia of Islam. New Edition. Vol. III. Leiden, 1991. P. 363.

²⁸ Воспевая покорение Триполи, поэт, похоже, вдохновлялся броском мусульманских воинов через морские волны на остров Сен-Николас, победой над морем, так поразившей воображение современников. Этот эпизод сопоставляется с другим чудесным покорением водной стихии — переходом народа Мусы (Моисея) через Красное море и гибелью войска фараона. Как говорится в Коране от лица Аллаха: «И внушили Мы Мусе: “Ударь своим жезлом по морю”, — и разверзлось оно, и была каждая часть, как гора. И приблизили Мы потом других. И спасли Мы Мусу и тех, кто был с ним, — всех. Потом потопили Мы других» (Коран. 26:63–66); «И вот, Мы разделили при вас море и спасли вас, и потопили род Фир'ауна, а вы смотрели» (Коран. 2:50).

²⁹ То есть христиан.

Давал Сулайман отсрочку, и поистине
 Было как сказанное о Билкис
 Языком манжаников, и обещал ты ей
 Разрушение, и стал ее трон ущербным³⁰»³¹.

V. Маронитский ракурс

Падение Триполи в наибольшей степени сказалось на положении общины маронитов, христиан северного Ливана, принявших унию с Римом и связавших свою судьбу с крестоносцами. Однако историческая память этого народа сохранила весьма искаженный образ событий 1289 г.

Марониты были изолированным обществом крестьян-горцев, до рубежа Нового времени практически не связанных с большими городами, которые выступали центрами литературного творчества и культурного развития. Тем не менее это аграрное сообщество выработало свои механизмы сохранения христианской традиции через сеть монастырей, очагов письменной культуры. К сожалению, значительная часть маронитского литературного наследия Средневековья была утрачена. Исследователи связывают это с борьбой вокруг принятия католической унии,

³⁰ Здесь обыгрывается кораническая история о встрече Сулаймана (Соломона) с Билкис, царицей Савской. Это повествование, восходящее, как считается, к еврейским околобиблейским источникам, представлено в Коране крайне сбивчиво и фрагментарно и принимает окончательную форму лишь в трудах позднейших комментаторов. Пророк Сулайман, узнав о нечестии народа Сабы, поклоняющегося солнцу, передает Билкис послание с угрозами. Царица направляет к еврейскому царю своего посланника, который возвращается с новыми угрожающими словами Сулаймана: «Вернись к ним, а мы придем к ним с войсками, против которых им не устоять, и выведем их оттуда униженными, и будут они ничтожны» (Коран. 27:37). Султан Калавун, сокрушающий своими манжаниками оплот неверных, сопоставляется с Сулайманом, заставившим Билкис признать Единого Бога. Дальнейшие строки поэмы отсылают читателя к кораническому повествованию о том, как царица лично прибывает ко двору Сулаймана, который демонстрирует ей примеры своего могущества. Так, библейский царь, повелевавший джиннами, посылает одного из них похитить трон царицы и доставить его в Иерусалим: «Кто из вас придет ко мне с ее троном, прежде чем они придут ко мне покорными?... Он сказал: “Измените для нее ее трон; посмотрим, найдет ли она прямой путь или будет из тех, кто не идет прямым путем”» (Коран. 27:38, 41). Вид трона несколько изменили и показали его царице, когда она прибыла в Иерусалим. Билкис узнала свой трон и объявила, что теперь ей открылась истина, и она покоряется Единому Богу, пророком которого выступает Сулайман. См. об этом сюжете: *Ullendorf E. Bilkis / The Encyclopedia of Islam. New Edition. Vol. I. Leiden, 1986. P. 1219–1220; Lassner J. Bilqis / The Encyclopedia of Quran. Vol. I. P. 228–229; Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1991. С. 144–147.*

³¹ *Ибн ад-Давадари. С. 287.*

Портал цитадели Триполи. Фото автора

продолжавшейся несколько веков с переменным успехом. Возможно, после окончательной победы пролатинской группировки на рубеже XV—XVI вв. победители уничтожили рукописи, содержавшие сведения о традиционной принадлежности маронитов к монофелитскому вероучению и о раскольниках, 400 лет сопротивлявшихся унии с Римом. Иезуитские миссионеры, работавшие в конце XVI в. над унификацией маронитских догматов и обрядов по латинскому образцу, также провели ревизию монастырских библиотек Ливана, предав огню все «еретические» книги³².

В результате наши представления о средневековой истории этого народа крайне обрывочны. Сохранилось всего два маронитских исторических текста XIII—XIV вв.³³ После них самым ранним автором, чьи сочинения дошли до нас в относительной сохранности, выступает Джибраил ибн аль-Кила'и, тот самый, которому ошибочно приписывали поэму о гибели Триполи Сулеймана аль-Ашлухи. Первый из маронитов, получивший образование в Италии, монах доминиканского ордена, страстный участник церковно-политической борьбы конца XV в., выступавший за союз ливанских христиан с Римом, на склоне лет — маронитский епи-

³² *Salibi K. The Traditional Historiography of the Maronites / Historians of the Middle East. L., 1962. P. 213.*

³³ Это церковная хроника XIII в. монаха Юханны и история монастыря Мар Шаллита в Кесруане, составленная в 1307 г. Тадрусом, архиепископом Хамы (*Salibi K. Maronite Historians of Medieval Lebanon. P. 16*).

скоп Кипра, Ибн аль-Кила' и оставил значительное литературное наследие, в том числе и в жанре историописания. Важнейшим в этом ряду сочинений маронита-доминиканца выступает поэма *Мадиха аля джабаль Любнан* («Хвалебная песнь о горе Ливанской»), эпическое сказание об историческом пути маронитской общины, составленное после 1495 г.³⁴

Впрочем, история была для него лишь вспомогательным инструментом миссионерской пропаганды. Сама стихотворная форма исторических произведений призвана была облегчить их распространение в народе. Труды Ибн аль-Кила' и остро полемичны и идеологизированы. Автор видел своей задачей доказать — вопреки историческим фактам — извечную ортодоксию маронитов, их традиционную приверженность Риму, а также пагубность отступничества от католического исповедания, потому что, как доказывал историк, за отпадением в ересь тех или иных маронитских духовных и светских лидеров всегда следовали исторические катастрофы³⁵.

Составляя картину прошлого маронитской общины, Ибн аль-Кила' и опирался на *таварих* (хроники) — не дошедшие до нас локальные церковные и светские летописи, подобные упомянутым трудам монаха Юханны и архиепископа Тадруса. Историк-миссионер использовал также колофоны рукописей и папские послания к Маронитской церкви, с которыми он познакомился в Риме или ливанских монастырях. Фрагментарность источников привела к тому, что столь же дискретным оказался и образ маронитской истории, при этом сама политическая роль маронитов была представлена преувеличенно. Коллективная память ливанских христиан сохранила лишь ряд ярких эпизодов, которые Ибн аль-Кила' и к тому же не смог расставить в правильном хронологическом порядке³⁶.

Так, отпадение от унии с Римом патриарха Луки аль-Бнахани он отнес чуть ли не на век вперед, ко временам другого раскола в Маронитской церкви, инициированного монахами из монастырей Йанух и Дайр Нбух приблизительно в начале XIII в. Распространение «ереси» ослабило маронитскую общину, что, по словам историка, сделало возможным успешное вторжение мусульман в область Кесруан (на самом деле разорение Кесруана мамлюкской армией, как уже говорилось, произошло значитель-

³⁴ См. о биографии и трудах Ибн аль-Кила': Ibid. P. 23–32; *Salibi K. The Traditional Historiography of the Maronites*. P. 214, 217–219.

³⁵ См. об основных чертах и своеобразии маронитской историографии: *Salibi K. Maronite Historians of Medieval Lebanon*. P. 18–21; *Salibi K. The Traditional Historiography of the Maronites*. P. 215–216.

³⁶ См. об источниках Ибн аль-Кила': *Salibi K. Maronite Historians of Medieval Lebanon*. P. 33–35.

но позже, в 1305 г. Само вторжение ошибочно приписано мамлюкскому султану Баркуку, правившему чуть ли не век спустя, в 1382–1398 гг.). Вслед за этим, как пишет Ибн аль-Кила'и, патриарх Ирмия (Иеремия) отправился в Рим принести покаяние за отступничество маронитов, был принят папой Иннокентием III и в 1215 г. получил буллу, подтверждающую пребывание Маронитской церкви под папским омофором. Позднейшие историки выяснили, что Ибн аль-Кила'и смешал визиты в Рим двух маронитских патриархов, носивших одно и то же имя — Иеремия аль-Амшити участвовал в Латеранском соборе 1215 г., а Иеремия ад-Димилсави, современник и соперник Луки аль-Бнахрани, ездил в Рим в 1283 г. Разгром мусульманским войском высокогорных христианских селений области Бшарри в 1283 г. Ибн аль-Кила'и спутал с походом мамлюков на Кесруан 1305 г.³⁷

Правда, через пару десятков страниц в его поэме помещено мифологизированное повествование о разорении мусульманами Бшарри, но автор затруднился поставить это событие в правильный исторический контекст³⁸. Более того, повести о разорении Бшарри предшествует история о том, как свергнутый своими врагами мамлюкский султан (маронитский историк и патриарх XVII в. Истифан ад-Дувайхи считал, что это был султан Баркук) нашел убежище в монастырях североливанской долины Кадиша и после возвращения на трон предоставил различные привилегии этим обителям. Баркук, действительно, был на непродолжительное время отстранен от власти и бежал из Каира (1389–1390 гг.), и, хотя о его пребывании в ущелье Кадиша не известно, в этой истории нет ничего невозможного³⁹. Однако, опять же, историческая память маронитов не была привязана к датам, и Ибн аль-Кила'и, живший сто–двести лет спустя после описываемых им событий, уже не мог уяснить их последовательность.

Падение Триполи 1289 г. в передаче Джибраила ибн аль-Кила'и также обросло превратными истолкованиями. Преувеличенное представление о роли собственной общины и задачи обличения отступников привели маронитского историка к утверждению, что в падении Триполи виноваты тогдашний мукаддам Бшарри Салим (неизвестный из других источников), впавший в ересь яковитов, и другой еретик, правитель Джубейля, именуемый «*малик* (досл. — царь, правитель) Юханна». Оба

³⁷ Ibid. P. 53–63.

³⁸ Ibid. P. 61–62.

³⁹ Ibid. P. 65.

они не оказали помощи осажденному городу, что привело к его падению. Это утверждение, как было показано ранее, справедливо в отношении сеньора Джубейля/Библоса Пьера Эмбриацо, который в маронитской историографии превратился в «малика Юханну», неотличимого от маронитских мукаддамов. Ученые давно обратили внимание, что Ибн аль-Кила' и не видел разницы между своими соплеменниками и франками (за исключением папских легатов, прибывающих к маронитским патриархам). У читателя его поэм может сложиться представление, что христианские владетели Триполи и Библоса тоже принадлежали к маронитской знати. Ибн аль-Кила' и объединяет франков и маронитов под собирательным именем «христиане», которым противостоят такие же безликие «мусульмане», среди которых историк был не в состоянии выделить даже правящие династии⁴⁰.

Сама фактология падения Триполи у маронитского автора заметно искажена. Он пишет, что город пал после шестимесячной осады в феврале (без указания года), что никак не согласуется со свидетельствами современников. Однако маронитская традиция настаивает на этом месяце, ссылаясь на легенду о том, как некий священник из деревни Мар Асийя пророчествовал в мусульманском лагере о том, что город падет именно в феврале. После того как предсказание сбылось, мусульмане якобы почтили его и дали высокий пост в казначействе⁴¹.

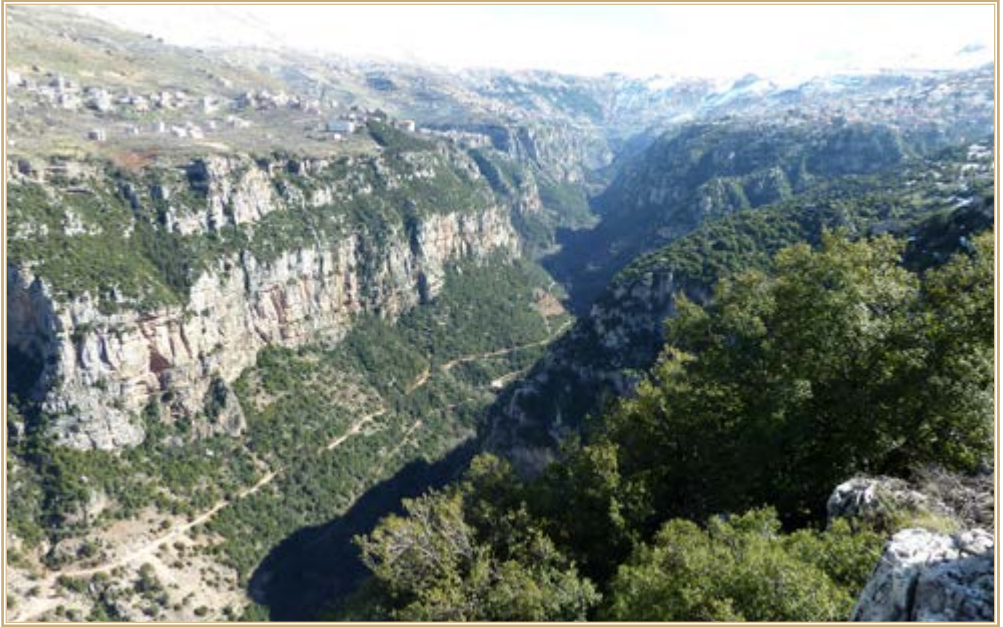
Повествование о падении Триполи сразу же перетекает в рассказ о неудачном вторжении мусульманского войска в Кесруан. Маронитскому историку разгром завоевателей представлялся мстью за разорение Триполи, хотя прямой связи между этими событиями не было: мамлюки предприняли попытку покорения Керуана три года спустя после похода на Триполи, уже вслед за падением Акки и других франкских городов побережья. Описание войны маронитских вождей с мусульманами полно имен, деталей и пафоса. Несомненно, Ибн аль-Кила' и пересказывал маронитский героический эпос, сложившийся после 1292 г.

«Мукаддамы гор услышали [эти вести],
Они ударили в колокола церкви и собрались,
Выбрав жребием по две тысячи храбрецов, чтобы расставить их
На аль-Мадфуне и аль-Фидаре⁴².

⁴⁰ Ibid. P. 67–69.

⁴¹ Ibid. P. 68.

⁴² Ущелья, обрамляющие с севера и юга область Джубейль, лежащую к северу от Кесруана.

Долина Кадиша — главный очаг расселения маронитов в средние века.
 Фото автора

[Затем] тридцать тысяч воинов
 Низверглись с гор как ливень,
 И неспешно идущие мусульмане
 Нашли смерть, ждавшую их на поле брани»⁴³.

Любопытно, что мусульманские летописцы не сообщают о военном поражении войска эмира Байдары. Напротив, они изображают дело так, что горы Кесруана были окружены и у их жителей не осталось шансов на спасение. Однако «люди гор» подкупили эмира и он увел свои войска. Султан, узнав об этом, сильно гневался на своего корыстного военачальника⁴⁴.

Возможно, истина лежит посередине. Ливанские горцы могли успешно атаковать отдельные мамлюкские отряды в ущельях, но позднейшие сказители превратили эти стычки в сражение эпического размаха, самую славную страницу истории своего народа.

⁴³ Цит. по: *Salibi K. Maronite Historians of Medieval Lebanon*. P. 70.

⁴⁴ *Ибн Касир*. Аль-бидайа ва ан-нихайа. Т. 7. Кн. 13. Бейрут, 1982. С. 327–328. Р. Ирвин считает, что неудачный поход эмира Байдары на Кесруан положил начало охлаждению между султаном и его ближайшим сподвижником. Эта напряженность на следующий год вылилась в заговор, организованный Байдарой, и убийство султана (*Irwin R. The Middle East in the Middle Ages*. P. 79).

VI. Заключение

Летописание ближневосточных христиан, повествуя о гибели франкского Заморья, как правило, значительно менее информативно, чем сообщения арабо-мусульманских или европейских современников. Причиной тому был общий культурный упадок арабов-христиан, затронувший и их историографическое творчество, или же, если мы говорим о яковитской литературе, территориальная удаленность центров историописания от сиро-палестинского побережья и отсутствие прямого доступа к информации.

Ливанские марониты, начавшие конструировать свою историческую традицию через 200 лет после падения Триполи, сохранили в коллективной памяти лишь героический эпос о победе над армией мамлюков в горах Кесруана в 1292 г. и ряд разрозненных преданий, иногда сгруппированных в локальные микрохроники. Большинство их впоследствии были утрачены, однако на рубеже XV—XVI вв. многие из этих текстов еще были доступны. Благодаря этому создатель маронитской историографии или, если угодно, исторической мифологии Джибраил ибн аль-Кила' и смог фрагментарно воссоздать событийную историю маронитов во времена, выходящие за пределы устной народной памяти. Его источники носили полулегендарный характер и практически не содержали дат. В результате Ибн аль-Кила' и многократно путался в годах, деталях, последовательности событий и в целом слепил не только тенденциозную, но и фактологически малодостоверную картину прошлого. Однако даже такая картина имеет исключительную ценность для историков из-за крайней скудости альтернативной информации о средневековом Ливане.

Насколько хрупка была историческая память ближневосточных христиан, подтверждает и пример мелькитов, которые начали пытаться реконструировать свое прошлое на полтора века позже Ибн аль-Кила' и, когда уже были утрачены почти все источники по истории североливанского региона. Кроме того, арабо-православное летописание возродилось усилиями выходцев из Халеба патриарха Макария аз-За'има и его сына Павла Алеппского, которые рассматривали триполийскую христианскую элиту как своих соперников и не особо интересовались их историей. Даже такие сохранившиеся до наших дней памятники православной культуры триполийского региона конца XIII в., как поэма Сулеймана аль-Ашлухи или Житие святого Иакова Хаматурского, остались неизвестны деятелям Мелькитского ренессанса.

В отсутствие полноценного летописания у мелькитов Позднего Средневековья творчество Сулеймана аль-Ашлухи представляет особый ин-

интерес для реконструкции православной субкультуры северного Ливана и мироощущения ее носителей. Исследователи уже обратили внимание на то, что Сулейман не делает никакого различия между своими соплеменниками и триполийскими франками — для него они все «христиане». Подобный упрек, как говорилось выше, обращали и к Ибн аль-Кила'и. Но то смешение восточных христиан и латинян, которое у маронитского поэта-историка начала XVI в. могло выглядеть невежеством или небрежностью, никак не может иметь такое же объяснение применительно к мелькитскому поэту конца XIII в. Сулейман не мог не видеть разницы между православными арабами и франками, и его позиция вполне осознана. В исторической науке распространено мнение, сложившееся под влиянием новейшей арабской националистической историографии, что арабы-христиане Средневековья не отождествляли себя с западными крестоносцами и воспринимали их так же враждебно, как и арабы-мусульмане. Возможно, это утверждение требует некоторых оговорок. Какая-то часть мелькитов, особенно живших под властью мусульман, с симпатией относилась к крестоносцам. Одним из таких людей был Сулейман аль-Ашлухи.

Личность этого поэта интересна и с другой точки зрения. Он жил в деревне в десятках километров от больших городов и тем не менее обладал достаточно широким кругозором и незаурядным образованием. Если в османскую эпоху арабо-православная культура развивалась в мегаполисах и отчасти в крупных монастырях, то в Позднее Средневековье подавляющее большинство православных, подобно Сулейману, проживало в деревнях и маленьких городках полуаграрного типа. Эта среда создала устойчивые модели воспроизводства христианской культуры. Культуры консервативной, как и свойственно крестьянскому обществу. Однако на примере Сулеймана аль-Ашлухи можно видеть, что у мелькитов даже в сельской глубинке сохранялся творческий потенциал и появлялись оригинальные литературные тексты.

REFERENCES

1. Djabrail / The Encyclopedia of Islam. New Edition. Vol. III. Leiden, 1991. P. 363.
2. *Jabre-Mouawad R.* Un témoin melkite de la prise de Tripoli par les mameluks (17 avril 1287) / Studies on the Christian Arabic Heritage in Honour of Farther Prof. Dr. Samir Khalil Samir. Ed. R. Ebeid and H. Teule. Leuven — Paris — Dudley, MA, 2004. P. 133–161.
3. *Kallas E.* Genèse de la littérature néo-arabe libanaise: terminus a quo / Annali di Ca' Foscari 34 (1995). P. 141–164.
4. *Kilpatrick H.* Poetry on Political Events in the Mamluk and Early Ottoman Periods / A Festschrift for Nadia Anghelescu. Ed. A. Avram, A. Focşeanu, G. Grigore. Bucureşti, 2011. P. 297–305.
5. *Piotrovskij M.B.* Koranicheskie skazaniya. M., 1991.
6. *Ullendorf E.* Bilqis / The Encyclopedia of Islam. New Edition. Vol. I. Leiden, 1986. P. 1219–1220.
7. *Lassner J.* Bilqis / The Encyclopedia of Quran. Vol. I. P. 228–229.
8. *Salibi K.* The Maronites of Lebanon under Frankish and Mamluk Rule (1099–1516) / Arabica, IV (1957). P. 288–303.
9. *Salibi K.* Maronite Historians of Medieval Lebanon. Beirut, 1959.
10. *Salibi K.* The Traditional Historiography of the Maronites / Historians of the Middle East. L., 1962. P. 212–225.

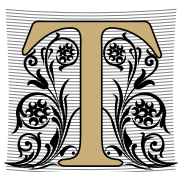

Ключевые слова:

православные арабы, марониты, крестоносцы, мамлюки, графство Триполи, Сулейман аль-Ашлухи, Джибраил ибн аль-Кила'и.

Konstantin A. Panchenko

THE FALL OF TRIPOLI IN 1289 IN THE PERCEPTION OF CHRISTIAN COMMUNITIES OF THE MIDDLE EAST

The article examines the conquest of the County of Tripoli by the Mamelukes in 1289, and the reaction of various Middle Eastern ethnoreligious groups to this event. Along with the Monophysite perspective (the Syriac chronicle of Bar Hebraeus' Continuator and the work of the Coptic historian Mufaddal ibn Abi-l-Fadail), and the propagandist texts of Muslim Arabic panegyric poets, we will pay special attention to the historical memory of the Greek Orthodox (Melkite) and Maronite communities of northern Lebanon. The contemporary of these events — the Orthodox author Suleiman al-Ashluhi, a native of one of the villages of the Akkar Plateau — laments the fall of Tripoli in his rhymed eulogy. It is noteworthy that this author belongs to the rural Melkite subculture, which — in spite of its conservative character — was capable of producing original literature. Suleiman al-Ashluhi's work was forsaken by the following generations of Melkites; his poem was only preserved in Maronite manuscripts. Maronite historical memory is just as fragmented. The father of the Modern Era Maronite historiography — Gabriel ibn al-Qila'î († 1516) only had fragmentary information on the history of his people in the 13th century: local chronicles and the heroic epos that glorified the Maronite struggle against the Muslim lords that tried to conquer Mount Lebanon. Gabriel's depiction of the past is not only biased and subject to aims of religious polemics, but also factually inaccurate. Nevertheless, the texts of Suleiman al-Ashluhi and Gabriel ibn al-Qila'î give us the opportunity to draw conclusions on the worldview, educational level, political orientation and peculiar traits of the historical memory of various Christian communities of Mount Lebanon.

Konstantin A. Panchenko — Doctor of History, Professor of the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University (Department of Middle Eastern and Central Asian Studies).

 Панченко Константин Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.007

Dr. K. S. Parker

ARAGON AND THE EAST: JAMES II AND DIPLOMATIC INTERVENTION IN MAMLUK EGYPT

In the year 1291 AD, two notable events occurred on either end of the Mediterranean that would have a lasting impact upon the region. The fall of Acre, capital of the Latin Kingdom of Jerusalem, to Mamluk forces would, of course, reverberate throughout Latin Christendom for centuries to come. That same year in the far west of the Mediterranean, in the Iberian Kingdom of Aragon, Alfonso III (1285–1291) died and his younger brother, James, de facto king of Sicily since 1282, was raised in his place as king of Aragon.^[1] His lengthy reign would extend until 1327. At this point of history, Aragon was — as the contemporary chronicler Muntaner testified — «the head and chief» of the Crown of Aragon: the three kingdoms of Aragon, Mallorca, and Sicily, in addition to Valencia, Sardinia, and Corsica.^[2] A peace treaty had just been signed ending the Sicilian war primarily against papal-backed Angevin France; the *Reconquista* was largely in a period of «absorption» following an era of significant expansion; and the Grand Catalan Company — so dominant in Sicily — was about to embark to the Byzantine East to begin its (in)famous exploits in Anatolia and largely Frankish Greece.^[3] In a word, Catalan-Aragonese influence and power was at its greatest period of expansion and was felt even at the other end of the Mediterranean in Mamluk Egypt and

При дворе Джеймса II, 1315–1325 гг. / James II at court, c. 1315–1325
 (*Usatici et Constitutiones Cataloniae*; BNF, Latin 4670A, from Wikimedia Commons)

Syria. While there was certainly a precedent in relations between Aragon and Egypt,^[4] the series of embassies over thirty years between James II of Aragon (r. 1291–1327) and Sultan al-Nasir Muhammad ibn Qalawun (r. 1293–1294; 1298–1308; 1310–41) were extraordinary for their constancy and length. Diplomatic letters were exchanged throughout James' long reign and touched on a number of subjects, including significantly the condition and treatment of the indigenous Christians within the Mamluk domains.^[5] This may well seem surprising given the great distance between the two powers. Did James really picture himself as their «protector», or was this but a means of gaining concessions on other fronts? Did he really have such significant influence upon the Mamluk court, or was the sultan just playing him off against other Christian rulers? The true picture is not as simple as it may seem.

At the beginning of James' reign, Aragon was faced with hostile neighbors in Angevin France and Castile, while French-dominated popes — from Martin IV (1281–1285) to Clement V (1305–1314) and later popes of the Babylonian Captivity — maintained an actively anti-Aragonese policy often with the country under interdict.^[6] Genoa, long dominant in Western Mediterranean trade was also resentful of Aragonese expansion.^[7] Angevin and papal hostility was engendered largely in Aragon's recent annexation of Sicily and Calabria, and so in 1293 James decided to relent and renounced claims to the area in deferment to France in return for compensation. The

Sicilians, however, had no desire to return to hated Angevin rule and elected James' younger brother, Frederick, as king. Despite numerous papal-supported and even Aragonese-supported French campaigns against Sicily, Frederick was successful in fending them off. Allied with the anti-papal Ghibellines and strengthened by a significant number of Catalan immigrants, the Aragonese position in the Central Mediterranean became quite powerful in a relatively short amount of time.^[8] In addition to Sicily and southern Italy, they controlled Montpellier and neighboring regions of southern France, Malta, had a trade monopoly over Tunis, and soon ruled Sardinia as well.

Neighbouring Castile, meanwhile, had entered into a period of temporary weakness on matters of succession both before and during James' reign, and the Aragonese were able to take advantage of the situation and gain territorial concessions.^[9] As a rule, this period for the Reconquista was more one of «absorption» than an active policy of territorial acquisition at the expense of the Moors. James did, however, sign a treaty with his Castilian counterpart on the proposed division of the Sultanate of Granada as well as North Africa. In 1308–1309, James and Ferdinand IV of Castile allied with the Marinid Sultan versus Granada, but the result was such a disaster that thereafter James returned to his interests in the Central Mediterranean. While in 1311 at the Council of Vienne he did propose a combined Crusade against Granada in conjunction with a Crusade to the Holy Land, this ultimately came to nothing and it may well be that he was mostly interested in the concession of six years of Church taxes, a practice not uncommon.^[10]

Aragon was thus well established in the Central Mediterranean, with bases in Sicily, Malta, and Djerba off Tunis.^[11] They did have interests further east, however, although competition was fierce between the major Italian influence and the presence of numerous pirates of various creeds and origins. While the Aragonese presence in the eastern Mediterranean was largely limited to mercantile interests, they did have a very significant military presence in that body known as the Grand Catalan Company. Following an easing of the Sicilian-Catalan war with the Angevins, Frederick of Sicily encouraged the recruitment of a significant portion of his Catalan fighting forces by the Byzantine Emperor.^[12] While it is beyond the scope of this paper to discuss the Grand Catalan Company in any detail after they had come into possession of the Duchy of Athens they were a major point of correspondence between Pope Clement V and James of Aragon. Clement demanded that they be reigned in, while also proposing that they be utilized for a new Crusade,

Газан-хан приказывает королю Армении участвовать в атаке на Дамаск в 1303 г. /
 Ghazan ordering king of Armenia to participate in the 1303 attack on Damascus
 (c 1410_Le Livre des Merveilles_foli251v; Wikimedia Commons)

first against the «schismatic» Greeks, then via the Armenian Kingdom of Cilicia and onward to the conquest of Palestine once again. This proposal was, of course, rejected, but James did write to the pope proposing their employment against the «schismatics» of the East. He also wrote to the Company, ordering them to withdraw from their conquered territories, though it is likely that this was simply a diplomatic gesture for papal relations. Regardless, the Grand Catalan Company stayed put.^[13]

Thus, Catalan-Aragonese influence was felt even in Frankish and Byzantine Greece and Anatolia, while they also had mercantile privileges in Cilicia from at least 1265 and in Cyprus from 1291.^[14] As early as 1266, James I gave the Council of Barcelona authority to establish consulates in both Egypt and Syria.^[15] In James II's time, Aragonese merchants could be found in Aleppo and Damascus, Cairo and Alexandria and elsewhere within Mamluk domains.^[16] Their presence was, however contrary to a perpetual papal policy forbidding trade with the Muslim sultanate, as many of the items of trade were war materials and military slaves and an embargo was hoped to have a weakening effect upon the conquerors of *Outremer*.^[17] In 1308, for example, Clement V re-published such a ban in trade, continuing the policy of Nicholas IV (1288–1292).^[18] Popes did, however, provide waivers to the ban, perhaps in tacit recognition that their influence was limited, especially with such powers as Aragon where the Angevin-dominated popes' influence was at a low point and often ignored.^[19]

At his accession to royal authority in 1291, James was as outraged and disheartened as any ruler and pious Latin Christian upon learning of the fall of Acre and the rest of Outremer. Likewise, when the Il-khan Ghazan successfully invaded Syria in 1299, James responded enthusiastically to the Mongol's proposal for a military alliance against the Mamluks.

Ghazan had, purportedly, in a letter of 1302, even promised to become a Christian if James and other Latin rulers would coordinate significant aid. To support his aims, he marginally relaxed the discriminatory measures against the indigenous Christians within the Il-khanate.^[20] About 1307, James sent an ambassador named Pedro Desportes to the Il-khan Oljeitu to discuss the practicalities of sending an army to assist the Il-khanid forces. He also requested that Christians should be able to freely visit the Holy Places in Jerusalem.^[21] If the Il-Khan did relax the sumptuary laws, numerous Armenian scribes within his domains were unaware of it and rather wrote how life in the Il-Khanate became worse and worse.^[22] Perhaps «easing up» referred to Latin merchants and pilgrims alone. Later that decade, James was highly critical of the Knights of the Hospital of Saint John for diverting Crusading resources into the conquest of their personal fief of Rhodes in lieu of an actual attempt to reconquer the Holy Land.^[23] The Hospitallers, for their part, sought to placate James and refused papal orders to attack the Catalans in Greece, and also facilitated the marriage of James to Marie de Lusignan of Cyprus in 1315, hoping thus to encourage increased Aragonese military investment in the Eastern Mediterranean.^[24] Between the Central Mediterranean and his own domains proper, however, James had enough to occupy himself.

We have thus established that the Catalan-Aragonese had become well established throughout the Mediterranean, including Mamluk Egypt and Syria for several decades prior to the accession of James II. As to the Mamluks, since their great victory over the Mongols in 1260 at the Battle of 'Ayn Jalut, they had firmly consolidated control throughout their domains and there were few who were their equal militarily. Having just destroyed the last of the remaining Frankish bastions on the Palestinian and Syrian coasts, why would the sultans have any interest in friendly ties with a kingdom far beyond their own domains? Naturally, diplomacy had always played a significant role in Frankish-Muslim relations despite its oft-portrayal as an endless series of battles. Trade was a cornerstone of Egyptian prosperity, and its chief northern ports at Alexandria and Damietta were key to their successful exchange with European merchants. There were, indeed, *funduqs* for numerous Italian, French, and other nationalities.^[25] Furthermore, the political situation of

Восточный район Средиземного моря в Каталонском атласе Авраама Крескеса, 1375 /
 Eastern Mediterranean in the Catalan Atlas by Abraham Cresques, 1375
 (from Wikimedia Commons)

the Sultanate of Granada and the events involved in the Reconquista were as well-known in the Muslim world as in the Latin Christian world due to Cairo's importance as a by-way along the *hajj* route to Mecca.^[26]

As early as 1293, a treaty was established between James and Sultan al-Ashraf Khalil (1290–1293), in which the former became «the protector of Christians in the post-Crusade Levant».^[27] From the context, this seems most likely to have referred to the Latin Christians in Mamluk domains as either pilgrims or merchants. We must, therefore, wait until 1303 for an embassy which specifically sought relief for the indigenous Christians and the reopening of churches. This was the second embassy between James of Aragon his primary Egyptian peer, Sultan al-Nasir Muhammad ibn Qalawun. He was the central Mamluk figure of his day, though he was truly only politically dominant during his lengthy third reign (1310–1341). Over the course of his long albeit interrupted reign, he exchanged diplomatic correspondence and embassies with James II on at least seven occasions: four between 1300 and 1306 and three from 1315 to 1328. An additional embassy was sent by

James' successor, Alfonso IV (r. 1327–1336) in 1330.^[28] The first embassy of 1300 simply requested open access to Egyptian markets for Catalan-Aragonese merchants and also an assurance of security for pilgrims to the Holy Places. These requests were acceded to, also with mention of the recent Mamluk victory over the Ilkhanid forces in that year.^[29]

As to the indigenous Christians within Mamluk domains, there were Syrian Orthodox, Maronites, Armenians, and East Syrians, as well as Georgian, Nubian, and Ethiopian monastic communities. These Christian confessions were generally more centered in Greater Syria, however, and thus the indigenous Christians relevant to the dialogue of James II and al-Nasir Muhammad were the Copts and the Melkites. Earlier, in the discussion of the Catalan influence in the Aegean, it was noted that James referred to the Byzantines as «schismatics» in line with the papal position. He may well have believed this, but like his predecessor Peter II (1276–1285) he was also pragmatic in his relations with the Byzantines and thus the Melkites in Egypt, often in the context of Angevin rivalry.^[30] Nonetheless, the Melkites were a small minority of Christians in Egypt and the focus was more therefore on the Copts.

The sultan's policy towards his Christian subjects was often forced by the pressures of the *'ulama* and the Cairene Muslim lower classes. In times of domestic discord and to head off the brewing violence, the government thoroughly clamped down on the freedoms of its Coptic population (and sometimes the Jewish community, as well). All Coptic employees of the government were expelled, newly built churches (or those accused of being new) were destroyed, and the sumptuary laws — the so-called «Code of Umar» — strictly enforced. Often times, the *'amma* and *harafish* pre-empted the government and rampaged through the streets, destroying churches and attacking Christians in public areas. At times, Mamluk amirs attacked the Muslim crowds in an attempt to restore order; at other times, they would sit by and wait out the fury. Only later, in the mid-fourteenth century, did the state take an active role in suppressing the Copts.

What prompted James' intercession for the indigenous Christians of Egypt and Syria, so distant from his own lands? In 1301, a vizier from the Maghreb arrived in Cairo en route to Mecca on the *hajj*. No doubt, he shared news of al-Andalus and Granada. Whilst near the citadel, he observed a man riding a horse with many others on foot around him, abasing themselves to him. When the vizier heard that the one mounted was a Christian, he complained to the amirs about this Christian dressed and mounted as a Muslim who was abusing Muslims. His eloquence made quite an impression

on the amirs, and before long a rescript was issued by the Sultan in which the qadis were enjoined to determine a policy along these lines. They elected a spokesman, who on Thursday before Easter commanded the patriarch and bishops of the Christians and the chief judge of the Jews to gather and gave a long speech on the new obligations of the *dhimmi*. Amongst other conditions, Christians were required to wear blue turbans, Jews yellow turbans, and they were not allowed to ride horses or mules. The patriarch and chief judge both declared that all their people must thenceforth follow these decrees.^[31] When news of these decisions became well disseminated amongst the populace, churches across Egypt and Syria were destroyed in significant numbers.^[32]

The churches not destroyed throughout Egypt remained closed for the space of one year. Envoys from Byzantium as well as Aragon arrived seeking to intervene for the indigenous Christians and to reopen the great Mu‘allaqah Church in Misr (or Old Cairo), the Church of Saint Michael, and, at the request of other monarchs, the Church of Saint Nicholas.^[33] In a letter dated 1 June 1303, James II of Aragon wrote to Sultan al-Nasir Muhammad entreating him to reopen Christian churches in Mamluk lands even as he, James, would extend freedom of worship to Muslims in Aragon. Although James sought the sultan’s intercession on behalf of Aragonese prisoners and wronged merchants, al-Nasir Muhammad’s reply in 1304 was devoted almost entirely to the status and treatment of Christians in Egypt. He states:

With reference to what he (the King) mentioned in regard to the churches in Egypt and that he had heard that they had been closed and that the Christians were prohibited from saying their prayers therein...as well as his statement concerning the captives on whose behalf he urged acceptance of his appeal for their liberation, we have taken note of all that he had put forward in these matters. ...And owing to his (the King’s) place and his proved amity with us, we have responded to his intercession in regard to the churches and decreed the re-opening of two of them in the city of Cairo, notwithstanding the fact that the subject of churches can (only) be settled in accordance with the religious law, which enacts that none (of these churches) may be left open except those which were in existence at the time of the Covenant of ‘Umar. Our law and religion necessitate the closing of all those (churches) which were recently founded after the Covenant. It so happened that numerous churches were newly established, and as the King is aware that as he is bound to abide by his ecclesiastical law and the tenets of his religion, so are we bound to abide by ours...^[34]

As to the captives referred to, there are records of Franciscan friars active in Cairo, in particular, as well as Tripoli and elsewhere, ministering to Latin Christians captured at the fall of Acre and on other occasions. In Cairo, there was a captive French soldier named John who was then in military service to the sultan. In 1303, he offered Fr. Angelo di Spoleto and four other Friars Minor hospitality and assistance in working with the prisoners, while the sultan himself offered to help defray their travel expenses.^[35] These Franciscans had a letter of recommendation from King James of Aragon. He was long a sponsor of mendicants operating in the Levant, and often this patronage would include asking for Christian shrines and churches to be transferred to them, obviously to the detriment of either Greeks or indigenous Christians who were then in ownership.

James II of Aragon sent another embassy to the Mamluk court in 1305. This time he had three appeals: protection for Christians resident in Mamluk domains; liberty of certain prisoners; and the right of Aragonese pilgrims to free access to the Church of the Holy Sepulchre and safe-conduct free of customs fees. The sultan responded favorably, though it should be noted that his order to the governor of Alexandria was to ensure the security of those Christians of Aragonese extraction. Relations were suddenly suspended between 1306 and 1314, however, due to an aggressive confrontation between the Aragonese diplomat and the Egyptian authorities over the matter of an unknown high-ranking Frankish prisoner.^[36] That this coincided with James' diplomatic negotiations with Oljeitu may not, as Setton has argued, be coincidental, but, on the other hand, James did correspond with Ghazan Khan earlier, so the relationship may not be exact.^[37]

It was not until 8 March 1314 that James II of Aragon sent a new delegation and letter to the Mamluk court. The king again made three appeals to the sultan: freedom of worship for Christians in Mamluk domains; safe-conduct for Christian pilgrims; and the liberty of Frankish prisoners. In his response in a letter of 17 March 1315, Sultan al-Nasir Muhammad again reacted favorably regarding the prisoners, but he is silent as to the other two requests. Indeed, perhaps being discouraged, James' central purpose in another embassy four years later, in 1318, seems to have been the freeing of Frankish — and Aragonese in particular — prisoners, with no mention of Frankish pilgrims or indigenous Christians.^[38]

How effective was James of Aragon in easing the harsh measures enacted against the indigenous Christians of the Mamluk Sultanate? Al-Nasir Muhammad was nothing if not politically savvy and realized that re-opening a few churches was expedient to his Mediterranean trade policy. It was also

a rather conventional pattern to ease the sumptuary laws and restrictions on churches once the furor of the *'amma* (the Cairene underclass) had cooled down. Thus, it was clearly a win-win situation for the sultan, and he encouraged a rivalry between Christian envoys, including Byzantium, France, and the Italian naval powers. As to the indigenous Christians and Jews, it seems that foreign influence might ease governmental restrictions to some degree — such as re-opening a few places of worship — but the effect on the *'amma* and *'ulama* would have been negative if anything. Linking indigenous Christians with Latin Christian military powers was clearly not difficult in the thinking of either contemporary Islamic scholarship or in popular Muslim sentiment. Restrictions might be eased, but suspicions were only hardened.

The sixth embassy of King James II of Aragon to the Mamluk court is dated to 1322/3. Unlike previous embassies, the Spanish envoys did not seek the protection of the indigenous Christians in addition to the usual plea for merchant access and freedom of Christian captives. This is especially notable given the massive persecution that had broken out against the Copts across Egypt in 1321. Indeed, on this occasion, the king requested that Aragonese Dominicans be given custody and administration of the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem as well as the patriarchal dwelling. James also asked for Christian holy relics in the sultan's possession, specifically portions of the True Cross, the Holy Grail («Christ's Chalice»), and the body of Saint Barbara. As Aziz Atiya suggested, this shift in Aragonese policy — especially coming in such a tumultuous period — must have shaken the confidence of the Copts as to the depth of the king's support. Perhaps James took al-Nasir Muhammad at his word when, in earlier letters, he declared that the indigenous Christians of his realm were completely protected. Perhaps he did not wish to get involved, or he may well have not wanted to risk damaging trade relations with Egypt in consideration of their Genoese and Venetian rivals. At any rate, the Sultan acquiesced in the placement of Aragonese Dominicans in control of the Holy Sepulchre, but the issue of the relics of Saint Barbara was another matter, as the church in Old Cairo containing the body had been demolished by a violent mob in 1318. In al-Nasir Muhammad's response letter of 1323, he has this to say regarding the Christians of his land: «As to the rest of the Christians, these are safe in our quarters in a way which will please him, for they are our subjects, and by the grace of God every one of our subjects is but amply secured from all harm and safe from what might offend him or disturb him. He (the King) may therefore rest assured on this account». The Sultan goes on to encourage the

well-treatment of Muslims in the domains of Aragon, noting that «God the High has entrusted us with the management of the affairs of all the people of Islam in whatever place they may be».^[39] This statement furthers the Mamluk belief in the sultan's position — much like the Byzantine emperor's historic role for Christianity in the East — as the defenders of Islam the world over.

A few years later, the final embassy of King James II of Aragon again was dispatched to the Mamluk court in 1327. Repeating previous requests to free Latin and, especially, Aragonese prisoners, James also asked for the establishment of Aragonese Franciscans at the Church of the Holy Sepulchre, as opposed to his support for Dominicans but five years previously.^[40] Although Aragon no longer interceded for Egypt's Coptic Christians, nonetheless her reputation in the greater Mediterranean world was such that a century later, the Ethiopian *Negus* Yeshaq I (r. 1414–1429) specifically wrote to King Alfonso V of Aragon (1416–1458) seeking a marital and military alliance as Ethiopia sought to end her Mamluk-enforced isolation.^[41]

These embassies and letters demonstrate that James II of Aragon was more pragmatic than idealistic and not consistent as regards intercession for the indigenous Christians. In many ways, he was quite compatible with al-Nasir Muhammad. As demonstrated at the beginning of his reign, however, with his decision to release Sicily, his primary concern was in advancing Aragonese interests.^[42] Thus, his constant boon of the sultan was in the freedom of access for Aragonese merchants and freedom for Aragonese prisoners. His title of «Protector» was thus limited, pragmatic, comparative, and subordinate to other interests.

[1] *Bisson T.N.* *The Medieval Crown of Aragon: A Short History* (Oxford, 1986), p. 92.

[2] *Muntaner R.* *Chronicle*, trans. Lady Goodenough (London, 1921), ch. 292. Catalonia, of course, was an integral part of the kingdom of Aragon.

[3] On these events, see: *Bisson*, *Medieval Crown*, pp. 92ff., noting that the peace treaty was actually ineffective upon the Alfonso's death; *Runciman S.*, *The Sicilian Vespers* (Cambridge, 1958), pp. 269ff. Charles Julian Bishko emphasizes that consolidation did not mean inactivity: 'The Spanish and Portuguese Reconquest, 1095–1492', in *Kenneth Setton M. (ed.)*, *A History of the Crusades* (6 vols, Madison, WI, 1969–1989), vol. 3, pp. 396–456, at 438–439; *Robert D. Hughes*, trans., *The Catalan Expedition to the East: from the Chronicle of Ramon Muntaner* (Barcelona, 2006); *Kenneth M. Setton*, 'The Catalans in Greece 1311–1380', in *Kenneth M. Setton (ed.)*, *A History of the Crusades* (6 vols, Madison, WI, 1969–1989), vol. 3, pp. 167–224, at 167–169.

[4] Beginning at least about 1266, while the text of a formal treaty from 1290 is recorded. See: *Hillgarth J.N.*, *The Spanish Kingdoms, 1250–1516* (2 vols., Oxford, 1976–1978), vol. 1, pp. 273–274; *Holt P.M.*, *Early Mamluk Diplomacy (1260–1290): Treaties of Baybars and Qalāwūn with Christian Rulers* (Leiden, 1995), pp. 135ff.

- [5] On this correspondence, see: *Atiya Aziz S.*, *Egypt and Aragon: Embassies and Diplomatic Correspondence between 1300 and 1330 A.D.* (Leipzig, 1938); *Maximiliano A. Alarcón y Santón y Ramón García de Linares*, eds. and trans., *Los Documentos Árabes Diplomáticos del Archivo de la Corona de Aragón* (Madrid, 1940), pp. 350–367; *Girolamo Golubovich*, *Biblioteca Bio-Bibliografica Della Terra Santa e Dell'Oriente Francese*, (5 Vols., Quaracchi, 1906–1927), vol. 3, pp. 73–85, 185–187, 232–236, and 309–317.
- [6] On Aragonese-Angevin rivalry, see: *Runciman*, *Sicilian Vespers*, pp. 228ff.; *Setton K.M.*, *The Papacy and the Levant (1204–1571)* (4 vols, Philadelphia, 1976–1984), vol. 1, pp. 140ff. For an important first-hand account of Aragonese relations with the Avignon Papacy during the reign of James II, see: *Finke H.*, *Acta Aragonensia* (3 vols., Berlin and Leipzig, 1908–1922). *Mollat Cf. G.*, *The Popes at Avignon, 1305–1378*, trans. Janet Love (London, 1963), pp. 269–274.
- [7] *Gabriella Airaldi*, 'Genoa and Barcelona: Two Hypothesis for a "Global" World', in *Ruthy Gertwagen and Elizabeth Jeffreys* (eds.), *Shipping, Trade and crusade in the Medieval Mediterranean: Studies in Honour of John Pryor* (Farnham, Surrey, 2012), pp. 223–230.
- [8] *Bisson*, *Medieval Crown*, pp. 90–93; *Runciman*, *Sicilian Vespers*, pp. 269ff.; *J. Lee Schneidman*, 'Ending the War of the Sicilian Vespers', *Journal of Peace Research* 6 (1969), pp. 335–348.
- [9] *Bishko*, *Spanish and Portuguese Reconquest*, p. 436.
- [10] *Housley N.* *The Later Crusades: from Lyons to Alcazar 1274–1580* (Oxford, 1992), pp. 277–278; *Hillgarth*, *Spanish Kingdoms*, vol. 1, pp. 328–329; *Bishko*, *Spanish and Portuguese Reconquest*, p. 436.
- [11] On Aragonese relations with the Hafsiids of Tunis (off of which Djerba, captured by Aragonese troops in 1284, lay), see: *Hazard H.W.*, *Moslem North Africa, 1049–1394*, in *Kenneth M. Setton* (ed.), *A History of the Crusades* (6 vols, Madison, WI, 1969–1989), vol. 3, pp. 457–485, at 477 and 479–480; *Dufourcq C.-E.*, *L'Espagne catalane et le Maghrib aux XIIIe et XIVe siècles* (Paris, 1966); cf. *Angeles Masià de Ros*, *La corona de Aragón y los estados del norte de Africa: politica de Jaime II y Alfonso IV en Egipto, Ifríquía y Tremecén* (Barcelona, 1951); *Bishko*, *Spanish and Portuguese Reconquest*, pp. 438–439.
- [12] *Hughes*, *Catalan Expedition*, pp. 36–43; *Bisson*, *Medieval Crown*, p. 93.
- [13] *Setton*, *Catalans in Greece*, pp. 181–183; *Setton*, *Papacy and the Levant*, vol. 1, pp. 447–448.
- [14] *Shneidman J. L.* *The Rise of the Aragonese-Catalan Empire 1200–1350* (2 vols, New York, 1970), vol. 2, p. 317.
- [15] *Hillgarth*. *Spanish Kingdoms*, vol. 1, pp. 273–274. Cf. On Aragonese-Egyptian relations, see: *Coulon D.*, *Barcelone et Le Grand Commerce d'Orient au Moyen Âge* (Madrid, 2004), pp. 44–51; *de Ros*, *La corona de Aragón*.
- [16] *Shneidman*. *Rise of the Aragonese-Catalan Empire*, pp. 336 and 386.
- [17] On papal anti-Mamluk trade policy at this time, see: *Ashtor E.*, *Levant Trade in the Later Middle Ages* (Princeton, NJ, 1983), pp. 17ff; *Coureas N.*, 'Controlled Contacts: The Papacy, the Latin Church of Cyprus and Mamluk Egypt, 1250–1350', in *U. Vermeulen and J. Van Steenbergen* (eds.), *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras*, Vol. 4 (Leuven, 2005), pp. 395–408. Cf. *David Jacoby*, 'The Supply of War Materials to Egypt in the Crusader Period', *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 25 (Jerusalem, 2001), 102–132; reprint: *Jacoby D.*, *Commercial Exchange Across the Mediterranean* (Aldershot, 2005), II.
- [18] *Shneidman*. *Rise of the Aragonese-Catalan Empire*, vol. 2, p. 407, ft 143.
- [19] *Ashtor*. *Levant Trade*, pp. 12–14 and 18–22; *Shneidman*, *Rise of the Aragonese-Catalan Empire*, pp. 385–386.
- [20] *Baumer C.* *The Church of the East: An Illustrated History of Assyrian Christianity* (London, 2006), p. 228; *Boyle J.A.*, *The Il-Khāns of Persia and the Christian West*, *History Today* 23 (1973), pp. 554–562, at 562, reprint, *The Mongol World Empire, 1206–1370* (London, 1977), VIII; *al-Maqrīzī*, *Kitāb al-Sūlūk li-ma'rifat Duwal al-Mulūk*, eds. M. Muṣṭafā Ziyāda and Sa'īd 'Abd al-Fattāh 'Ashūr (4 vols, Cairo, 1934–1973), vol. 1, part 3,

pp. 922–923; *Holt P.M.*, *The Age of the Crusades: The Near East from the Eleventh Century to 1517* (London, 1986), p. 111.

- [21] *Sinor D.*, ‘The Mongols and Western Europe’, in Kenneth M. Setton (ed.), *A History of the Crusades* (6 vols, Madison, WI, 1969–1989), vol. 3, pp. 513–544, at 537–539.
- [22] The year 1307 is remembered as a particularly evil year for Christians in the Il-Khānate, as Öljeitū Khān, who (according to one Armenian chronicler) ‘looked like Antichrist... [and] sought to efface Christianity from Armenia and Georgia.’ Christians throughout his domains were forced to wear ‘a symbol of opprobrium’, and new, heavy taxes were introduced for the Christian subjections. Life became so intolerable in the reign of Öljeitū Khān that ‘sons and daughters in our land are being sold to pay excessive and intolerable levies, and numerous villages and monasteries are in ruins and in anguish, and ecclesiastics are seeking refuge abroad; and all of this [came to pass] on account of our sins...’ For the rest of the decade, the Armenians could only speak of the abuses, heavy taxes, and persecution of the Mongols and their helplessness in the face of it. See: *Sanjian A.K. (ed. and trans.)*, *Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480: A Source for Middle Eastern History* (Cambridge, MA, 1969), pp. 52–63; *Bayarsaikhan Dashdondog*, *The Mongols and the Armenians (1220–1335)* (Leiden, 2011), pp. 203–205.
- [23] *Housley*, *Later Crusades*, pp. 219–220; *Luttrell A.*, ‘The Hospitallers at Rhodes, 1306–1421’, in *Kenneth M. Setton (ed.)*, *A History of the Crusades* (6 vols, Madison, WI, 1969–1989), vol. 3, pp. 278–313, at 285. On the Hospitallers in Aragon, see: *Luttrell A.*, ‘The Aragonese Crown and the Knights Hospitallers of Rhodes: 1291–1350’, *The English Historical Review* 76 (1961), pp. 1–19.
- [24] *Edbury P.W.*, *The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374* (Cambridge, 1991), pp. 136–139; *Péquignot S.*, *Au Nom du Roi: Pratique diplomatique et pouvoir Durant le règne de Jacques II d’Aragon (1291–1327)*, p. 458; *Luttrell*, ‘Hospitallers’, pp. 287–288.
- [25] *Ashtor*, *Levant Trade*, pp. 8–9.
- [26] *Irwin R.*, *The Middle East in the Middle Ages: The Early Mamluk Sultanate, 1250–1382* (Beckenham, 1986), p. 98. As in the example below of a Maghrebi vizier, for example, sojourned in Cairo in 1301 whilst on the *hajj*. His opinions regarding the *dhimmi* position were highly influential in the Mamluk court, with severe consequences for the Coptic community. See: *al-Yūnīnī*, *Dhayl Mir āt al-Zamān*, 4 Vols. (Hyderabad, 1954–1961), vol. 2, pp. 208–210; *al-Maqrīzī*, *al-Sulūk*, vol. 1, part 3, pp. 909–915.
- [27] *Bisson*, *Medieval Crown*, p. 95. He does not provide his source, but a letter dated to 1292 is reproduced in *Alarcón y Santón and de Linares*, *Los Documentos*, pp. 335–344, at 338 and 343.
- [28] On the eighth embassy, see *Atiya*, *Egypt, and Aragon*, pp. 61–65; *Coulon*, *Barcelone et le Grand Commerce*, p. 47.
- [29] *Atiya*, *Egypt and Aragon*, pp. 17–19 and 36, ft. 6.
- [30] *Setton*, ‘Catalans in Greece’, pp. 182–183; *Housley*, *Later Crusades*, p. 238.
- [31] *Al-Maqrīzī*, *al-Sulūk*, vol. 1, part 3, pp. 909–910; *al-Yūnīnī*, *Dhayl*, vol. 2, p. 208.
- [32] *Ibid*, pp. 912–915; *al-Yūnīnī*, *Dhayl*, vol. 2, pp. 209–210.
- [33] *Al-Maqrīzī*, *al-Sulūk*, vol. 1, part 3, p. 912.
- [34] *Atiya*, *Egypt and Aragon*, pp. 20–25; cf. *al-Maqrīzī*, *al-Sulūk*, vol. 1, part 3, pp. 912–913. The two churches reopened were the Coptic church in Hāret Zuwaila and the Melkite Church of Saint Nicholas in the arbalester’s quarter of Cairo. *Atiya* says that this rather ‘confusing story’ of *al-Maqrīzī*’s must have occurred as late at 1306, not 1304, when *al-Maqrīzī* places it. See: *Atiya*, *Egypt and Aragon*, pp. 33–34, also 22–23, ft. 2.
- [35] *Golubovich*, *Biblioteca*, vol. 3, pp. 68–72.
- [36] *Atiya*, *Egypt and Aragon*, pp. 26 and 28.
- [37] *Sinor*, ‘Mongols and Western Europe’, p. 539.
- [38] *Atiya*, *Egypt and Aragon*, pp. 34–43.
- [39] *Ibid*, pp. 46–52.

- [40] Ibid, pp. 53–60. The Friars Minor and Friars Preachers cooperated in their missionary endeavors but were also rivals in many ways. On their presence in the Holy Land, see: Andrew Jotischky, ‘The Medicants as missionaries and travelers in the Near East in the thirteenth and fourteenth centuries’, in *ed. Rosamund Allen*, *Eastward Bound: Travel and Travelers, 1050–1550* (Manchester, 2005), pp. 88–106; *Jean Richard*, *La Papauté et les missions d’Orient au moyen age (XIIIe–XVe siècles)* (Paris, 1977); *Loenertz R.J.*, *La Société des Frères pègrinants* (Rome, 1937); *Golubovich*, *Biblioteca*, vol. 4, pp. 39–52, 225–226, 235–241, and 243.
- [41] *Crawford O.G.S.*, *Ethiopian Itineraries, ca. 1400–1524* (Cambridge, 1958), pp. 12ff. The Ethiopian Negus Weden Ar ad (1299–1314) — a contemporary to James II — had sent envoys to meet Pope Clement V (1305–1314) in Avignon in ca. 1310 and also interestingly James of Aragon, perhaps seeking a military alliance against Egypt. See: *C.F. Beckingham*, ‘An Ethiopian Embassy to Europe, c. 1310’, *Journal of Semitic Studies* 14 (1989), 337–346, reprint in *C.F. Beckingham and Bernard Hamilton (eds.)*, *Prester John, the Mongols, and the Ten Lost Tribes*, pp. 197–206. As Niccolò of Poggibonsi recorded about 1347–1349, the Ethiopians love ‘us Christian Franks more than any other generation, and willingly would unite with us Latins; but the [Mamlük] Sultan of Babylon never allows a Latin to them, lest they negotiate war against him.’ *Niccolò of Poggibonsi*, *A Voyage Beyond the Seas*, trans. T. Bellorii and E. Hoade (Jerusalem, 1945), p. 126.
- [42] *Hillgarth*, *Spanish Kingdoms*, pp. 268–269.

REFERENCES

1. *Airaldi G.* Genoa and Barcelona: Two Hypothesis for a «Global World». In Ruthy Gertwagen and Elizabeth Jeffreys (eds.). *Shipping, Trade and crusade in the Medieval Mediterranean: Studies in Honour of John Pryor.* Farnham, Surrey, 2012.
2. *Alarcón y Santón M.A., García de Linares R.G.* (eds. and trans.). *Los Documentos Árabes Diplomáticos del Archivo de la Corona de Aragón.* Madrid, 1940.
3. *al-Maqrīzī.* Kitāb al-Sūlūk li-maʿrifat Duwal al-Mulūk / eds. M. Muṣṭafā Ziyāda and Saʿīd ʿAbd al-Fattāḥ ʿAshūr. 4 vols. Vol. 1. Cairo, 1934.
4. *al-Yūnīnī.* Dhayl Mirʾāt al-Zamān. 4 Vols. Hyderabad, 1954–1961.
5. *Ashtor E.* *Levant Trade in the Later Middle Ages.* Princeton, NJ, 1983.
6. *Atiya A.S.* *Egypt ,and Aragon: Embassies and Diplomatic Correspondence between 1300 and 1330 A.D.* Leipzig, 1938.
7. *Baumer C.* *The Church of the East: An Illustrated History of Assyrian Christianity.* London, 2006.
8. *Beckingham C.F.* An Ethiopian Embassy to Europe, c. 1310. *Journal of Semitic Studies.* 14. 1989. P. 337–46; reprint in C.F. Beckingham and B. Hamilton (eds.). *Prester John, the Mongols, and the Ten Lost Tribes.* P. 197–206.
9. *Bishko C.J.* The Spanish and Portuguese Reconquest, 1095–1492. In Kenneth M. Setton (ed.). *A History of the Crusades.* 6 vols. Vol. 3. Madison, WI, 1969–1989.
10. *Bisson T.N.* *The Medieval Crown of Aragon: A Short History.* Oxford, 1986.
11. *Boyle J.A.* The Il-Khāns of Persia and the Christian West. *History Today.* 23. 1973. P. 554–62; at 562, reprint: *The Mongol World Empire, 1206–1370.* London, 1977.
12. *Coulon D.* *Barcelone et Le Grand Commerce d’Orient au Moyen Âge.* Madrid, 2004.
13. *Coureas N.* Controlled Contacts: The Papacy, the Latin Church of Cyprus and Mamluk Egypt, 1250–1350. In U. Vermeulen and J. Van Steenbergen (eds.). *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras.* Vol. 4. Leuven, 2005.

14. *Crawford O.G.S.* Ethiopian Itineraries, ca. 1400–1524. Cambridge, 1958.
15. *Dashdondog B.* The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden, 2011.
16. de Ros, *La corona de Aragón*.
17. *Dufourcq C.-E.* L'Espagne catalane et le Maghrib aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1966.
18. *Edbury P.W.* The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374. Cambridge, 1991.
19. *Finke H.* Acta Aragonensia. 3 vols. Berlin and Leipzig, 1908–1922.
20. *Golubovich G.* Biblioteca Bio-Bibliografica Della Terra Santa e Dell'Oriente Francese. 5 Vols. Quaracchi, 1906–1927.
21. *Hazard H.W.* Moslem North Africa, 1049–1394. In Kenneth M. Setton (ed.). A History of the Crusades. 6 vols. Vol. 3. Madison, WI, 1969–1989.
22. *Hillgarth J.N.* The Spanish Kingdoms, 1250–1516. 2 vols. Vol. 1. Oxford, 1976.
23. *Holt P.M.* Early Mamluk Diplomacy (1260–1290): Treaties of Baybars and Qalāwūn with Christian Rulers. Leiden, 1995.
24. *Holt P.M.* The Age of the Crusades: The Near East from the Eleventh Century to 1517. London, 1986.
25. *Housley N.* The Later Crusades: from Lyons to Alcazar 1274–1580. Oxford, 1992.
26. *Hughes R.D.* (trans.). The Catalan Expedition to the East: from the Chronicle of Ramon Muntaner. Barcelona, 2006.
27. *Irwin R.* The Middle East in the Middle Ages: The Early Mamluk Sultanate, 1250–1382. Beckenham, 1986.
28. *Jacoby D.* The Supply of War Materials to Egypt in the Crusader Period. Jerusalem Studies in Arabic and Islam. 25. Jerusalem, 2001. P. 102–32; reprint: *Jacoby D.* Commercial Exchange Across the Mediterranean. Aldershot, 2005.
29. *Jotischky A.* The Medicants as missionaries and travelers in the Near East in the thirteenth and fourteenth centuries. In ed. Rosamund Allen, Eastward Bound: Travel and Travelers, 1050–1550. Manchester, 2005. P. 88–106.
30. *Loenertz R.J.* La Société des Frères pègrinants. Rome, 1937.
31. *Luttrell A.* The Aragonese Crown and the Knights Hospitallers of Rhodes: 1291–1350. The English Historical Review. 76. 1961. P. 1–19.
32. *Luttrell A.* The Hospitallers at Rhodes, 1306–1421. In Kenneth M. Setton (ed.). A History of the Crusades. 6 vols. Vol. 3. Madison, WI, 1969–1989.
33. *Masià de Ros A.* La corona de Aragón y los estados del norte de Africa: politica de Jaime II y Alfonso IV en Egipto, Ifriquíia y Tremecén. Barcelona, 1951.

34. *Mollat C.G.* The Popes at Avignon, 1305–1378 / trans. Janet Love. London, 1963.
35. *Muntaner R.* Chronicle / trans. Lady Goodenough. London, 1921.
36. *Péquignot S.* Au Nom du Roi: Pratique diplomatique et pouvoir Durant le règne de Jacques II d'Aragon (1291–1327). Madrid, 2009.
37. *Poggibonsi N.* A Voyage Beyond the Seas / trans. T. Bellorini and E. Hoade. Jerusalem, 1945.
38. *Richard J.* La Papauté et les missions d'Orient au moyen age (XIIIe-XVe siècles). Paris, 1977.
39. *Runciman S.* The Sicilian Vespers. Cambridge, 1958.
40. *Sanjian A.K.* (ed. and trans.). Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480: A Source for Middle Eastern History. Cambridge, MA, 1969.
41. *Schneidman J.L.* Ending the War of the Sicilian Vespers. *Journal of Peace Research*. 6. 1969. P. 335–348.
42. *Setton K.M.* The Catalans in Greece 1311–1380. In Kenneth M. Setton (ed.). *A History of the Crusades*. 6 vols. Vol. 3. Madison, WI, 1969–1989.
43. *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). 4 vols. Vol. 1. Philadelphia, 1976.
44. *Shneidman J.L.* The Rise of the Aragonese-Catalan Empire 1200–1350. 2 vols. Vol. 2. New York, 1970.
45. *Sinor D.* The Mongols and Western Europe. In Kenneth M. Setton (ed.). *A History of the Crusades*. 6 vols. Vol. 3. Madison, WI, 1969–1989.

Key words:

James II of Aragon, Crown of Aragon, Mamluk, al-Nasir Muhammad ibn Qalawun, Egypt, Copt, Melkite, dhimmi, Mediterranean history, diplomacy, trade, Crusades, pilgrimage.

К.С. Паркер

АРАГОН И ВОСТОК: ИАКОВ II И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В МАМЛЮКСКИЙ ЕГИПЕТ

татья рассматривает дипломатическую интервенцию короля Иакова II Арагонского (1291–1327) в мамлюкский Египет, призванную защитить восточных христиан, латинские монашеские ордены и коммерческие интересы Арагона.

Правление Иакова II совпало с правлением мамлюкского султана аль-Насира Мухаммада ибн Калавуна (1293–1294; 1298–1308; 1310–1341), обеспечившего окончательное поражение крестоносцев и монгольского Ильханата.

Тем не менее правление аль-Насира Мухаммада ибн Калавуна была сопряжена с преследованием египетских христиан — как коптов, так и мелькитов. Корреспонденция Иакова II предоставляет весьма ценные свидетельства об опыте этих общин.

Ключевые слова: Иаков II Арагонский, Арагонское королевство, мамлюки, аль-Насир Мухаммад ибн Калавун, Египет, копты, мелькиты, зимми, паломничество, Средиземноморье, дипломатия, торговля, Крестовые походы.

Кеннет Скотт Паркер — доктор исторических наук, Королевский Холловей Колледж, Лондонский университет.

 Parker Kenneth Scott

D.Sc. (History), Royal Holloway University of London

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.008

Самвел Григорян

КРЕПОСТЬ ЛЕВОНА ОТРОКА:

средневековое название
и период строительства Йиланкале

*Посвящается великодушному
и благородному Карену Матевосяну*

уманность средневекового названия Йиланкале — что по-турецки означает «Змеиная крепость» — являет собой лакуну в исторической географии Армянского королевства Киликии. Великолепная крепость, возвышающаяся над драконовидным известняковым обнажением, расположенным в сердце Киликийской Равнины, приблизительно в 15 км¹ к северо-востоку от средневекового Мсиса, ныне поселения Йакапинар² (см. фото 1 и карты 2 и 3).

Виктор Ланглуа утверждал, что Йиланкале «точно соответствует» местоположению замка Т'иль (Тель Хамтун), упомянутого Вильбрандом Ольденбургским и Смбатом Спарпетом³. Другие исследователи, напро-

¹ В настоящем исследовании расстояния определены с помощью Google Maps.

² *Hellenkemper H., Hild F. Tabula imperii Byzantini. Band 5. Kilikien und Isaurien. T. 1. Wien, 1990. P. 351.*

³ *Langlois V. Voyage dans la Cilicie et dans les Montagnes du Taurus. Paris, 1861. P. 468; Laurent J. C.M. (ed.). Wilbrandi de Oldenburg peregrination. In: Peregrinatores medii aevi quatuor. Lipsiae, 1864. P. 179–180; Aglean S. (ed.). The Chronicle by Smbat Sparapet [Smbatay Sparapeti taregirk']. Venice, 1956. P. 170, 173, 210, 221, 243; Dulaurier E. (ed.).*

Фото 1. Панорама Йиланкале. Фото: *Hrair Baze Khatcherian*

тив, указывают на то, что Тиль — это современный Топраккале, расположенный в 40 км к востоку от Йиланкале⁴. Й. Готтвальд был уверен, что Йиланкале — это средневековый Тилсап, упомянутый в перечне церковных иерархов и вассалов Левона I (ок. 1198 г.), включенном в Хронику, приписываемую Смбату Гундстаблю⁵.

Хансгред Хелленкемпер и Фридрих Хильд отождествляли Йиланкале с крепостью Ковара, упоминаемой в армянских, арабских и латинских источниках⁶. Их версия идентификации противоречит сведениям Абуль-Феды. Согласно последнему, Ковара была расположена к югу от реки Джейхан⁷, в то время как Йиланкале расположен у ее северного (правого) берега.

Микаэл Ованесян, Шаварш Палмян и Арутюн Тер Лазарян называют Йиланкале «замком Левона»⁸. Некий замок, именуемый «Левонклай»

Le connétable Sempad. Chronique du royaume de la Petite Arménie. In: Recueil des historiens des croisades, documents arméniens. T. 1. Paris, 1869. P. 647–648. Тиль также упоминается и в ряде других средневековых источников.

⁴ *Gottwald J.* Die Burg Til im Südöstlichen Kilikien. *Byzantinische Zeitschrift*. T. 40 (I). Berlin, 1940. P. 89, 96–104; *Hellenkemper H.*, *Hild F.* P. 445–447; *Edwards R.W.* The Fortifications of Armenian Cilicia. Washington, D. C., 1987. P. 244.

⁵ *Gottwald J.* Burgen und Kirchen im Mittleren Kilikien. *Byzantinische Zeitschrift*. T. 41 (I). Berlin, 1941. P. 89–90; *The Chronicle by Smbat Sparapet*. P. 210.

⁶ *Hellenkemper H.*, *Hild F.* P. 321–322; *Hellenkemper H.* Burgen der Kreuzritterzeit in der Grafschaft Edessa und im Königreich Kleinarmenien. Bonn, 1976. P. 169, 185–187; *Le connétable Sempad*. P. 667–668; *Alishan L.* Sissouan ou L'Arméno-Cilicie. Venise, 1890. P. 240; *Nalbandian H.* (trans. and ed.). The Chronicle by Abu-l-Fida. In: Arabic sources on Armenia and neighboring countries [Arabakan albyurnerē hayastani ew harevan erkneri masin]. Yerevan, 1965. P. 242, 244, 281 n. 100; *Hartmann R.* (trans. and ed.). Politische Geographie des Mamlukenreichs: Kapitel 5 und 6 des Staatshandbuchs Ibn Fadlallāhal-'Omarī's. *Zeitschrift der deutschen morgenländischen gesellschaft*. T. 70. Leipzig, 1916. P. 39–40.

⁷ *The Chronicle by Abu-l-Fida*. P. 242, 244, 281 n. 100.

⁸ *Hovhannesian M.* Châteaux et places-fortes de la Cilicie Arménienne. Venise, 1989. P. 251–258; *Tēr Lazarean Y.* Armenian Cilicia [haykakan Kilikia]. Ant' ilias, 1966. P. 24, 130–134, 227 and map.

(ԼԷՆՆՆԿԼՄ, «Крепость/Замок Левона»), «берд Леони» (բերդ Լեօնի, «Крепость/Замок Левона»), «Левонберд» (ԼԷՆՆԻՐԵՐԴ, «Крепость/Замок Левона»)⁹, или «Ламберд» (Լամբերդ)¹⁰, упоминается в некоторых армянских источниках XIII–XVIII вв.¹¹ Мисак Джеваирджян и Алексей Сукиасян считали, что это место тождественно руинам замка, расположенным в 12 км к юго-западу от замка Вахка. К сожалению, они не представили никаких исторических свидетельств или аргументов в пользу своего мнения. Более того, они не привели современного названия этой крепости¹². Стоит отметить, что утверждения Ованесяна, Палмяна и Тер Лазаряна также не подкреплены свидетельствами первоисточников и убедительной аргументацией¹³. Фраза Ованесяна «замок Левона, как некоторым приятно его называть...»¹⁴ красноречиво показывает, что данная идентификация пока не аргументирована и нуждается в достаточном обосновании.

Предлагаемая нами версия идентификации замка Левонклай/Левонберд/берд Леони основана на информации колофона рукописи, составленной вардапетом Теодоросом из Сиса. Согласно этому источнику, датированному 1785 г., «берд Леони» («Левонберд») был расположен около киликийского поселения Кала Тереси (...ի բերդն Լեօնի մեծի, որ է Ղալա Տերէսի)¹⁵. Скорее всего, вардапет Теодорос имел в виду Каладере/Каладере¹⁶, населенную армянами деревню, существовавшую в районе Феке (Вахки) до 1915 г. Каладере была расположена в 10 милях от Старого Феке¹⁷, в полчасе пути от деревни Еребакан¹⁸. Последняя существует

⁹ Армянские слова բերդ (берд) и կլայ (клай) являются синонимами. Оба означают «крепость» или «замок». Согласно hrač'ya Ačaṙyan, Arm. «клай» происходит от арабского «qal'a», что также обозначает «замок». См.: Ačaṙyan H. The Dictionary of Armenian Root Words [hayerēn armatakan baṙaran]. T. 2. Yerevan, 1926. P. 599.

¹⁰ Очевидно, что «Ламберд» — производное от «Левонберд».

¹¹ См. примечания 15 и 22.

¹² Armenian Soviet Encyclopaedia [haykakan Sovetakan hanragitaran]. T. 4. Yerevan, 1978. P. 592; Suk'iasyan A. The History and the law of the Cilician Armenian state, 11th–14th centuries [Kilikiaiyi hayakakan petut'yan ev iravunk' I patmut'yun, 11–14 darer]. Yerevan, 1978, maps.

¹³ *Hovhannesian* M. P. 249–258; *Tēr Lazarean* Y. P. 24, 64, 130–134, 211, 227.

¹⁴ «ԼԷՆՆՆԻՐԵՐԴ, ինչպէս նմանց հաճելի է կոչել...» — *Hovhannesian* M. P. 249.

¹⁵ *Daničlean* A. (ed.) The general list of the Armenian manuscripts of the Catholicosate of the Great House of Cilicia [mayr c'uc'ak hayeren dzeragrac' meci tann Kilikioy Kat'ohikosut'ean]. Ant'ilia, 1984. P. 224.

¹⁶ Первая часть названия означает по-турецки «замок», вторая — «ущелье».

¹⁷ Современный город Феке расположен приблизительно в 6 км к юго-западу от крепости Вахка и старой деревни Феке (Факки). См.: *Edwards* R.W. P. 259.

¹⁸ *Rošosean* Y.P. The General history of Hačēn and the neighboring Armenian villages of Gōzan-taḥ [hačēni ēndhanur patmutiwnē ew šrjakay gōzan-taḥi hay giwłere]. Los

Карта 1. Левонклай I Маран Калеси

до сих пор. Она расположена в 10 км к западу от современного города Феке (Новый Феке)¹⁹.

В этой местности находится лишь одна средневековая крепость — это Маран Калеси, расположенная примерно в 5 км к северо-западу от Еребакана и примерно в 15 км к северо-западу от города Феке. Маленькие современные деревеньки Маран и Тордере²⁰ расположены ближе всего к высокому отрогу, на котором стоит эта крепость (см. карту 1). Крепость с координатами 37°50'04.2"N 35°48'33.7"E расположена на высоте 1402 м над уровнем моря. Другие источники подтверждают, что Левонклай/Левонберд/берд Леони находится в северной Киликии, в горах Тавра²¹. Расстояние между Маран Калеси и Йиланкале составляет примерно 120 км.

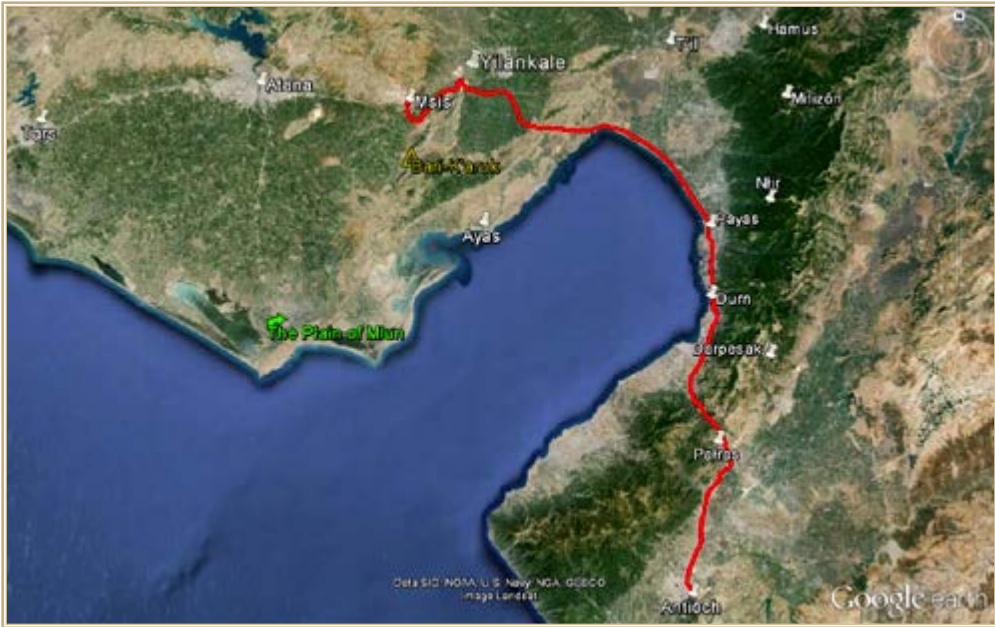
Итак, проблема точной идентификации Йиланкале до сих пор остается неразрешенной. Весьма странно, что столь крупная, мощная и удачно расположенная крепость не упоминается ни в одном первоисточни-

Angeles, 1942. P. 49, 53 and the map which follows page. *Kévorkian R. Le Génocide des Arméniens. Paris, 2006. P. 742.*

¹⁹ Феке расположена в 47 км к северу от Козана (средневекового Сиса, одной из столиц киликийского королевства Армения).

²⁰ По словам местных жителей, Тордере — современное название Каладере.

²¹ *The Chronicle by Smbat Sparapet. P. 254; Alishan L. P. 160; Yerevan Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (YM), ms. 912, f. 292 v; Ter-Petrosian L. The Crusaders and the Armenians [Xaçakirnerē ew hayerē]. Vol. II. Yerevan, 2007. P. 362–363; Kivlēserean B. The list of the manuscripts kept in Karmir monastery in Ankara and in neighboring places [C' uc' ak jeragrac' Ankiwrioy Karmir vanuc' ew šrjakayic']. Antilias, 1957, ms. 184. P. 897; Matevosyan K. (ed.). Samuel Anetsi and Continuator. The Chronicle from Adam to 1776 [Samuel Anec' i ew Sarunakolner. Zamanakagrut' iwn Adamic' minc' ew 1776]. Yerevan, 2014. P. 336–337.*

Карта 2. Путь Бертрандона из Антиохии в Мсис

ке, имеющем отношение к истории Армянского королевства Киликии. Это дает основание предположить, что название этой крепости, фигурирующее в источниках, не было до сего дня убедительно соотнесено с Йиланкале.

Стоит также отметить, что Бертрандон де Ля Брокьер, «первый оруженосец», советник и камергер Филиппа Доброго, герцога Бургундского, писал о рассматриваемой крепости в своей книге «*Le Voyage d'Outremer*». В 1432–1433 гг. Бертрандон совершил паломничество в Святую землю. Его обратный караванный путь пролегал через северную Сирию, Киликию и Анатолию. К этому времени Армянское королевство уже пало, а его земли находились под властью египетских мамлюков и туркменского племени Рамазаноглу²².

Оставив позади Антиохию и направляясь в Мсис, караван пересек Черные Горы, прошел восточное и северное побережье Айасского залива²³ и достиг равнин, населенных туркменами²⁴. На этом этапе путешествия — незадолго до того, как достичь Мсиса — Бертрандон и его спутники вышли

²² *Schefer Ch.* (ed.). *Le Voyage d'Outremer de Bertrandon de La Broquière*. Paris, 1892. P. VI; *Paviot J.* (ed.). *Bertrandon de La Broquière. Le Voyage d'Orient: Espion en Turquie*. Toulouse, 2010. P. 6–19.

²³ Бертрандон так называет залив, ныне известный как Залив Александретты (Искендерун). См.: *Bertrandon de La Broquière*. P. 93.

²⁴ *Ibidem*. P. 91–98.

Карта 3. Отрезок пути Бертрандона, проходивший возле крепости Йиланкале

к берегу реки Джейхан в местности, где стояла крепость, «расположенная на горе» (см. карты 2 и 3). Один из спутников Бертрандона, армянин, говоривший по-итальянски, сказал ему, что в этой крепости в то время жили только армяне. К сожалению, название крепости утрачено в рукописи Бертрана: «...je passai près d'un château nommé [...] situé sur une montagne et, me dit un Ermin [Armenian], uniquement occupé par des Ermins»²⁵.

Последующий пассаж итинерария снимает всякие сомнения в том, что речь в данном случае идет именно о той крепости, которая ныне зовется Йиланкале: «Je continuai mon chemin toujours le long de cette rivière; c'est un très beau pays, jusqu'à une ville du nom de Misis, et le voyage dura quatre jours depuis Antioche. de là, je parvins à cette ville de Misis sur Seyhan... qui est grande et large; on traverse cette rivière sur un pont qui a été rompu puis refait en bois»²⁶. Стоит отметить, что единственная крепость, расположенная у берегов реки Джейхан, на пути от северного побережья залива Айас к Мсису, это Йиланкале.

Йиланкале — трехуровневая твердыня; ворота ее верхнего замка украшены рельефной символической композицией, центральным компонентом которой является изображение короля Армении²⁷ (см. фото 2).

²⁵ Ibidem. P. 95, 98. Профессор Жак Павиот (Jacques Paviot) любезно проинформировал нас, что название крепости отсутствует во всех сохранившихся списках труда Бертрандона.

²⁶ Ibidem. P. 98.

²⁷ Gottwald J. Burgen und Kirchen im Mittleren Kilikien. P. 87–88; Youngs G.R. Three Cilician castles. *Anatolian Studies*. Vol. 15. Ankara, 1965. P. 129–130; Hellenkemper H. P. 177–178; Edwards R.W. P. 272–273. См. также фото 2.

Фото 2. Символический ансамбль Йиланкале. Фото: Hrair Baze Khatcherian

Данное обстоятельство побудило нас уделить особое внимание топониму «Тагаворашен» (Թագաւորաշէն, что по-армянски означает «возведенный царем»), который упоминается армянскими хронистами наряду с другими крупными населенными пунктами Киликийской Равнины — Мопсуестией (Мсисом), Атаной (Аданой), Равниной Млуна²⁸ — по которым Алт’ун Буга, эмир Алеппо, прошелся во время своего неожиданного вторжения в Королевство Армения в мае 1335 г.²⁹

В рамках дальнейших исследований наше внимание привлекли еще два источника. Первым был колофон армянской рукописи 1361 г. («История Деяний Нерсеса Великого»), написанный в Сисе писцом по имени Торос Рубинеац (Թորոս Շրբիւնեաց). Колофон содержит краткое описание вторжения войск Пайтамура (Бейтимура), эмира Алеппо, в Киликийскую Армению. Оно процитировано ниже, согласно известному изданию колофонов армянских рукописей XIV в. (см. фото 3).

Ի թուին ՂԹ. (1360) ի յամսեան ի սայիսի երեկ Հալպայ ամիրայն Պայտամուրն Սորայ զօրօքն ի Հայք, նայ տուին զԱսանայ եւ զՏարսուսն ու զԲարի-Քարուկն ու զտղայ Լեոնիս³⁰.

В мае 809 г. [армянского летоисчисления — 1360 г. н. э.] Пайтамур, эмир Алеппо, вторгся во главе египетских войск в Армению, [после чего армяне] сдали ему Адану, Тарс, Бари-К’арук и **молодого Левона**.

²⁸ Часть Киликийской Равнины, расположенная в области нижнего течения реки Джейхан.

²⁹ Samuel Anetsi and Continuator. P. 277; Le connétable Sempad. P. 671–672.

³⁰ *Hač’ikian L.* (ed.). *The Colophons of 14th Century Armenian Manuscripts* [Zd dari hayeren jerageri hišatakaraner]. Yerevan, 1950. P. 451.

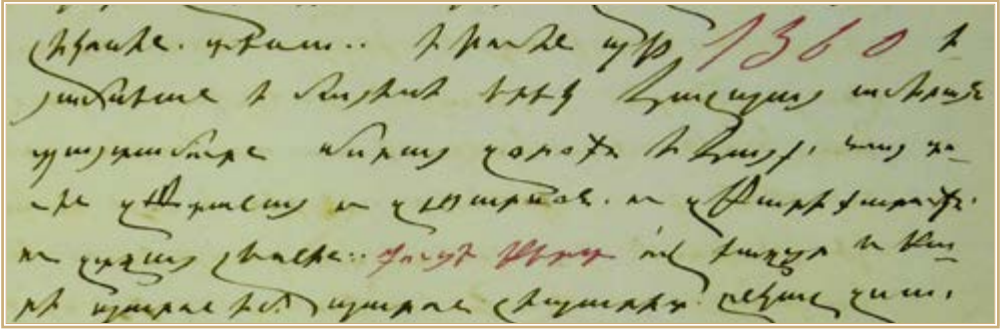

Фото 3. Автограф Гевонда Пиргалемяна с упоминанием Крепости Левона Отрока

На первый взгляд присутствие антропонима в подобном перечне топонимов кажется необычным, даже бессмысленным³¹. Более того, исходя из данного фрагмента невозможно понять, о каком Левоне идет речь и какое значение имела его капитуляция, которая упоминается наряду с падением Аданы, Тарса и Бари-К'арук³².

³¹ Пытаясь найти объяснение этой бессмыслице, мы вначале предположили, что фраза «Կայ Lewonin» (սղայ Լեոնին, «молодого Левона») в этом издании колофона может быть результатом неверного прочтения исходного текста. Сама рукопись утрачена. Ее копия хранится в коллекции Гевонда Пиргалемяна. С помощью доктора Карена Матевосяна мы получили фотокопию соответствующей страницы из коллекции. На ней была собственноручная ремарка Пиргалемяна «գուցե բերդ» (что означает «или крепость»), написанная красными чернилами сразу после окончания фразы (սղայ Լեոնին, «молодого Левона»). На этом основании мы пришли к выводу, что Пиргалемян испытывал трудности при прочтении или понимании этой фразы и колебался между двумя возможными вариантами: «սղայ Լեոնին»/«молодого Левона» и «կայ Լեոնին»/«Крепости (или замка) Левона». Здесь следует отметить, что сочетания букв կլ (kl) и սղ (tl) в рукописном варианте похожи. Другими словами, Пиргалемян, по всей видимости, предполагал следующее прочтение данного фрагмента: Ի թուին ՊԹ ի յանսեան ի սայիսի երեկ Հալպայ ամիրայն Պայտամուրն Մարայ զօրօքն ի Հայք, նայ տուին զԱտանայ ու զՏարսուսն ու զԲարիքարուկն ու զկայ Լեոնին || «В мае 1360 года Пайтамур, эмир Алеппо, вторгся во главе египетских войск в Армению, [после чего армяне] сдали ему Адану, Тарс, Бари-К'арук и Крепость Левона». Мое дальнейшее исследование показало, что существует и иное объяснение, связанное с «бессмыслицей», о которой идет речь (см. ниже).

³² Барик'арук (Բարիքարուկ) также упоминается в Продолжении Хроники, приписываемой Смбату Гундстаблю, как территория или поселение, расположенное близ Айаса (упоминание о нем датируется 1320 г.). Хелленкемпер и Хильд отождествляли Бари-К'арук с невысоким горным отрогом ПарионОрос (араб. ДжебельНур, тур. НурДаглари) или с поселением на этом отроге. Данный отрог тянется от берега реки Джейхан, противоположного Йиланкале, в юго-западном направлении, на протяжении примерно 25 км. Дорога из Мсиса в Айас и на Равнину Млуи проходит у подножия этого отрога. Следовательно, Бари-К'арук расположен в центре Киликийской Равнины, в нескольких км от Мсиса и Йиланкале. См.: Le connetable Sempad. P. 667; Hellenkemper H., Hild F. P. 376; Edwards R.W. P. 133.

Карта 4. Левонклай I и Левонклай II

Маловероятно, что Торос Рубинеац имел в виду Левона, сына Константина — короля Армении (1344–1362) или другого соименного представителя знати Армянского королевства. В любом таком случае колофон должен был бы указать на положение, титул или происхождение этого «молодого Левона», как в случае с другими упоминаемыми в данном колофоне лицами, такими как парон³³ Липарит³⁴ или парон Васил³⁵, сыновья парона Тороса Капанци, спарапета (коннетабля, гундстабля) Армении³⁶. Стоит принять во внимание и другое обстоятельство. К 1360 г. Левон, сын короля Константина, был скорее всего уже мертв³⁷.

Помимо «*тлай Левонин*», в перечне упоминаются три географических пункта: Адана, Тарс и Бари-К'арук. Все они находятся на Киликийской Равнине³⁸ (здесь и далее — см. карту 4). Их расположение указывает

³³ То есть барон.

³⁴ Липарит был старшим маршалом (аваг мараджахт) Королевства Армения. Он пал в битве с мамлюкским эмиром Тарса, имевшей место 20 мая 1369 г. близ Сиса, на Мосту Анцмнцук. См.: *Mat' evosyan A. The Chronicles of Het' um Axtuc' ter and Vasil the Maraĵaxt [Het' um Axtuc' tiroj ev Vasil maraĵaxti žamanakagrut' yunnerē]. Historical-Philological journal. Yerevan, 1963. 4. P. 197; The Colophons of 14th Century Armenian Manuscripts. P. 477.*

³⁵ Маршал Васил, брат старшего маршала Липарита, также известен как автор краткой хроники. См.: *The Chronicles of Het' um Axtuc' ter and Vasil the Maraĵaxt. P. 185, 194–198.*

³⁶ В одном из колофонов 1367 г. Торос представлен как «старший маршал». См.: *The Colophons of 14th Century Armenian Manuscripts. P. 451, 477.*

³⁷ *Ter-Petrossian L. P. 440–441 n. 18; Rüd̄t-Collenberg W.H. The Rupenides, Hethumides and Lusignans. The Structure of the Armeno-Cilician Dynasties. Paris, 1963. III (h2). P. 165, 189.*

³⁸ *Hellenkemper H., Hild F. P. 154, 376, 428.*

на то, что в 1360 г. Армянское королевство лишилось выхода к морю³⁹. Вполне резонно предположить, что четвертое географическое название перечня — *Tlay Lewonin* — также является топонимом, а не антропонимом. Если это так и исходя из контекста событий 1360 г., *Tlay Lewonin*, очевидно, располагался на Киликийской Равнине.

Ms. 5458 Британского музея содержит самый ранний из известных вариантов Продолжения Хроники, приписываемой Смбату Гундстаблю⁴⁰, эта рукопись подкрепляет высказанное выше предположение. Хроника была составлена вышеупомянутым маршалом Василом между 1382 и 1404 гг.⁴¹

Продолжение включает историю о том, как бальи Ошин, граф Корикоса, и его брат — коннетабль Константин были арестованы по приказу короля Левона IV (1320–1342) 26 января 1329 г. [778 г. армянского летоисчисления]. Согласно этому отчету, Ошин был заключен под стражу в церкви Св. Марута близ Аданы. Константин же был схвачен в некоем месте, именуемом «*Geln Tlay Lewonin*» (գէլն տլայ Լեւոնիւն, «Деревня молодого Левона» или «Деревня Левона Молодого»), после чего его доставили в Адану, где оба брата были немедленно казнены⁴² (см. фото 4).

Естественно предположить, что «*Geln Tlay Lewonin*» («Деревня Молодого Левона»), упоминаемая в Продолжении совместно с Аданой, и «*Tlay Lewonin*» («... Молодого Левона»), упоминаемый в колофоне Тороса Рубинеац наряду с Аданой, Тарсом и Бари-К'аруком, являются одним и тем же поселением. Из этого следует, что *Tlay Lewonin* располагался на Киликийской Равнине и входил в состав королевского домена, который простирался от Вахки на юг, охватывая Сис, Аназарву, Мсис, Тарс, Адану и побережье Средиземного моря⁴³.

Название этого поселения также указывает на то, что оно принадлежало Короне. Левон IV унаследовал его в 1320 г., когда ему было пример-

³⁹ *Ter-Petrosian L.* P. 436; *Mikaelyan G.* The History of the Armenian state of Cilicia. Moscow, 1952. P. 467–468.

⁴⁰ Далее — Продолжение.

⁴¹ *The Chronicles of Het' um Axtuc' ter and Vasil the Marajaxt.* P. 183–184; *Af' ayeayn T.* The manuscripts of Smbat Sparapet's «Chronicle» [Smbat Sparapeti taregrk' I jeragerere]. Handes Amsotya. Vienna — Yerevan, 2015. 129. P. 61–62, 88. Я хотел бы поблагодарить Татев Атаяна за помощь в получении копии f. 102v указанной рукописи.

⁴² British Museum, Ms. 5458 (YM, microfilm 360), f. 102v; *Le connétable Sempad.* P. 670–671.

⁴³ *Dédéyan G.* Les listes «féodales» du pseudo-Smbat. In: Cahiers de civilisation médiévale. 32e année (n. 125). Janvier — mars 1989. P. 28–30.

но 10 лет⁴⁴. Регентский совет возглавил вышеупомянутый бальи Ошин; в его состав также входили его брат коннетабль Константин, камергер Гетум и маршал Пагтин (Бодуэн)⁴⁵. Из-за юного возраста короля Левона IV подданные дали ему прозвище «Тлау» («Молодой»/«Отрок»). Следующие строки взяты из колофона Евангелия 1324 г., составленного в монастыре Акнер писцом Варданом.

«...ի թագաւորութեանն Լեւոնի Տղային...»⁴⁶ || «...в правление **Левона Молодого...**»

Как и Католикос Григор IV Отрок (1173–1193)⁴⁷ и ишхан⁴⁸ Васил Отрок (1112–1115)⁴⁹, король Левон IV «сохранил» это прозвище и после достижения совершеннолетия. Об этом свидетельствует следующая цитата из рифмованного колофона, составленного неким Григором в 1338 г., когда Левону IV было около 28 лет.

«...Ի թագաւորութեան Լեւոնի Տղայ կոչեցեալ բարեպաշտի...»⁵⁰ || «...в правление благочестивого Левона, прозванного Молодым...»

На этом основании мы приходим к выводу, что *Tlau Lewonin* был назван в честь Левона IV. Поскольку твердыня была названа в честь короля и поскольку Торос Рубинеац включил ее в перечень крупных населенных пунктов Королевства Армения, сданных Мамлюкскому султанату, *Tlau Lewonin*, по всей вероятности, был одним из важнейших поселений на Киликийской Равнине и, очевидно, был укреплен замком. Из вышеупомянутого фрагмента Продолжения следует, что в этом поселении находилась резиденция коннетабля Армении. Это обстоятельство подкрепляет наше предположение, что *Tlau Lewonin* был укрепленным поселением. *Tlau Lewonin*, очевидно, сокращенное название крепости и прилегающей деревни. В таком случае полное название селения при крепости — *Geln Tlau Lewonin* («Деревня [короля] Левона Молодого/Отрока»), а самой

⁴⁴ Le connétable Sempad. P. 666; *Ter-Petrossian L. P.* 394.

⁴⁵ Samuel Anetsi and Continuator. P. 274; *La Chronique d'Arménie par Jean Dardel. In: Recueil des historiens des croisades, documents arméniens. T. 2. Paris, 1906. P. 18–19; Ter-Petrossian L. P.* 395–396.

⁴⁶ *The Colophons of 14th Century Armenian Manuscripts. P.* 190.

⁴⁷ *Matevosyan A. (ed.). The Colophons of 5th–12th Centuries Armenian Manuscripts [Hayeren jeragreri hisatakaraner. E-ZB dd.]. Yerevan, 1988. P. 216, 251–252, 257, 266–267.*

⁴⁸ То есть князь.

⁴⁹ *Mēlik' - Adamean M., Tērmik' aēlean N. (ed.). The Chronography by Matt' ēos Urhaec' i [Matt' ēos Urhaec' i, Zamanakagrut' iwn]. Valarsapat, 1898. P. 307, 324, 337.*

⁵⁰ *Bogharian N. (ed.). Grande Catalogue of Saint-James Manuscripts [Mayr čučak jeragrač Srboč Yakobeanč]. Vol. 1. Jerusalem, 1966. P. 42–45.*

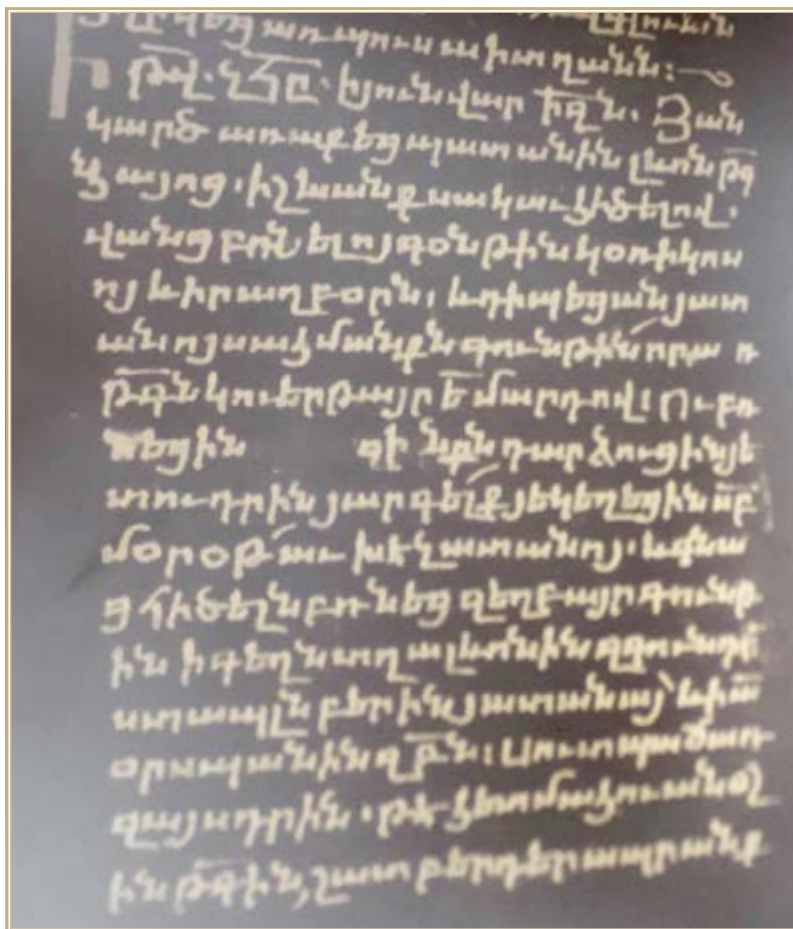

Фото 4. Фрагмент Продолжения Летописи Смбата Гундастably с упоминанием Деревни Левона Отрока

крепости — *Klay Play Lewonin* (Կլայ Տղայ Լեւոնին, «Крепость [короля] Левона Молодого/Отрока»).

Следующей проблемой была локализация крепости *Play Lewonin*. В пользу ее отождествления с Йиланкале можно выдвинуть следующие аргументы.

- Местоположение Йиланкале указывает на то, что эта крепость, скорее всего, была частью королевского домена.
- Йиланкале представляет собой крепость огромных размеров, благодаря чему Эдвардс охарактеризовал ее как «одно из самых впечатляющих военных сооружений средневекового мира»⁵¹. Такого рода большие пропорции более типичны для королевских замков Киликийской Армении.

⁵¹ Edwards R.W. P. 269.

- Вышеупомянутый рельефный ансамбль Йиланкале включает изображения короля и королевских львов, статусный символ и геральдическую эмблему королей Армении⁵².

В отличие от крепостей Горной Киликии, замки Киликийской Равнины не столь многочисленны. Кроме того, стоит принять во внимание, что вероятный «кандидат» на отождествление с *Tlay Lewonin* не мог быть расположен к югу или востоку от реки Джейхан, поскольку эти земли после 1337 г. принадлежали Мамлюкскому султанату Египта⁵³. Данное обстоятельство существенно сузило зону наших поисков — до двух вариантов, двух крепостей Киликийской Равнины, Йиланкале и Тумлу Калеси.

Вторая из них расположена примерно в 20 км к северу от Йиланкале, близ деревни Тумлу (Думлу). Хелленкемпер и Хильд полагают, что Тумлу Калеси — это средневековый Т'илсап⁵⁴, который упоминается в перечне вассалов Левона I как замок некоего ишхана Тороса⁵⁵. Следовательно, по крайней мере в 1198 г. Т'илсап не был частью королевского домена. Пропорции Тумлу Калеси заметно уступают Йиланкале⁵⁶. Нет никаких оснований отождествлять Тумлу Калеси с *Tlay Lewonin* — ни рельефов с королевскими изображениями, ни сохранившихся письменных свидетельств в пользу этого⁵⁷. Таким образом, Тумлу Калеси является значительно менее вероятным кандидатом, нежели Йиланкале.

По нашему мнению, не исключено, что *Tlay Lewonin* и вышеупомянутый Тагаворашен являются разными названиями одного и того же поселения и крепости. Во-первых, эти названия по смыслу являются

⁵² *Brault G.J.* (ed.). *Rolls of Arms of Edward I (1272–1307)*. Vol. 1. Woodbridge, Suffolk, 1997. P. 310, 325; *Brault G.J.* (ed.). *Rolls of Arms of Edward I (1272–1307)*. Vol. 2. Woodbridge, Suffolk, 1997. P. 16; *The Rupenides, Hethumides and Lusignans. The Structure of the Armeno-Cilician Dynasties*. P. 39–40; *Bedoukian P.Z.* *Coinage of Cilician Armenia*. Danbury, 1979. P. 56–66, 76–88, 90–100; *Grigoryan S.* *Leo quasi Agnus Dei among the images of the coins and seals of Lewon II(I). Handes Amsorya*, 2014. 127. P. 325–335, 341–370.

⁵³ *The Chronicles of Het'um Axtuc'ter and Vasil the Marajaxt*. P. 193; *The Colophons of 14th Century Armenian Manuscripts*. P. 295; *Hakobyan V.* (ed.). *The Fragments of the Chronicle by Nerses Palienc' [Nerses Palienc' i zamanakagrakan hatvacnerē]*. In: *the Short Chronicles of 13th–18th Centuries [Manr zamanagrutyunner, Zg — ZĖ dd.]*. T. 2. Yerevan, 1956. P. 189.

⁵⁴ *Hellenkemper H., Hild F.* P. 449; *Hellenkemper H.* P. 188–191.

⁵⁵ *The Chronicle by Smbat Sparapet*. P. 210.

⁵⁶ *Edwards R.W.* P. 256, 270.

⁵⁷ *Ibidem*. P. 255.

«синонимами». *Tlay Lewonin* означает «[Крепость/Деревня короля] Левона Отрока»; Тагаворашен переводится как «возведенный королем». Во-вторых, оба топонима упоминаются в связи с мамлюкскими вторжениями на Киликийскую Равнину: *Tlay Lewonin* — в одном перечне с Аданой, Тарсом и Бари-К'аруком; Тагаворашен — вместе с Мсисом, Аданой и Равниной Млуна. Основываясь на этих аргументах, мы предполагаем, что *Tlay Lewonin* и Тагаворашен могли быть разными названиями одной и той же крепости, руины которой сейчас известны как Йиланкале.

Есть и третий аргумент. Названия нескольких замков Королевства Армения были составлены сходным образом.

- Смбаатаклай / клай Смбаатай (Սմբատակլայ / կլայ Սմբատայ, «Крепость / Замок Смбаата») ⁵⁸.
- Джофреклай / Чофреклай (Չոֆրէկլայ / Ճոֆրէկլայ, «Замок Джофри (Жоффра)») ⁵⁹.
- Микайлаклай (Միքայլկլայ, «Замок Микаэла») ⁶⁰.
- Симанакла(й) / Симонклай / клай Симанай (Միմանակլայ / Միմոնկլայ / կլայ Միմանայ, «Замок Симона») ⁶¹.
- hРомклай / hОромклай / клай hРомаякан / клай hРомакан (Հրոմկլայ / Հրոմոնկլայ / կլայ Հրոմայական / կլայ Հրոմական, «Крепость ромев» или «Ромейская крепость») ⁶².

В рифмованном колофоне рукописи 1244 г. Смбат Гундстабль представляет себя как строителя (основателя) замка Смбаатаклай. Смбат также пишет о том, что он дал замку свое имя ⁶³. На основании данного свидетельства Смбаата можно предположить, что Джофреклай был построен неким Джофри (Жоффра), Левонклай — неким Левоном и т. д.

Соответственно, закономерно предположить, что Крепость *Tlay Lewonin* называли также Тагаворашен, чтобы не путать ее с той Кре-

⁵⁸ The Chronicle by Smbat Sparapet. P. 244; Matevosyan A. (ed.). The Colophons of 13th Century Armenian Manuscripts [Hayeren jeragreri hišataranner. Zg dar]. Yerevan, 1984. P. 232; Galano C. Consiliationis ecclesiae Armenae cum Romana... Romae, 1690. P. 460, 504.

⁵⁹ Galano C. P. 460, 505.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ The Chronicle by Smbat Sparapet. P. 165, 209; The Colophons of 5th–12th Centuries Armenian Manuscripts. P. 227.

⁶² The Chronicle by Smbat Sparapet. P. 122, 142, 163, 168–169, 205, 213, 215, etc; The Colophons of 5th–12th Centuries Armenian Manuscripts. P. 165, 213, 215, 227, 229, 270, etc.

⁶³ The Colophons of 13th Century Armenian Manuscripts. P. 230–232.

постью Левона, которая была возведена в северной части королевства. Последняя была построена в 1272 г. по приказу короля Левона II (1270–1289)⁶⁴.

Если наше отождествление *Tlay Lewonin* с Йиланкале верно, название крепости позволяет определить время ее постройки. Самое раннее упоминание *Tlay Lewonin* связано с событиями 26 января 1329 г. Следовательно, это *terminus ante quem*. Примем также во внимание, что *Tlay Lewonin* был назван в честь Левона IV Отрока и, следовательно, был возведен в годы его правления. Король Ошин, отец Левона IV, умер 19 июня 1320 г.⁶⁵, после чего корона перешла к его сыну. Соответственно, Крепость *Tlay Lewonin* (Йиланкале) была построена между 19 июня 1320 г. и 26 января 1329 г.

Детали вышеупомянутого королевского рельефа также позволяют датировать замок именно этим периодом. На рельефе изображен восседающий коронованный монарх с поджатыми по-восточному ногами⁶⁶. Подобная поза королевских изображений совершенно неизвестна в правление Левона I (1187/1198–1219)⁶⁷. Она появляется в иконографии Армянского королевства Киликии в монгольский период, явно проявляясь в королевских образах на медных монетах Гетума II (1289–1306, с перерывами) и Левона III (1306–1307, род. в 1289 г. или 1290 г.)⁶⁸, а также на портрете Левона IV работы Саргиса Пицака, украшающем рукопись Антиохийских Ассиз, созданную в 1331 г.⁶⁹

В этой связи мы хотели бы напомнить некоторые сведения, приведенные Нерсесом Палианенцом. Согласно этому средневековому автору, вскоре после опустошительного мамлюкского вторжения 1321 г., при финансовой поддержке папы Иоанна XXII (30 тысяч золотых флоринов), армяне построили или реконструировали множество крепостей, которые стали выше и сильнее, чем прежде⁷⁰. *Klay Tlay Lewonin* был построен именно в этот период. Отметим в заключение, что возведение огромно-

⁶⁴ *Hovhannesian M.* P. 138–139.

⁶⁵ *Short Chronicle by Het' um of Nhir* [Het' um Nhir' u hamaröt patmut' iwn zamanakac']. In: *Ter-Petrossian L.* P. 547.

⁶⁶ *Edwards R.W.* P. 272–273.

⁶⁷ *Nercessian Y.T.* *Armenian Coins and their Values.* Los Angeles, 1995. P. 109, 112–119 (253–255, 268–299) plate 18, 20–22; *Schlumberger G.* *Bulles d'or et Sceaux des rois Léon II(I) et Léon VI(V) d'Arménie.* Paris, 1893. P. 2–3 planche I; *Edwards R.W.* P. 273.

⁶⁸ *Nercessian Y.T.* P. 144–145, 153–154 (399–405, 432–433, 435–437) plate 32–33, 35; *Edwards R.W.* P. 273.

⁶⁹ *The Manuscripts Collection of San Lazzaro degli Armeni.* The frontispiece of Ms. 107.

⁷⁰ *The Fragments of the Chronicle by Nerses Palienc'.* P. 189.

го и внушительного Йиланкале вряд ли можно увязать с очень кратким правлением короля Левона III (1306–1307), который также взшел на престол в очень юном возрасте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование показало, что в Армянском королевстве Киликии было две крепости, названные в честь двух Левонов. Хронологически первая была построена в 1272 г. и названа в честь короля Левона II. В первоисточниках она известна как Левонклай, Левонберд, берд Леони и Ламберд. Ее современное название Маран Калеси. Вторая крепость, ныне известная как Йиланкале, по нашему мнению, была построена между 19 июня 1320 г. и 26 января 1329 г. и названа в честь Левона IV. Средневековые авторы именовали ее *Tlay Lewonin* (подразумевая *Klay Tlay Lewonin*) и, очевидно, также — Тагаворашеном. Мы предлагаем именовать указанные крепости Левонклай I и Левонклай II соответственно, в хронологической последовательности их возникновения.

REFERENCES

1. *Ač'aryan H.* The Dictionary of Armenian Root Words [hayerēn armatakan bararan]. T. 2. Yerevan, 1926.
2. *Aglean S.* (ed.). The Chronicle by Smbat Sparapet [Smbatay Sparapeti taregirk']. Venice, 1956.
3. *Alishan L.* Sissouan ou L'Arméno-Cilicie. Venise, 1890.
4. Armenian Soviet Encyclopaedia [haykakan Sovetakan hanragitaran]. T. 4. Yerevan, 1978.
5. *At'ayean T.* The manuscripts of Smbat Sparapet's «Chronicle» [Smbat Sparapeti taregrk' Ī jeragrereĕ]. Handes Amsorya. Vienna–Yerevan, 2015.
6. *Bedoukian P.Z.* Coinage of Cilician Armenia. Danbury, 1979.
7. *Bogharian N.* (ed.). Grande Catalogue of Saint-James Manuscripts [Mayr čučak jeragrač Srboč Yakobeanč]. Vol. 1. Jerusalem, 1966.
8. *Brault G.J.* (ed.). Rolls of Arms of Edward I (1272–1307). Vol. 1, 2. Woodbridge, Suffolk, 1997.
9. British Museum, Ms. 5458 (YM, microfilm 360), f. 102v.
10. *Daniĕlean A.* (ed.) The general list of the Armenian manuscripts of the Catholico sate of the Great House of Cilicia [mayr c'uc'ak hayeren dzeragrač' meci tann Kilikiy Kat'ohikosut'ean]. Ant'iliias, 1984.
11. *Dédéyan G.* Les listes «féodales» du pseudo-Smbat. In: Cahiers de civilisation médiévale. 32e année (n. 125). Janvier — mars 1989.
12. *Dulaurier E.* (ed.). Le connétable Sempad. Chronique du royaume de la Petite Arménie. In: Recueil des historiens des croisades, documents arméniens. T. 1. Paris, 1869.
13. *Edwards R.W.* The Fortifications of Armenian Cilicia. Washington, D. C., 1987.
14. *Galano C.* Consiliationis ecclesiae Armenae cum Romana... Romae, 1690.
15. *Gottwald J.* Burgen und Kirchenim Mittleren Kilikien. Byzantinische Zeitschrift. T. 41 (I). Berlin, 1941.
16. *Gottwald J.* Die Burg Tilim Südöstlichen Kilikien. Byzantinische Zeitschrift. T. 40 (I). Berlin, 1940.
17. *Grigoryan S.* Leo quasi Agnus Dei among the images of the coins and seals of Lewon II(I). Handes Amsorya, 2014.

18. *Hakobyan V.* (ed.). The Fragments of the Chronicle by Nerses Palienc' [Nerses Palienc' i žamanakagrakan hatvacnere]. In: the Short Chronicles of 13th–18th Centuries [Manr žamanagrutyunner, Zg — ZE dd.]. T. 2. Yerevan, 1956.
19. *Hartmann R.* (trans. and ed.). Politische Geographie des Mamlukenreichs: Kapitel 5 und 6 des Staatshandbuchs Ibn Fadlallāh al-'Omarī's. Zeitschrift der deutschen morgenländischen gesellschaft. T. 70. Leipzig, 1916.
20. *Hellenkemper H.* Burgen der Kreuzritterzeit in der Grafschaft Edessa und im Königreich Kleinarmenien. Bonn, 1976.
21. *Hellenkemper H., Hild F.* Tabula imperii Byzantini. Band 5. Kilikien und Isaurien. T. 1. Wien, 1990.
22. *Hovhannesian M.* Châteaux et places-fortes de la Cilicie Arménienne. Venise, 1989.
23. *Kévorkian E; R.* Le Génocide des Arméniens. Paris, 2006.
24. *Kiwłēserean B.* The list of the manuscripts kept in Karmir monastery in Ankara and in neighboring places [C'uc'ak jeṛagrac' Ankiwrioy Karmir vanuc' ew šřākayic']. Antilias, 1957.
25. La Chronique d'Arménie par Jean Dardel. In: Recueil des historiens des croisades, documents arméniens. T. 2. Paris, 1906.
26. *Langlois V.* Voyage dans la Cilicie et dans les Montagnes du Taurus. Paris, 1861.
27. *Laurent J. C. M.* (ed.). Wilbrandi de Oldenburg peregrination. In: Peregrinatores medii aevi quatuor. Lipsiae, 1864.
28. *Matevosyan A.* (ed.). The Colophons of 13th Century Armenian Manuscripts [Hayeren jeṛagreri hišatakaranner. Zg dar]. Yerevan, 1984.
29. *Matevosyan A.* (ed.). The Colophons of 5th-12th Centuries Armenian Manuscripts [Hayeren jeṛagreri hišatakaranner. E-ZB dd.]. Yerevan, 1988.
30. *Matevosyan A.* The Chronicles of Het'um Axtuc'ter and Vasil the Maraḡaxt [Het'um Axtuc' tiroj ev Vasil maraḡaxti žamanakagrut'yunnerē]. Historical- Philological journal. Yerevan, 1963.
31. *Matevosyan K.* (ed.). Samuel Anetsi and Continuator. The Chronicle from Adam to 1776 [Samuēl Anec'i ew Šarunakołner. Žamanakagrut'iwn Adamic' minč' ew 1776]. Yerevan, 2014.
32. *Mēlik'-Adamean M., Tērmik'aēlean N.* (ed.). The Chronography by Matt'ēos Urhaec'i [Matt'ēos Urhaec'i, Žamanakagrut'iwn]. Vałarsāpat, 1898.
33. *Mikaelyan G.* The History of the Armenian state of Cilicia. Moscow, 1952.
34. *Nalbandian H.* (trans. and ed.). The Chronicle by Abu-l-Fida. In: Arabic sources on Armenia and neighboring countries [Arabakan ałbyurnerē hayastani ew harevan erkrneri masin]. Yerevan, 1965.

35. *Nercessian Y.T.* Armenian Coins and their Values. Los Angeles, 1995.
36. *Paviot J.* (ed.). Bertrandon de La Broquière. Le Voyage d'Orient: Espion en Turquie. Toulouse, 2010.
37. *Połosean Y. P.* The General history of Hačēn and the neighboring Armenian villages of Gōzan-tał [hačēni ěndhanur patmutiwně ew šrjakay gōzan-tałi hay giwłerē]. Los Angeles, 1942.
38. *Rüdt-Collenberg W.H.* The Rupenides, Hethumides and Lusignans. The Structure of the Armeno-Cilician Dynasties. Paris, 1963.
39. *Schefer Ch.* (ed.). Le Voyage d'Outremer de Bertrandon de La Broquière. Paris, 1892.
40. *Schlumberger G.* Bulles d'or et Sceaux des rois Léon II(I) et Léon VI(V) d'Arménie. Paris, 1893.
41. *Suk'iasyan A.* The History and the law of the Cilician Armenian state, 11th–14th centuries [Kilikiayi hayakakan petut'yan ev iravunk'ĭ patmut'yun, 11–14 darer]. Yerevan, 1978.
42. *Tēr Lazarean Y.* Armenian Cilicia [haykakan Kilikia]. Ant'ĭlias, 1966.
43. *Ter-Petrossian L.* The Crusaders and the Armenians [Хаčăkirnerē ew hayerē]. Vol. II. Yerevan, 2007.
44. *Hač'ikian L.* (ed.). The Colophons of 14th Century Armenian Manuscripts [Zd dari hayeren jeragreri hišatakaraner]. Yerevan, 1950.
45. Yerevan Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (YM). ms. 912, f. 292 v.
46. *Youngs G.R.* Three Cilician castles. Anatolian Studies. Vol. 15. Ankara, 1965.

Ключевые слова:

Киликийское королевство Армения, Киликийская Армения, история Армении, историческая география, кастелология, география средневековой Киликии.

Samvel Grigoryan

NAMED FOR LEWON THE YOUNG

The Medieval Name and the Date of Construction of Yilankale

The obscurity of the medieval name of Yilankale, which means “Snake Castle” in Turkish, is one of the blind spots of the historical geography of the Armenian kingdom of Cilicia. This magnificent fortress rises above a limestone outcrop located in the heart of the Cilician Plains, about 15 km north-east of the site of medieval Msis (Eski Misis), presently Yakapinar.

The published study clearly shows that there were two fortresses named after two Lewons in the Armenian Kingdom of Cilicia. The first one was built in 1272 and was named after the king Lewon II (1270–1289). It is mentioned as Lewonklay, Lewonberd, berd Lēōni and Lamberd in primary sources. Its modern name is Maran kalesi. The second fortress, now called Yilankale, was constructed between June 19, 1320 and January 26, 1329 and was named after the king Lewon IV (1320–1342). The medieval authors called it Tlay Lewonin (with Klay Tlay Lewonin in mind), apparently also T^o agaworašen. In addition to these names, the study’s author proposes to designate the fortresses by the conditional names Lewonklay I and Lewonklay II respectively, in chronological sequence.

Key words: Armenian kingdom of Cilicia, History of Armenia, Historical Geography, кастеллология, Geography of Medieval Cilicia.

Samvel Grigoryan — Ph.D., Center of Medieval Studies at Paul-Valéry University Montpellier (France).

Григорян Самвел

докторант Центра Средневековых исследований Монпелье
Университета Пол Валери Монпелье (Франция)

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.31.009

В.С. Хомутов

АРАБОЯЗЫЧНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ МОНЕТЫ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА

1. Чеканка монет государств крестоносцев

15 июля 1099 г., под натиском крестоносцев пал фатимидский город аль-Кудс аль-Шариф, известный больше как Иерусалим. Образованное в результате Первого крестового похода на Святой земле Иерусалимское королевство просуществовало без малого 200 лет в окружении могущественных и воинственных исламских государств. Этот исторический феномен объясняется во многом тем, что, очутившись в Леванте, латиняне первым делом взяли под свой контроль важнейшие морские порты, замкнув тем самым на себя огромные торговые и финансовые потоки. Эти ресурсы обеспечивали удержание захваченных земель и дальнейшую экспансию франков на Востоке.

Залогом успехов крестоносцев в создании латинских государств в Леванте стала чеканка собственной монеты. Денежная эмиссия была одним из источников пополнения казны правителей заморских земель, повышала престиж латинских государей и пропагандировала христианские символы, утверждая тем самым власть крестоносцев в регионе.

2. Чеканка имитаций

Но поддерживать торговлю во враждебно настроенном исламском окружении своей монетой было почти невозможно по причине различия денежных систем франков и мусульман. Если в Европе того времени еще господствовала эпоха мелкой биллонной монеты — денье, то на Востоке основу денежного обращения составляли полновесные золотые, а позднее и серебряные монеты из хорошего металла. Немаловажным фактором изолированности эмиссий крестоносцев было и оформление денег. Арабы, составлявшие основу населения не только соседних стран, но и самих латинских государств, неохотно принимали монеты франков, которые несли на себе изображение креста и латинские надписи.

Выход из этой ситуации был найден во второй половине XII в., когда в графстве Триполи и Иерусалимском королевстве, параллельно с христианской монетой, приступили к чеканке имитаций золотых монет Фатимидского халифата — динаров, названных в письменных источниках золотыми безантами. В начале XIII в. помимо золотых монет франки приступили к чеканке серебряных дирхемов, упомянутых в документах того времени как драхмы.

Имитации франков первоначально не уступали оригинальным монетам в пробе металла и повторяли дизайн оформления прототипов, делая копии трудноотличимыми от денежной массы Египта и Сирии. Эта афера позволила Иерусалиму наполнить свою казну выгнанными от чеканки монет средствами, запустить механизм внутренней торговли, обеспечить доступ своей монеты на огромный рынок Востока. Но помимо этого франкам удалось добиться экономического ослабления своих военно-политических и религиозных противников через расстройство многовековой и стройной денежной системы путем ввода в оборот имитаций арабских монет.

3. Золотые безанты

Несмотря на свой столичный статус, Иерусалим не был главным эмиссионным центром государства, там чеканили лишь королевские биллонные денье, а позднее — медные монеты. Основным торговым, экономическим и эмиссионным центром Латинского королевства была Акра — крупнейший порт крестоносцев. Именно там, помимо Тира и столицы,

Иерусалимский золотой безант, копирующий динар Фатимидского халифа аль-Амира Биахкамиллаха чеканки м.д. Миср 510 г.х.

чеканилось большинство иерусалимских монет, в том числе и золотой безант Иерусалимского королевства, упоминания о котором в торговых документах восходят к 1161 г.¹

За основу своих золотых монет графы Триполи выбрали динары Фатимидского халифа аль-Мустансира Биллаха, правившего в 1036–1094 гг. Первый тип псевдоарабской монеты был с тремя круговыми легендами и точкой в центре, а второй, ставший основным, — с внешней круговой легендой и центральной легендой в пять строчек, копировал динары местной чеканки Тараблуса (Триполи) 465 г.х. За полвека чеканки арабская эпиграфика этого типа безантов выродилась и легенда превратилась в нечитаемый набор знаков, где с большим трудом можно найти искаженные латинским резчиком штампелей слова исламских изречений.

Основой иерусалимских безантов послужили более поздние динары Фатимидского халифа аль-Амира Биахкамиллаха (правившего с 1101 по 1130 г.) чеканки египетского монетного двора Миср.

Если первые эмиссии иерусалимских имитаций мусульманских монет почти соответствовали арабскому стандарту по размеру, весу и пробе, то со временем качество чеканки ухудшилось: монеты становились тоньше, меньше и с более высоким содержанием примесей. То же самое

¹ *Metcalf D.M. Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum, Oxford. London: Royal Numismatic Society and Society for the Study of the Crusades and the Latin East, 1995. P. 43.*

произошло и со стилем имитаций: эпиграфика поздних эмиссий ухудшалась, арабские надписи стали трудночитаемыми и увеличилось количество ошибок.

Но в отличие от безантов Триполи, на иерусалимских имитациях динаров можно хорошо разобрать известные мусульманские формулы, которые арабы использовали в легендах своих монет². На аверсе безанта помещена бисмала — традиционная фраза, повторяемая в каждой молитве и с которой начинается каждая сура Корана (кроме девятой):

bism allāh al-rahmān al-rahīm

Именем Аллаха Милостивого Милосердного.

Примечательно, что бисмала на динарах сопровождала в легенде дату чеканки монеты, написанную по исламскому летоисчислению — Хиджре, за отправную точку в которой принята дата переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г. от Рождества Христова.

На реверсе безанта помещена калима — характерная для Ислама декларация веры, легшая в основу шахады — одного из столпов Ислама.

la ilāh illā allāh muhammad rasūl allāh

Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад — Посланник Аллаха.

4. Серебряные дирхемы

В первой четверти XIII в., с укреплением роли серебра в денежной системе Айюбидского султаната, латиняне приступили к чеканке имитаций арабских дирхемов. В Триполи крестоносцы чеканили имитацию алеппского дирхема с Печатью Соломона на обеих сторонах и именем уже умершего к тому времени амира Алеппо аз-Захира Гази (1172–1216)³. Эти монеты несут в легенде название монетного двора Халеб (Алеппо), но даты чеканки дирхемов Триполи начинаются с 614 г. Хиджры (1217–1218 гг. н.э.) — следующего года после смерти правителя Алеппо.

² Malloy A.G., Preston I.F., Seltman A.J., Bates M.L., (Author), Gordus A.A., Metcalf D.M., Pesant R. Coins of the Crusader States. New York: Attic Books, 1994. P. 116.

³ Ibid. P. 113.

Иерусалимская имитация дирхема амира из династии Айюбидов ас-Салиха Исмаила (ок. 1200–1250) чеканки сирийского м.д. Дамаск 644 г.х. (1246–1247)

В Акре чеканили иерусалимскую имитацию арабской монеты другого типа — дамасского дирхема с квадратной рамкой, вписанной в круг⁴. Эти монеты повторяли легенду с именем амира Дамаска аль-Малика ас-Салиха I (ок. 1200–1250), правившего в Дамаске в 1237 г. и с 1239 по 1245 г., и Аббасидского халифа аль-Мустасима Биллаха (1213–1258 гг.).

Как и золотые безанты, имитации дирхема несли в легенде аверса бисмалу и дату по Хиджре. Известны монеты с датами, написанными с ошибками: 641 (1243–1244), 646 (1248–1249), 647 (1249–1250).

В легенде реверса дирхемов крестоносцев в секторах помещена калима:

la ilāh illā | allāh wahdahu | lā sharīka lahu | muhammad rasūl allāh

Нет Бога | кроме Аллаха | нет сотоварища у Него | Мухаммад — Посланник Аллаха.

В отличие от динаров, дирхемы не уступали своим прототипам ни в весе, ни в пробе металла⁵. Стиль оформления и каллиграфии иногда настолько близок к оригиналам, что определить эмитента можно только по дате чеканки. Судя по тому, что дирхемы крестоносцев массово находят в составе кладов подлинных дирхемов Айюбидов, можно с уверенностью сказать, что эти монеты имели самое широкое распространение не только в государствах крестоносцев, но на землях мусульман.

⁴ Ibid. P. 134.

⁵ Ibid. P. 131.

5. Крестовый поход Людовика Святого

23 августа 1244 г. христиане в очередной раз потеряли Иерусалим: пришедшие в Левант хорезмийцы и египетские мамелюки сожгли и разрушили Святой город. Принять крест для освобождения Иерусалима вызвался король Франции Людовик IX. Собрав пятнадцатитысячное войско, костяк которого составляли 2800 лучших рыцарей Франции, Ахейского княжества, королевства Кипра и Акры, король Людовик в 1248 г. по морю отправился в крестовый поход, который в историографии принято называть Седьмым. Стратегия экспедиции заключалась не в походе на Иерусалим, а в нанесении мусульманам поражения в Египте — тогдашнем центре исламского мира.

Перезимовав на Кипре, в 1249 г. франки заняли важный египетский порт Дамьетту, но потерпели поражение от мамлюкского военачальника Бейбарса при попытках взять Каир и Эль-Мансур, потеряв в сражении брата короля Робера д'Артуа. Окончательный разгром крестоносцев произошел в сражении при Фарискуре 6 апреля 1250 г., когда войска Айюбидов убили и взяли в плен тысячи франков, в том числе захватили истощенного болезнью короля Людовика и его двух братьев.

За короля Франции сарацины назначили огромный выкуп в 800 тысяч золотых динаров, половина из которых должна была быть выплачена сразу. После возвращения Дамьетты и выплаты мусульманам денег Людовику было позволено отплыть в Левант.

6. Прибытие в Акру папского легата и запрет на чеканку монет с именем пророка Мухаммеда

После освобождения из арабского плена французский монарх Людовик IX прибыл в Акру — фактическую столицу Иерусалимского королевства. Экономический кризис во Франции, вызванный затратным крестовым походом и выкупом короля, крестьянские волнения, известные как крестовый поход пастушков, угроза войны с Англией, желание рыцарей из свиты Людовика вернуться домой — были достаточными причинами считать катастрофичный крестовый поход оконченным, а обет короля — выполненным. Но Людовик решил остаться на Святой земле, послужив делу укрепления латинских крепостей в Леванте. Эта новость приободрила сирийских франков, чувствовавших себя незащищенными в отсутствие своего короля. Бальи и регентом Иерусали-

ма тогда был король Кипра Генрих I, а номинальным королем считался сын Фридриха II Гогенштауфена — Конрад IV, но оба отсутствующие в Леванте. На четыре года Людовик Святой стал фактическим правителем Иерусалимского королевства, активно принявшись за строительство и ремонт фортификационных укреплений Акры, Хайфы, Цезарии, Сидона.

Вместе с Людовиком IX в Акру прибыл кардинал Эд де Шатору, назначенный папой римским легатом в Седьмом крестовом походе. Именно он обратил внимание на чеканку франками псевдоарабских монет с исламскими надписями, упоминающими имя пророка Мухаммеда, и использованием даты «от его рождения», как считал легат⁶. Возмущенный таким кощунством латинян Востока, он лично запретил чеканку подобных крамольных монет и отправил в Рим жалобу по этому факту.

Следуя запрету легата, подтвержденному специальным интердиктом папы римского Иннокентия IV, монетные дворы крестоносцев уже в 1250 г. прекратили чеканку имитаций арабских динаров и дирхемов⁷. Это обстоятельство сильно ударило по казне Иерусалимского королевства, остро нуждавшегося в средствах на защиту от внешней угрозы.

В результате папского запрета и необходимости продолжить собственную чеканку в Акре появились невиданные ранее типы монет, повторяющие дизайн привычных арабскому населению динаров и дирхемов, но содержащие изображение креста и христианские легенды.

7. Безанты 1251 г.

После папского интердикта в Триполи продолжили чеканку привычного всем золотого безанта⁸. Нечитаемая псевдоарабская легенда освободила графа Боэмунда V от необходимости менять текст надписей на монетах. В ходе новой эмиссии на аверс была добавлена латинская литера B, обозначающая имя графа, а на реверсе появились литера T, обозначающая Триполи, и небольшой лапчатый крест. В остальном монеты сохранили узнаваемый дизайн.

⁶ Ibid. P. 92.

⁷ Ibid. P. 132.

⁸ Ibid. P. 124.

Иерусалимский золотой безант с христианской арабоязычной легендой;
чеканка Акры 1251 г.

В Акре запрет папы потребовал более глубокой переработки внешнего облика монет, в результате которой появился принципиально новый тип безанта. Вместо имитаций динаров Фатимидов в Акре приступили к чеканке подражаний номиналом в безант и полбезанта, отдаленно повторяющих привычный арабам дизайн динаров, арабоязычную легенду, но имеющих принципиальные отличия от фатимидского прототипа⁹. Самым главным нововведением стало изображение на реверсе безанта крупного лапчатого креста (пате) — популярного в эпоху крестовых походов. Уменьшенные значки этой же формы служат и разделителем в круговых легендах аверса и реверса.

Но самое интересное — это арабоязычный текст легенды новой монеты крестоносцев. На аверсе в центральном круге помещена близкая всем авраимистическим религиям формула в две строки:

alāh | wāhid
Бог | Один.

Внутренняя круговая легенда продолжается тринитарной формулой:

al-ab wa l-ibn wa r-rūh al-qud[s]
Отец, Сын и Святой Дух.

⁹ Ibid. P. 118.

Во внешней круговой легенде содержатся указание монетного двора и дата от Рождества Христова, что в буквальном переводе с арабского звучит как от «Воплощения Мессии»:

durib bi-'akkā sanat alf wa mi'atayn ahad wa-khamsīn li-tajassud al-masīh

Отчеканен в Акре в год тысяча и две сотни, первый и пятидесятый (1251) от Воплощения Мессии.

На реверсе легенда написана с большими сокращениями и ошибками. Внутренняя круговая легенда:

wa q[iy] ām[atun] ā wa-bihi takhallusun ā wa 'uniqunā (?)

Мы славим Крест, от которого получаем наше спасение и жизнь.

Внешняя круговая легенда:

naftakhar bi-sal īb rabbinā yasū' al-masīh alladhī bihi salāmatunā wa hāyan

Воскресение, через которое мы спасены и помилованы.

Большинство монет этого типа датировано 1251 и 1253 гг., но есть все основания считать, что регулярная чеканка таких безантов и фракций в поддинара велась вплоть до 1258 г.¹⁰

Попытка восстановить чеканку золотых датированных монет была предпринята в 1261 г., но уникальность найденной монеты этого года указывает на то, что эмиссия имела малый объем и регулярная чеканка золота уже не возобновлялась.

8. Дирхемы 1251 г.

Не менее интересны иерусалимские серебряные монеты 1251 г. Они повторяли стиль и композицию своих арабских собратьев чеканки Дамаска, но имели христианскую легенду и изображение лапчатого креста в центре квадрата на аверсе ранних типов¹¹.

¹⁰ Ibid. P. 18.

¹¹ Metcalf D.M. Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum, Oxford. London: Royal Numismatic Society and Society for the Study of the Crusades and the Latin East, 1995. P. 98.

Иерусалимский серебряный дирхем с христианской арабоязычной легендой;
чеканка Акры 1251 г.

Легенда аверса иерусалимских дирхемов 1251 г. содержит основные положения христианского Символа веры. В квадрате на аверсе мы читаем следующее:

allāh wāhid huwa | al-īm ān wāhid | al-ma'tūdiya wāhida
Один Бог | Одна Вера | Одно Крещение.

Наружная легенда аверса в сегментах между квадратом и кругом несет указание места и года чеканки:

durib bi-'akkā sanata | alf wa-mi'atayn | ahad wa-khamsīn | li-tajassud al-masīh

Отчеканен в Акре в год | тысяча двести | первый и пятидесятый (1251) | от Воплощения Мессии (от Рождества Иисуса).

На реверсе дирхемов в квадрате помещена тринитарная формула:

al-ab wa l-ibn | wa r-rūh al-quds | ilāh wāhid
Отец | Сын и Святой Дух | Бог Единый.

В сегментах окончание молитвы:

lahu al-majd | ilā abada | l-abadīn | amīn amīn
Слава | Богу во веки | веков | Аминь, Аминь.

По всей видимости, это средневековый перевод на арабский язык латинского Славословия Пресвятой Троице, но с измененным порядком слов:

Gloria Patri, et Filio, et Spiritui Sancto. Sicut erat in principio, et nunc, et semper, et in saecula saeculorum. Amen.

Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу. И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

В той же стилистике, но меньшего размера, не позволяющего вместить полную легенду, в Акре чеканили половины дирхема. Их отличает более грубая чеканка, зачастую на монетных кружках неправильной формы. На штемпелях половинок дирхема пропущены слова в легенде. Некоторые монеты биты штемпелями дирхемов, но на заготовках маленького размера.

Невероятные перипетии взаимоотношений крестоносцев и мусульманского населения Иерусалимского королевства скрывают за собой, казалось бы, незначительные изменения в дизайне дирхемов эмиссии 1251 г.

Монеты с христианской легендой 1251 г. чеканки подразделяются на три основных подтипа по вариантам оформления аверса. Самые ранние — с крупным крестом внутри бисерной, шнуровидной или линейной окружности, помещенной в центр квадрата с легендой. Второй подтип отличается наличием среднего размера креста, помещенного внутри легенды между словами «Одна» и «Вера». Третий подтип монет 1251 г. сохранил христианскую легенду, но чеканился сперва с изображением маленьких крестиков в тексте легенды, а потом вообще без изображений креста, лишь с маленькими значками в виде лилий и полумесяцев¹².

Эти перемены в дизайне дирхемов произошли на монетном дворе Акры в течение всего одного года, что не характерно для консервативной средневековой нумизматики, где некоторые типы монет оставались неизменными многими десятилетиями. Сопоставляя этот факт с известной нам перепиской Эда де Шатору с папой римским по вопросу чеканки монет и редкостью указанных дирхемов вкладах на территориях, кон-

¹² Metcalf D.M. Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum, Oxford. London: Royal Numismatic Society and Society for the Study of the Crusades and the Latin East, 1995. P. 139–140.

Иерусалимская серебряная половина дирхема с христианской арабоязычной легендой; чеканка Акры 1251 г.

тролируемых в середине XIII в. Айюбидами, мы можем утверждать, что причиной уклонения от изображения креста на имитациях дирхемов стал категорический отказ мусульманского населения Иерусалимского королевства принимать латинскую монету с христианскими символами. Стараясь сохранить доход от чеканки имитаций арабских монет, сирийские латиняне пытались формально соблюсти требования папы римского, но при этом не провоцировать мусульманское население изображением креста, постепенно убрав его с арабоязычных дирхемов Акры и безантов Триполи.

Но это не помогло сохранить крестоносцам прежние объемы выпускаемых Акрой денег. По всей видимости, даже отсутствие изображения креста, отменная проба и вес латинских дирхемов не соблазнили правоверных принимать монету с упоминанием Троицы, Крещения и христианской датой. Уже в 1252 г. чеканка дирхемов и их половин с Символом веры и молитвой Троице была прекращена.

9. Дирхемы 1253 г.

Финансовые потери королевства, вызванные экспериментальной чеканкой христианских арабоязычных монет, в условиях острой потребности в деньгах, вынудили латинян просить у Иннокентия IV разрешения на возобновление чеканки привычной арабам монеты. Коммерческие до-

Основные типы оформления аверсов дирхемов Акры 1251 г.

воды, изложенные в письме Эда де Шатору папе римскому, перевесили идеологические установки, и в 1253 г. из Рима пришло разрешение на чеканку арабских монет, но с некоторыми оговорками.

Сохранялся запрет на упоминание имени пророка Мухаммеда и указание года по «дате его рождения», как христиане воспринимали Хиджру, по аналогии с летоисчислением от Рождества Христова. В результате на свет появилось еще несколько компромиссных типов христианской имитации арабской монеты.

Известно несколько экземпляров очень редкой имитации, повторяющей дореформенные дирхемы, однако без бисмалы на аверсе и с искаженной, нечитаемой калимой на реверсе.

Более массовым тиражом была отчеканена монета с датой 1253 г.¹³

Вернув дирхему привычное оформление дамасской монеты амира ас-Салиха Исмаила, крестоносцы на аверсе сохранили название монетного двора Дамаск, как на прототипе. Дату же обозначили по христианскому летоисчислению, но без упоминания Рождества Христова, как было на монетах 1251 г.

Легенда аверса в четвертях:

duriba bi-dimashq | sana alf wa- | mi'atayn wa-thalatha | wa-khamsin

Отчеканен в Дамаске | год одна тысяча и | две сотни и третий | и пятьдесят (1253).

На реверсе в сегментах вместо калимы с упоминанием имени Мухаммеда помещена бисмала, которая в своей сути не противоречила христианским догматам, если переводить слово «Аллах» как «Бог»:

bism allāh al-rahmān al-rahīm

Именем Бога Милостивого Милосердного.

¹³ Ibid. P. 136—137.

Иерусалимская имитация дамасского дирхема амира ас-Салиха Исмаила с датой 1253 г., отчеканенная в Акре

Судя по внушительному количеству найденных монет этого типа и большому числу известных пар штемпелей, можно утверждать, что чеканка подобных дирхемов не ограничилась одним годом, а дата 1253 г. являлась замороженной.

10. Дирхем с именем Михаила вместо Мухаммеда

Одним из самых загадочных типов христианских имитаций арабских монет стал дирхем с именем Михаила.

Копируя самый распространенный тип дамасской монеты Айюбидов амира ас-Салиха Исмаила, крестоносцы поменяли дату, указав на аверсе 643 г.х., в сегментах разместили маленькие изображения креста и заменили имя Мухаммеда на Михаила в легенде реверса¹⁴:

la ilāh illā | illa allāh wa | mikhā + īl | rasūlu llāh

Нет Бога | кроме Аллаха и | Миха + ил | Посланник Бога.

Повторяют, но с сокращениями, оформление основного номинала и фракции дирхемов.

¹⁴ Ibid. P. 135.

Иерусалимская имитация дирхема амира ас-Салиха Исмаила чеканки сирийского м.д. Дамаск с именем Михаила, датой 643 г.х. и изображением маленьких крестов в секторах на аверсе и реверсе

Дата чеканки 643 г.х. соответствует 1245–1246 гг. христианского летоисчисления. Это не соотносится с датой запрета на чеканку монет с именем пророка Мухаммеда и периодом реформы дизайна монет. Скорее всего мы имеем дело с фиктивной датой, возмущающей к какому-то несохранившемуся договору между Иерусалимом и Дамаском на право чеканки крестоносцами имитаций арабских монет или документу, разрешающему хождение иерусалимской монеты на землях Айюбидов. С учетом вышеизложенных предположений и редкости монет этого типа можно допустить, что дирхемы и половины дирхема с именем Михаила чеканили в короткий переходный период 1250–1251 гг., сразу после запрета Эда де Шатору, но до официального интердикта и начала чеканки монет 1251 г.

11. Прекращение чеканки христианских арабоязычных монет

Денежная реформа, проведенная после интердикта Иннокентия IV, привела к невиданному сокращению объемов чеканки монет крестоносцев. Если дореформенные имитации арабских дирхемов, отчеканенные в Триполи и Акре, десятилетиями вливались в море оригинальных арабских монет, распространяясь торговцами от Анатолии до Египта, то

Иерусалимская имитация половины дирхема амира ас-Салиха Исмаила чеканки сирийского м.д. Дамаск с датой 643 г.х. с именем Михаила и изображением креста в нижнем секторе реверса

христианские монеты не выдержали и нескольких лет эмиссии. Серебряные дирхемы и их фракции были основной монетой крестьян, мелких лавочников, купцов, ремесленников, слуг — простых людей, составлявших абсолютное большинство населения средневековой Сирии. Пospешная многократная смена оформления монет крестоносцами в течение всего нескольких лет с 1250 по 1253 г. позволяет предположить, что вызвано это было радикальным неприятием мусульманским населением латинских денег. Носил ли отказ от новой монеты характер уличных протестов, бунтов, вооруженной борьбы или же мирного саботажа — неизвестно. Однако символический отказ крестоносцев от изображения креста на монетах и поиск приемлемого для сарацин дизайна имитаций арабских дирхемов говорят о напряженном противостоянии между общинами и унижительном компромиссе со стороны крестоносцев, продиктованном огромными финансовыми потерями от непродуманной реформы.

Относительно большое количество дошедших до нас дореформенных золотых монет крестоносцев указывает на то, что конец столетнего расцвета чеканки золота в Иерусалимском королевстве так же совпал с папским запретом. Христианские безанты Иерусалима крайне редки, а монеты некоторых годов чеканки уникальны или известны по единичным экземплярам. Но обращает на себя внимание факт, что при всей ограниченности тиража иерусалимских христианских безантов эти монеты на десять лет сохранили неизменной христианскую легенду и изо-

бражение креста. Можно предположить, что это вызвано окончательным переходом христианских золотых монет в середине XIII в. на обслуживание внутреннего рынка, где местное состоятельное арабское население в меньшей степени брезговало христианским золотом, нежели ходовым серебром.

С высоты исторического опыта становится очевидно, что принятый папским легатом под влиянием идеологии и эмоций запрет на чеканку имитаций арабских монет имел катастрофические последствия. Разрушение стройной денежной системы, ориентированной на мусульманское население, привело Иерусалимское королевство к краху финансовой структуры, из которого ему не суждено было выйти.

Незнание прибывшим из Европы папским легатом местных особенностей, складывающихся десятилетиями в Леванте, игнорирование хрупких культурных, финансовых, религиозных взаимосвязей привели к конфликту и разрушению баланса многонационального исламо-христианского общежития.

Непродуманные действия нанесли удар по экономической, а следовательно, военной и политической базе существования латинских государств на Святой земле. Это обострило кризис интересов между разными группами латинян, породило эскалацию борьбы за ресурсы и приблизило крах государств крестоносцев.

Нехватка денежных средств, борьба за торговые пути и рынки буквально через пять лет после прибытия папского легата привели к вооруженному конфликту между латинянами, известному как Война Святого Саввы (1256–1270). В ходе этого противостояния уже в 1258 г. Акра была разрушена, и регулярная чеканка монет франками там больше не возобновлялась. Междоусобная война окончательно разорила государства крестоносцев, сделав Левант легкой добычей для мамелюков, которые в 1291 г. навсегда положили конец латинскому правлению в регионе.

12. Свидетели взаимопроникновения культур

Приведенные выше арабоязычные христианские монеты франков являются собой редкий образец подлинной материальной культуры государств крестоносцев на Святой земле, практически полностью утраченной в ходе многовековых войн на Ближнем Востоке.

Эти монеты отражают реалии взаимоотношений Рима и Иерусалимского королевства, христиан и мусульман времен крестовых походов. От-

сутствие достаточного количества письменных и материальных памятников того времени делает их бесценными источниками информации о перипетиях христиано-исламских отношений.

Редкость этих малоизученных монет, отсутствие полного поштмпельного анализа, регулярное появление новых неописанных разновидностей делают эту тему очень актуальной для фундаментального нумизматического исследования. Христианские дирхемы Иерусалимского королевства уже приоткрыли завесу тайны над интереснейшими деталями повседневной жизни франков в Леванте, но способны рассказать еще много нового о Святой земле в эпоху крестовых походов.

REFERENCES

1. *Malloy A.G., Preston I.F., Seltman A.J., Bates M.L., (Author), Gordus A.A., Metcalf D.M., Pesant R.* Coins of the Crusader States. New York: Attic Books, 1994.
2. *Metcalf D.M.* Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum, Oxford. London: Royal Numismatic Society and Society for the Study of the Crusades and the Latin East, 1995.

Ключевые слова:

христианские арабоязычные монеты, монеты государств крестоносцев в Леванте, латинские имитации арабских монет

Vladimir S. Khomutov

CHRISTIAN ARABIC COINAGE IN THE KINGDOM OF JERUSALEM

he article introduces the reader to the phenomenon of Christian Arabic coinage, minted by the Crusaders in the Levant. The author gives a thorough description of the types and origins of Latin imitations of Fatimid and Ayyubid dirhams and dinars.

Moreover, the article examines the appearance of original Crusader coinage, which seemingly were imitations of Islamic coins, but contained a Christian legend, an image of the Cross and were dated with the year of Our Lord (Anno Domini). Also, the role of the Pope of Rome in the 1251 Kingdom of Jerusalem's monetary reform will be analyzed.

Through the mint of Arabic coinage, we can get a glimpse at another angle of the collision and mutual cultural influence of the Latin and Islamic worlds in the Middle East during the Crusades.

Key words: Christian Arabic coinage, Crusader coinage in the Levant, Latin imitations of Arabic coins.

Vladimir S. Khomutov — Numismatist, collector, editor of the numismatic portal Castle Coins.

 Хомутов Владимир Сергеевич

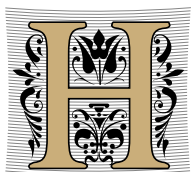
коллекционер-нумизмат, редактор нумизматического портала
Castle Coins

Д.Э. Харитонович

ЛУЧИЦКАЯ С.И. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД: ИДЕЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

СПб.: Наука, 2019. 389 с.

Некогда Светлана Игоревна подарила автору данной рецензии данную рецензируемую книгу с дарственной надписью: «От крестоносца крестоносцу с добрыми пожеланиями». Дело в том, что автор этих строк в свое время написал книгу (прошу читателя не рассматривать это как саморекламу)

«История крестовых походов. Краткий курс». М., 2009, где ссылаюсь на другую, более раннюю книгу Светланы Игоревны: С.И. Лучицкая. «Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов». СПб., 2001. Так вот, в своем сочинении я написал (опять же, это не самореклама): «На заявленную тему написано страниц не менее, чем дней было в эпоху крестовых походов, и маловероятно, что мне удастся создать что-то новое...» Светлане Игоревне, по моему, удалось. Она не пересказывает в очередной раз всю череду событий, но дает образ крестовых походов, даже образы, во множественном числе, как образы, сложившиеся у современников оных походов, так и образы в сознании людей последующих поколений, вплоть до наших дней.

Надо сказать, что изучение истории крестовых походов насчитывает уже несколько столетий, и, разумеется, за это время в историографии накопилось немало стереотипов и мифов относительно этой едва ли не самой популярной темы средневековой истории. До сих пор в научной литерату-

ре доминируют достаточно односторонние трактовки, в соответствии с которыми причины крестовых походов интерпретируются исключительно в терминах социально-экономического редукционизма, а сама история вписывается в уже устаревшую хронологическую схему истории восьми «официальных» крестовых походов, длившихся с 1095 по 1291 г. Рецензируемая книга предлагает новый взгляд на историю крестоносного движения. Прежде всего отметим, что в ней крестовый поход рассматривается отнюдь не как некое событие, происходившее на границе с исламом, но как сложный социальный феномен, возникший в самом сердце христианской Европы. В этой связи совсем не случайным представляется особое внимание автора книги к церковно-политическим реформам, происходившим в лоне христианского общества в XI–XII вв. (см. главу «Как возникла идея крестового похода», «Папство и священная война» и др.). В книге вообще убедительно показано, что крестоносное движение — явление, которое существовало не само по себе, но в связи с теми задачами, которые стояли перед средневековым обществом и для решения которых использовался инструмент крестового похода — будь то конфликт «священства» и «царства», который красной нитью проходит через всю средневековую историю, или борьба с ересями, угрожавшими целостности Церкви, или проблемы колонизационного движения (см. главы «Дело “креста” в XIII в.» и «Осень крестового похода»). Исходя из такого взгляда на крестовый поход, автор полагает, что эти события закончились не с победой ислама над христианством в 1291 г., а с утверждением идей Реформации в западном христианском обществе (см. главу «Критика крестоносного движения и его упадок»).

Автора рецензируемого исследования интересуют не только «вечные» сюжеты истории крестоносного движения, связанные с дефиницией крестового похода, с проблемой восприятия этого феномена в каноническом праве и общественном сознании. Вопрос о том, «что такое крестовый поход», рассматривается в тесной связи с обсуждением темы «кто такие крестоносцы» (см. главы «Кто такие крестоносцы», «Как организовать крестовый поход» и др.). По этой причине С. И. Лучицкая пересматривает традиционную интерпретацию периодизации и основных направлений крестоносного движения (см. главы «Дело “креста” в XIII в.» и др.). В книге показано, что военно-религиозные экспедиции в Святую землю в XII–XIII вв. были далеко не единственным направлением крестовых походов, но что с самого начала движения папство приравняло к священным войнам военные действия, происходившие на самых разных военных театрах — от Испании до Прибалтики, а в XV–XVI вв. и в Северной Африке и даже в Новом Свете. В связи с этим автор книги показывает, что разработанная еще в трудах

протестантов и деятелей эпохи Просвещения периодизация, до сих пор господствующая в научной и учебной литературе, не соответствует достигнутому ныне уровню научных исследований истории крестовых походов.

Большое внимание уделяется в книге не только теоретическим аспектам исследования интереснейшего сюжета средневековой истории, но и анализу различных аспектов материальной и духовной жизни крестоносцев. В работе рассматриваются темы, связанные с изучением колонизации на Ближнем Востоке и в поствизантийском мире (см. главу «Военно-политическая система и колонизация земель на Востоке»), анализом материальных аспектов крестоносного движения (см. главу «Как достичь Святой Земли: пути и средства транспорта»), исследованием духовной культуры крестоносцев (см. главу «Культура государств крестоносцев»). Большой интерес представляет глава «Крестовый поход в европейском воображении», где показано, как на протяжении столетий переосмыслялась крестоносная традиция в политике, идеологии Европы, а также в исторической науке и художественной культуре.

Не менее важны, с моей точки зрения, разделы, в которых исследуются взаимоотношения крестоносцев с мусульманским и византийским мирами (главы «Крестовый поход и ислам», «Византия и крестоносцы»). В главе о Византии автор рассматривает важнейший сюжет — как идея священной войны интерпретировалась в восточном и западном христианстве. В разделе, посвященном исламу, предпринята попытка реконструировать сложную картину христианско-мусульманских отношений в эпоху крестовых походов. В книге показано, что конфликт между франками и мусульманами отнюдь не являлся определяющим для ближневосточного мира этой эпохи и что представления о непреодолимой пропасти между обоими мирами, якобы созданной крестовым походом, в большой степени преувеличены. Этот вывод кажется принципиально важным на фоне современных манипуляций историей крестоносного движения, питающих созданный политиками и социологами (в частности, С. Хантингтоном) миф о фатальном «столкновении цивилизаций» (*clash of civilizations*).

Оценивая значение рецензируемой книги, следует отметить, что в отечественной историографии предпринималось не так много попыток создать синтезирующий научный труд по истории крестовых походов. Можно вспомнить об «Истории крестовых походов» (1901) известного византиниста Ф.И. Успенского, а также о работах крупнейшего знатока этой тематики М.А. Заборова. Его книги — «Крестовые походы» (1956), «Крестоносцы на Востоке» (1980) до сих пор пользуются большим спросом у специалистов и широкой аудитории. Но с момента издания этих трудов прошло уже немало лет, и за это время, как известно, в исторической науке произошли серьезные изменения, обусловлен-

ные приращением новых знаний. В этой связи важно подчеркнуть, что в книге С.И. Лучицкой учтены достижения мировой историографии в исследовании этой темы за последние примерно 30 лет.

Безусловно, книгу С.И. Лучицкой следует воспринимать не просто как яркое явление отечественной, но и общемировой науки: работа выгодно отличается от таких монументальных компилятивных трудов, как «God's War: A New History of the Crusades» Кристофера Тайермена (2006), и прекрасно соответствует и продолжает линию, заложенную Дж. Райли-Смитом в вышедшей под его редакцией «Оксфордской иллюстрированной историей крестовых походов» (1995): однако в отличие от оксфордской «Истории...» книга С.И. Лучицкой является монографией, а не коллективной работой, что подчеркивает кругозор, а также исследовательский и аналитический дар автора.

Можно с полным основанием сказать, что этот новый научный труд по общей проблематике истории крестовых походов написан на высоком уровне современной исторической науки. Предлагаемая вниманию читателя книга будет нужна и полезна, посему, может быть, Светлане Игоревне следовало бы хотя бы намекнуть, что название главы 7 «Осень крестового похода» есть аллюзия на популярнейшую книгу (наличествующую и в русском переводе) великого голландского историка Й. Хейзинги «Осень Средневековья».

Отечественный читатель (если он, конечно, не специалист) может не понять, что на с. 141 имеется в виду не закавказская Великая Армения, а так называемая Малая (или Киликийская) Армения на Малоазийском полуострове.

Есть в книге и описки, и опечатки (с. 331, 349, 357 и др.), о которых не имеет смысла говорить подробно.

В целом же приведенные замечания никак не снижают общего позитивного впечатления о книге, можно даже сказать, замечательной книге, которая будет интересна и полезна как для специалистов, так и для широкой читательской публики.

Еще раз подчеркнем — работа способствует существенному обновлению исторического знания в одной из, пожалуй, самых традиционных сфер исторической науки. Будем надеяться, что инициируемый рецензируемым исследованием пересмотр устаревших взглядов на крестовый поход продолжится.

 Д.Э. Харитонович

кандидат исторических наук

Бажанов Д.А.

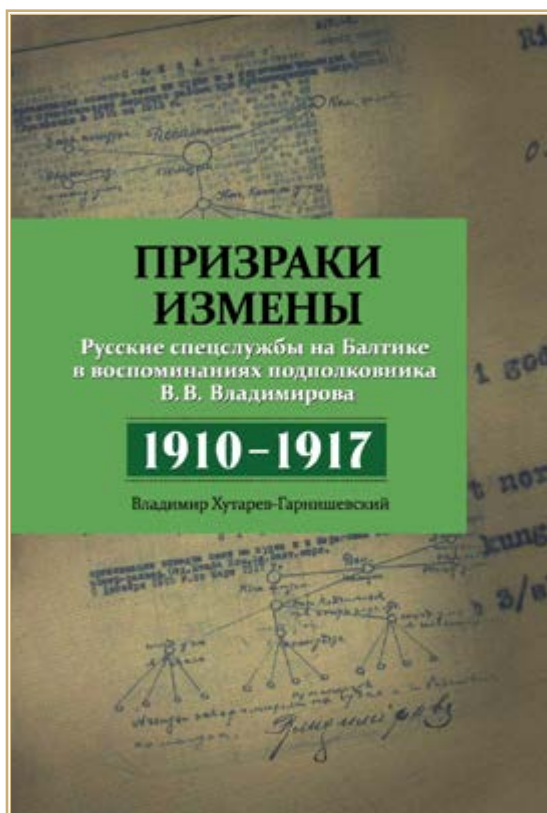
ПРИЗРАКИ ИЗМЕНЫ?

Размышления о работе В.В. Хутарева-Гарнишевского
«Призраки измены. Русские спецслужбы
на Балтике в воспоминаниях подполковника
В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.:
Сборник воспоминаний и документов». М., 2019.

Деятельность государственных спецслужб, в силу ореола секретности и важности проводимой ими работы, представляет значительный интерес как для профессиональных исследователей, так и для простых читателей. Тем больший интерес вызывают свидетельства очевидцев и участников событий. Предлагаемые воспоминания относятся к категории не просто «свидетельств очевидцев». Перед нами открываются размышления одного из тех, кто пытался выстроить систему борьбы с нежелательными для государства силами, будь то враг внешний или внутренний, в сложных условиях Первой мировой войны.

Первая мировая война являлась первым конфликтом тотального типа, т.е. потребовавшим напряжения всех сил воюющих народов. Речь идет не только о стратегических или экономических усилиях. Она продемонстрировала необходимость полного объединения усилий на фронте и в тылу, требуя готовности в течение длительных периодов времени выносить ее тяготы. По этой причине особенно глубокой оказывалась связь внутреннего и внешнего положения, значительных усилий от государства требовал и контроль за настроениями, и борьба с проникновением стран-противников в военные тайны. Тем самым спецслужбы оказались

перед необходимостью решать двуединую задачу. В свою очередь, это ставило вопрос о взаимодействии политической полиции, т.е. жандармерии и военных органов контрразведки, переживавших период становления. Автор предлагаемых воспоминаний, подполковник В.В. Владимиров, оказался, таким образом, в центре весьма сложных процессов, требовавших от всех участников определенного такта, готовности действовать сообща и в то же время целеустремленности в преодолении многочисленных организационных трудностей и проблем. Эти обстоятельства, приоткрывающие ответ на вопрос о характере взаимоотношений между различными ветвями русских спецслужб, и делают его свидетельства столь интересным источником.

В то же время нельзя свести данную работу исключительно к комментированной публикации источников. Особое значение имеют исследовательские наработки В.В. Хутарева-Гарнишевского. Благодаря им можно не вполне согласиться с заголовком в том, что это просто «сборник документов». Перед нами комплексная научная работа, в которую включены, безусловно, интересные и иллюстрирующие исследование источники.

Служебный путь автора воспоминаний, составляющих центральную часть сборника, весьма подробно и скрупулезно реконструирован В.В. Ху-

таревым-Гарнишевским, что представляется полностью оправданным¹. В.В. Владимиров, происходивший из мещан, родился 3 февраля 1871 г.² Для изменения своего социального статуса он использовал наиболее подходящий социальный лифт — военную службу. Закончив в 1892 г. Петербургское пехотное училище, он начал служить в 148-м Каспийском пехотном полку, расквартированном в Кронштадте. В 1900 г. он был произведен в поручики. Вместе с полком участвовал в боевых действиях на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны. Прошел через бои на реке Шахэ в октябре 1904 г., а также Мукденское сражение в феврале 1905 г. Войну закончил в чине штабс-капитана, был награжден орденами Святой Анны 4-й и 3-й степени³.

Однако затем отказался от продолжения военной карьеры и 1 августа 1907 г. подал прошение о зачислении в Отдельный корпус жандармов (ОКЖ). Представляют интерес мотивы такого поступка. В.В. Хутарев-Гарнишевский на основании работы Владимирова сделал вывод, что решающее значение имели революционные события 1905–1907 гг. В то же время он не отказал последнему и в более приземленных возможных причинах, например, в возможностях карьерного роста или размере получаемого денежного содержания⁴. Справедливо исследователь отметил и возможности личных связей, так как командиром 148-го Каспийского полка, где служил Владимиров, до 1903 г. был полковник барон Ф.Ф. Таубе, занимавший к моменту его перехода в ОКЖ должность командира⁵. После прохождения экзаменов 5 сентября 1909 г. В.В. Владимирова назначили помощником начальника Кронштадтского жандармского управления. Через три года при новом начальнике управления полковнике В.В. Тржецяке круг его обязанностей будет расширен за счет курирования вопросов подготовки агентуры⁶. Видимо, следует это прямо связать с раскрытием летом — осенью 1912 г. революционного подполья на кораблях и в экипажах Балтийского флота. На этой должности В.В. Владимиров и встретил начало Первой мировой войны.

¹ Хутарев-Гарнишевский В.В. Кронштадтская жандармерия и судьба подполковника Владимирова // *Он же. Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов* (далее — *Призраки измены*). М., 2019. С. 7–45.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 8–9.

⁶ Там же. С. 13–16.

Преимущественно этому периоду и посвящены приводимые «Воспоминания». Их компоновка отражает, по мнению составителя, структуру допросов автора в ОГПУ осенью 1925 г. Содержательно главы «Воспоминаний» делятся на три основных блока. Первый включает теоретическую информацию о контрразведке и разведке, а также военном шпионаже.

Затем идет очередь блока, включающего нормативные сведения о принципах наружного и внутреннего наблюдения, о роли основных категорий сотрудников — филеров, секретных сотрудников и осведомителей. Необходимо отметить, что эти принципы базировались на практике, принятой в политической полиции России.

Наконец, третий блок включает сведения о конкретной работе автора в контакте со штабом 6-й армии, Петроградского военного округа, а также штабом Балтийского флота. Наибольший интерес представляет именно последний, так как дает представление о конкретных случаях борьбы со «шпионством». В.В. Владимиров обозначил несколько направлений своей деятельности. Первым из них стала его командировка в июне 1915 г. на острова Моонзундского архипелага⁷ по согласованию с М.Д. Бонч-Бруевичем, начальником штаба 6-й армии и, видимо, руководителем контрразведывательного отделения (КРО) при штабе Н.С. Батюшиным. Деятельность М.Д. Бонч-Бруевича и Н.С. Батюшина и ранее подвергалась критическому анализу⁸. В.В. Хутарев-Гарнишевский метко охарактеризовал направленность его работы следующим образом: «Перед отличившимся в мясоедовском деле генералом была поставлена задача собрать компромат на третьего в очереди престолонаследования великого князя Кирилла Владимировича и его супругу Викторию Федоровну, обвинив их в шпионаже. Задачей-максимум была дискредитация всех потомков великого князя Владимира Александровича»⁹.

В этой логике построены и воспоминания В.В. Владимирова. Анализ положения дел в Прибалтике Владимиров предваряет общим обзором. Показательно, что акцент он делает на том, что пресловутое «немец-

⁷ Позднее он их почему-то назвал Аландскими — *Владимиров В.В. Воспоминания // Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. С. 127.*

⁸ См., напр.: *Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000; Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004.*

⁹ *Хутарев-Гарнишевский В.В. Кронштадтская жандармерия и судьба подполковника Владимирова // Он же. Призраки измены. С. 19.*

кое засилье» было «не засильем немецкого народа национальности, а засильем немецких дворянских и коммерческих кругов <...> Таким образом, край этот и его дворянство можно было считать авангардом и передовым плацдармом для будущего всеобщего наступления императорской Германии на Россию»¹⁰. Эта мысль была им развита и далее, при анализе положения дел на островах. С одной стороны он отметил разделивших «все земли и лесные угодья» феодалов-помещиков, с другой — «рабов-эстонцев», живущих в «убогих хижинах», расположенных на землях баронов. Под полным влиянием последних, по мнению автора, находилась и гражданская администрация, а также и полиция. Деятельно им помогали и пасторы¹¹. Именно в этой части «Воспоминаний» автор выглядит человеком, стремившимся подыграть тем, кто его допрашивал. Ничем иным объяснить изображенную картину классового противостояния невозможно.

Картина германского шпионажа, представляемая автором, выглядит весьма пестрой и разнообразной. Еще до приезда на архипелаг, находясь в Риге, он наблюдал, как с балкона одного из домов якобы передавали световыми сигналами азбукой Морзе. При этом автор счел, что ему удалось разобрать конец фразы на немецком языке, и сделал вывод, «что разговор шел о прибытии наших военных судов». Доказательств начальнику Лифляндского губернского жандармского управления генерал-лейтенанту И.Д. Волкову, к которому он обратился, В.В. Владимиров предстать не смог. Не стоит, поэтому, удивляться реакции Волкова, заметившего, что «все это ерунда, вам просто показалось»¹². Выводы В.В. Владимирова о развитом шпионаже «графов и баронов» на островах Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и Моон (Муху) также представляются во многом умозрительными. Его рассуждения о подаче световых сигналов противнику с помощью сжигания листвы в имени О.Р. фон Экеспарре или фонаря с балкона дачи А.Г. фон Шмидта его экономкой, о следах и шуме аэропланов во владениях «сиятельного шпиона» графа К.К. Палена, в уживании «сведений о военных операциях» у военных офицеров женой помещика фон Зенгера имели один серьезный недостаток — они не были подкреплены проверкой, не выстраивались в систему¹³. Полагаем, именно в этом, а не в пресло-

¹⁰ Владимиров В.В. Воспоминания // Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. С. 86.

¹¹ Там же. С. 90–91.

¹² Там же. С. 92, 117.

¹³ Там же. С. 93–95.

вutom «покровительстве» причина того, что сведения В.В. Владимирова остались без последствий.

В июле — августе Владимиров отправился с инспекционной поездкой по прибалтийскому побережью. Он проехал, по его словам, от Ревеля (Таллина) через Пернов (Пярну) до Риги и позиций 12-й армии. По всему маршруту «насаждалась резидентура и заводились осведомители»¹⁴. Это демонстрирует печальную картину отсутствия того и другого в предыдущий период, а также и подготовку к работе контрразведывательных структур в тылу Северного фронта фактически «с листа». После прибытия в Ригу автор «Воспоминаний» побывал также в октябре 1915 г. с аналогичными целями в городах Вольмар (Валмиера), Феллин (Вильянди) и Венден (Цесис). Его деятельность завершилась докладом в ноябре командующему фронтом генералу от инфантерии Н.В. Рузскому¹⁵.

Другим направлением стало сотрудничество с командованием Балтийского флота. К сожалению, В.В. Владимиров довольно кратко сообщал о своей роли в становлении морской контрразведки на Балтике. Впервые он коснулся этого обстоятельства при рассмотрении особенностей формирования агентуры, более подробно — при описании доклада генералу Н.В. Рузскому в ноябре 1915 г.¹⁶ Однако В.В. Хутарев-Гарнишевский дополнил эти пробелы документами: рапортом В.В. Владимирова о совещании с начальником штаба Балтийского флота контр-адмиралом Н.М. Григоровым и «Докладом по вопросу о реорганизации розыска в Балтийском море»¹⁷. В то же время представляется, что дальнейшее изучение роли В.В. Владимирова, Кронштадтского жандармского управления в контрразведывательной деятельности на Балтике остается весьма перспективным. Это связано с непростым взаимодействием друг с другом таких структур, как штабы 6-й армии и Северного фронта, штаб Балтийского флота, а затем и Морской генеральный штаб (МГШ). Например, еще в августе 1915 г. развернулась нешуточная борьба между КРО 6-й армии, возглавляемым Н.С. Батюшиным, деятельным помощником М.Д. Бонч-Бруевича, и штабом Балтийского флота за подчинение создаваемого при штабе Свеаборгской крепости контрразведывательного отделения. Она завершилась в сен-

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ Там же. С. 136.

¹⁶ Там же. С. 74, 135–141.

¹⁷ Документы и материалы // Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. С. 238–247.

тябре победой Оперативной канцелярии штаба флота и подчинением Свеаборгского КРО ей. Не было единства действий и среди тех, кто, казалось бы, должен быть единомышленниками — среди военно-морских структур. В Финляндии еще до создания Свеаборгского отделения, т.е. с июня 1915 г., с помощью своей агентуры контрразведывательной деятельностью занималась Центральная морская регистрационная служба (ЦМРС) МГШ. Впоследствии, с усилением позиций Оперативной канцелярии осенью 1916 г., агентуру переподчинили штабу Балтийского флота. Последнее обстоятельство приводило к трениям между начальником ЦМРС капитаном II ранга В.А. Виноградовым и начальником ОК подполковником А.Н. Нордманом¹⁸. Тем самым В.В. Владимиров, привлечение которого, судя по срокам, было связано с выступлением экипажа линкора «Гангут» 19 октября 1915 г., оказывался в крайне не простой обстановке.

В подобных условиях роль В.В. Владимировой оказывалась на своеобразном «стыке» между военными и политическими спецслужбами. В.В. Хутарев-Гарнишевский сумел показать один из итогов работы Владимировой в Кронштадте и на кораблях флота — созданную им агентуру¹⁹. Однако какова была ее роль и роль Владимировой в таких делах, как раскрытие так называемого Главного судового коллектива РСДРП или Главного коллектива Кронштадтской военной организации в 1915–1916 гг., осталось вне рамок работы.

Нужно признать, что воспоминания В.В. Владимировой отразили сложный процесс развития и деятельности отечественных спецслужб в период Первой мировой войны, продемонстрировали сложные проблемы, стоявшие перед ними (организация, взаимодействие различных

¹⁸ См. подробнее: *Бажанов Д.А. Контрразведывательное отделение штаба Свеаборгской крепости: организация и функционирование (1915–1918 гг.) // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. IV. «Городская, 2» — 2007 / Отв. ред. А.М. Кулегин. СПб., 2008. С. 142–152; Бажанов Д.А. Становление морской контрразведки в России: организационные вопросы и пути решения // Герценовские чтения 2008. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. и уч.-метод. трудов / Отв. ред. В.В. Барабанов, сост. А.Б. Николаев. СПб., 2009. С. 123–126; Бажанов Д.А. Русская морская контрразведка в Финляндии в марте — октябре 1917 г.: организация и структура // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17 (1). С. 167–183.*

¹⁹ *Хутарев-Гарнишевский В.В. Кронштадтская жандармерия и судьба подполковника Владимировой // Он же. Призраки измены. С. 32–33; [Хутарев-Гарнишевский В.В.] Список секретных сотрудников, осведомителей и филеров, работавших в Кронштадте и на Балтике в 1911–1917 гг. / Документы и материалы // Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. С. 273–293.*

структур, как фронтовых, так и тыловых). Они показали несовершенство и ограниченность применяемых методов, различное понимание объекта деятельности. Это зачастую приводило к борьбе с ложными «призраками» и недооценке опасности реальной. В то же время данная работа лишней раз показывает, что эффективность деятельности спецслужб зависит от эффективности работы всего государственного механизма.

 Бажанов Денис Александрович

кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории
 Российского государственного педагогического университета
 им. А.И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург,
 набережная реки Мойки, д. 48, dbazhanov@herzen.spb.ru

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 25.03.2020. г. Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 19,2. Заказ № 880.

Адрес редакции: 119071, г. Москва, Ленинский пр-т. 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2020

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Следующий номер «Исторического вестника» посвящен большим и малым дискуссионным проблемам российской/советской истории XIX–XX вв., связанных с реформаторскими и революционными процессами, социальными движениями.

ВОРОНЦОВО ПОЛЕ

№2/2020

Вестник фонда «История Отечества»

ПОБЕДА!

Сберегая историческую
память

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

100 лет назад Русская
флотилия покинула Крым

ЗАСЕЧНЫЕ ЛИНИИ:

историко-культурное
наследие

ПЁТР I

История
Традиция
Миф

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Основано в 1866 г.

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА